

Старшинов Николай Васильевич
Зарево над волнами

Волны глухо рокотали у бортов. Белопенные всплески косо стегали по корабельным надстройкам, обдавая брызгами тесно прижавшихся друг к другу людей.

Бойцы в истрепанных гимнастерках, матросы в давно потерявших свой первоначальный вид форменках сгрудились в узких проходах между леерами и составленными на палубе тюками и ящиками. Почти все полулежали, стараясь уберечь от соленой воды повязки, пропитанные кровью и покрытые пороховой гарью. Не раненых тут не было. Шаткая палуба "морского охотника" походила на жуткий фантастический набросок свирепого художника, который не пожалел мазков для воссоздания мрачной картины страданий и боли. Да, все это действительно напоминало темное полотно картины. Неподвижные, словно окаменевшие, фигуры людей, сосредоточенные, устремленные в одну точку взоры. И - бинты, бинты...

Все молчат. Лишь удары волн в деревянные борта суденышка наполняют зябкий морской воздух непрерывным гулом.

Но что это? Возник новый звук. Он стремительно нарастает и неожиданно обрывается тяжелым рокошущим ударом об воду.

- Заметили, - зло процедил сквозь зубы широкоплечий старшина с туго забинтованной головой. - Сейчас накроют. Запросто.

- Черт с ним, - безразлично откликнулся пожилой солдат. - Теперь все едино жизни нам нет.

- Почему же? - спросил кто-то сиплым голосом.

- Сам гляди, почему, - клюшкой ткнул в темноту солдат. - Севастополь...
Вон он где остался.

Огненная вспышка полоснула по переполненной палубе, на мгновение озарив лица собеседников. Такие с виду разные, они чем-то удивительно походили друг на друга. Чем же? Конечно, глазами. В них словно застыла солдатская боль, которую не выразить словами.

- Севастополь... - голос старшины дрогнул, будто он не нашел, что сказать дальше.

Но его поняли все. Изможденные раненые люди смотрели туда, где в отдалении над волнами полыхало высокое зарево. Сколько невзгод и лишений вынесли они на том небольшом, но предельно твердом во всех отношениях клочке родной земли! Бомбежки, ураганные артиллерийские и минометные обстрелы, непрекращающиеся атаки озверевших гитлеровцев... Враг огнем и

сталью терзал севастопольскую землю, стараясь выбить из блиндажей и дзотов защитников города. Но они стояли! А когда от ран уже не могли стоять, то все равно не выпускали из рук оружия и дрались, дрались не на жизнь, а на смерть. И вот теперь земля Севастополя словно выскользнула, ушла из-под ног. Волны зыбко трясут корпус небольшого судна. Кажется, нет этим волнам ни конца, ни края. Лишь где-то там, в ночной дали, над ними маячит багровое зарево. Горит родной Севастополь. Пылают подожженные вражескими фугасами последние рубежи обороны.

Каждый думал о своем. И все вместе - об одном и том же.

Немного раскосые глаза Филиппа Рубахо смотрят с прищуром в ночную темень. Кажется, и сейчас прославленный севастопольский снайпер целится во врага из своей боевой винтовки, на прикладе которой много-много зарубок. Каждая зарубка - десять уничтоженных гитлеровцев.

Еще один снаряд ухнул у самого борта, обдав людей на палубе каскадом тяжелой, будто свинец воды. Рядом раздался короткий мучительный стон.

- Не дожил парень до берега, - хмуро промолвил старшина и по привычке потянулся к головному убору. Пальцы наткнулись на влажный бинт. - Ух, гады, сбили с меня бескозырку!

- Нашел, о чем горевать, - укоризненно заметил обладатель сиплого голоса.
- Люди головы кладут...

- Кому они теперь нужны, эти самые головы? - отозвался пожилой солдат.
Почитай, кругом теперь германец.

- Брось, папаша, - не оборачиваясь, прервал его Филипп. - Нужны наши головы! Даже очень нужны... Какой, скажи, из тебя боец, ежели ты без головы? Нет, папаша, в нашем деле голова ой как еще потребуется! Ведь вернемся мы сюда. Все равно вернемся. Недолго ходить поганым гитлеровцам по нашей родной, политой кровью дорогих товарищей земле.

- Верно, Филипп! - сказал, как отрубил, сидящий рядом Иван Прохоров. - Мы еще придем в Севастополь.

А вражеские батареи все палили и палили. Снаряд за снарядом посылал захваченный гитлеровцами берег вслед уходящему судну с ранеными защитниками земли севастопольской.

- Перекурим, - предложил Рубахо с явным намерением прекратить трудный для всех разговор.

- Давай.

Филипп откинул полу маскировочного халата и достал висящий на тонком ремешке фотоаппарат. На него с недоумением и любопытством смотрело несколько пар глаз. Между тем снайпер ловко перевернул лакированную камеру, открыл нижнюю крышку.

- Прошу. Табачок, правда, дряннь, но в такую пору сойдет.

- Ишь ты, - покачал головой пожилой солдат, - какую себе табакерку смастерил.

- Фрицы ее мастерили, - поправил Иван Прохоров, - а Филипп в обмен на один снайперский выстрел получил.

Удивительная табакерка пошла по рукам. В другое время Рубахо охотно рассказал бы ее историю, но сейчас эта история казалась ему самому пустой и ничего не значащей в сравнении с тем, что Севастополь теперь в руках врага.

Когда-то сам мичман Борис Шейнин - вездесущий, отчаянный флотский фотокорреспондент, - с завистью и удивлением заметил на груди у снайпера этот немецкий аппарат. Дело было в холодный январский день 1942 года.

- Откуда такая чудесная "лейка"? - любопытствовал Шейнин. - Где удалось достать?

- Я достал не аппарат, а его хозяина, - со смешинкой в голосе ответил Филипп Рубахо и поведал, как охотился со снайперской винтовкой за немецким офицером, который фотографировал укрепления на переднем крае нашей обороны. Стрелять было очень неудобно - немец ловко прятался за выступами камней. Но Рубахо все же изловчился, послал пулю. Документы, обнаруженные при убитом офицере, оченьгодились нашей разведке, а фотоаппарат оказался безнадежно испорченным пулей. С той поры у Филиппа Рубахо появилась эта необычная табакерка. И вот теперь она передавалась из рук в руки. Сосредоточенные печальные лица на короткий миг будто теплели. Солдаты и матросы сворачивали тоненькие сигарки, передавали Филиппову табакерку дальше. Вот она дошла до лежащего на палубе бойца. С первого взгляда, по одежде было трудно определить, к какому роду войск он относится. Солдатские сапоги и флотские брюки, голова не покрыта. Из-под разорванной на груди гимнастерки виднеется матросская тельняшка.

Он приподнялся. Сделал это как-то странно, напряженно, не опираясь на руки. Впрочем, опереться он и не мог - рук по самые плечи не было.

Сосед перехватил взгляд лежащего. Скрутил ему сигарку.

- Держи, браток. Прихвати зубами... Сейчас огонька дам.

- Спасибо, друг.

Немногословно переговаривались о куреве, а думали все о том же, что до боли волновало каждого.

Приуныл и Николай Кириллов. Еще недавно казалось - не сыскать человека веселее. С шуточками да прибауточками отправлялся он на смелые вылазки в тыл врага за "языками", беззлобно подтрунивал над друзьями во время жестоких артиллерийских налетов, если те хоть на секунду медлили встать после очередного близкого разрыва. Думалось, ничто этого человека не страшит. А

тут...

Все отдаленней и отдаленней становилось багровое зарево над Севастополем. Вот уже и вражеские снаряды не долетают. Лишь волны по-прежнему монотонно стегают по низко осевшим бортам переполненного сверх всякой меры маленького судна.

Люди курят, пряча сигарки в рукава, заслоня светлячки их огоньков от пенистых брызг прохладной воды.

Люди курят и молчат.

Строг и сосредоточен отважный снайпер Филипп Рубахо. Угрюм и задумчив недавний весельчак и беззаветной храбрости воин Николай Кириллов. Грустен и молчалив Иван Прохоров. В Севастополе они привыкли жить выполнением очередного боевого задания. Далеко не загадывали. Вокруг бушевала смерть, но никто не думал о ней в ожесточенной свистопляске огня и металла. Все жили одним стремлением: уничтожить как можно больше гитлеровцев, даже ценой собственной жизни.

Теперь же хотелось жить. Пусть не так уж долго, только обязательно до того заветного дня, когда настанет черед расквитаться с жестоким врагом, отплатить ему за смерть друзей по оружию, за горе и страдания, принесенные гитлеровцами на нашу счастливую, бесконечно родную землю.

- Вернемся! - чеканя каждый слог, проговорил Филипп Рубахо, будто отвечая этим словом на все мысли, обуревающие его угрюмых спутников.

В ту пору никто из них, разумеется, не знал, что еще доведется повоевать вместе под прославленным знаменем 393-го отдельного батальона морской пехоты, который впоследствии стал Краснознаменным, за ратные подвиги бойцов обрел почетное наименование Новороссийского.

И уж, конечно, отважные севастопольцы не подозревали, что многие из них заслужат высокое звание Героя Советского Союза, Родина наградит их самыми почетными боевыми орденами и медалями.

Да, все это впереди.

Но в ту трудную ночь ухода из Севастополя жизнь казалась беспросветной.

Далекое зарево над волнами все уменьшалось, тускнело в непроглядной завесе мрака. Впереди не видно ничего. Лишь звезды неверно мерцали на огромном холодном небосводе. С палубы суденышка казалось, что звездная россыпь спустилась к самой воде.

Волны ожесточенно бились в деревянную обшивку бортов. Изредка слышались короткие отчетливые команды рулевому.

"Морской охотник" держал курс на кавказское побережье.

"Морские призраки"

Название этой главы выдумывать не пришлось.

Парни в черных бушлатах всегда появлялись перед врагом там, где их меньше всего ожидали. Появлялись прямо из открытого моря под покровом ночной темноты, поэтому фашисты звали их "морскими призраками". Они осуществляли невероятные по своей дерзости операции в тылу гитлеровских войск, нарушали вражеские коммуникации, добывали ценные разведданные, уничтожали гарнизоны оккупантов на побережье Черного моря от Новороссийска до Тамани.

Это было нелегкое время. Летом 1942 года гитлеровские полчища вторглись в Крым, топтали землю Таманского полуострова и кубанские степи. На Северном Кавказе они вышли к Моздоку и Пятигорску. После напряженных длительных боев враг ворвался в Новороссийск, потянулся к Туапсе и Батуми.

Сдать эти рубежи значило оставить без обеспечения базировавшийся на побережье Кавказа Черноморский флот и, стало быть, дать немецко-фашистским захватчикам неоспоримое преимущество на море.

Советские воины грудью встали на защиту Новороссийска. На улицах города образовалась самая настоящая линия фронта. Каждый уцелевший подвал, каждый дом превратился в опорный пункт. Целый год длилась тут ожесточенная борьба наших воинов с отборными немецко-фашистскими войсками. По всему побережью, где только обосновались оккупанты, то и дело вспыхивали короткие стремительные схватки. Быстроходные катера доставляли морских пехотинцев в те или иные прибрежные пункты, и те, словно призраки, неожиданно возникали перед остолбеневшим от изумления врагом.

- Немецкие солдаты и офицеры испытывают постоянный страх перед "морскими призраками", - говорил захваченный в плен офицер разведотдела одного из фашистских штабов. - Эти "призраки" появляются повсюду. От них никому нет спасения. На фронте и то случаются передышки. Но здесь, можно сказать, в тылу, мы находимся под постоянной угрозой нападения с моря этих свирепых чертей, перед которыми невозможно возвести никакие преграды и укрепления.

Что ж, признание, прямо скажем, для нас лестное.

Враги, называя морских пехотинцев "призраками", в страхе отождествляли их со своей гибелью, делали далеко идущие обобщения. Но мы-то знали этих людей простых русских, украинских, белорусских, грузинских парней. В рядах морской пехоты служили бойцы различных национальностей. И, если уж говорить откровенно, то в их характерах не было ничего свирепого.

Вот чистосердечный и простой Филипп Рубахо. Он прибыл к нам из Севастополя. Там хорошо, что называется на совесть, дрался с врагами и теперь

продолжает боевые традиции защитников легендарного города. Он страшен только в бою и только для врага. В жизни Филипп тихоня, мухи, как говорится, не обидит.

Или Борис Жуков, старшина 1 статьи. О войне даже говорить не любит. Терпеть ее не может. Страсть Бориса - живопись. Рисует он самозабвенно, с душой.

Только редко приходится парню брать в руки колонковую кисть - больше автоматом орудует. Если же удастся порисовать, то разве что схемы вражеских укреплений, но зато с самой что называется натурой. Коренастый, черноволосый, Борис при первой встрече сразу располагает к себе доверчивым взглядом удивительно голубых глаз. Такими бы глазами только смотреть да смотреть на мир, полный радостных ощущений, постигать его краски и переносить всю его свежесть на холст. Так вот, приходится заниматься не своим делом. Нет, не любит Борис войны. Поэтому и дерется с гитлеровцами ожесточенно, со свойственным ему хладнокровием.

И так все... У каждого своя натура, свои привычки. Никому не хочется долго ходить в "морских призраках". Но пылает война. Люди это отлично понимают, делают все для ее победоносного завершения. Ненависть к жестокому врагу заставила людей, одетых в форму морских пехотинцев, скрыть свою доброту, спрятать в тайники души юношеские побуждения и стать грозной для захватчиков силой. Пусть гитлеровцы боятся, пусть дрожат.

Уверенность в себе, вера в стойкость товарищей по оружию появились как-то сами собой, можно сказать, с первого задания. Тогда отряду было поручено нанести удар по вражеским гарнизонам, расположенным в Южной Озерейке и Глебовке. Отряд разбили на две группы. Одну возглавил старший политрук Либов, другую - капитан Собченюк.

Темной ночью обе группы вышли на катерах в море. Свежий ветер срывал гребни волн и швырял их мелкими брызгами в десантников. Старшина 1 статьи Жуков напряженно всматривался в ночь. Где-то там, впереди, должен обозначиться берег. Но его все нет. А может, просто не видно из-за густой завесы плотного мрака южной ночи?

Либов скрылся в рубке. В последний раз уточнил по карте координаты предстоящей высадки.

По данным разведки, в станице Южная Озерейка стояла немецкая комендатура. Неподалеку от нее поселился в просторном доме сам комендант гарнизона. Надо застать гитлеровцев врасплох, накрыть их всех сразу, неожиданно и напористо.

Наконец из темноты неясным силуэтом возник берег.

Высадка.

Все идет по плану.

Разбившись на три части, группа Либова окружила станицу.

Тишина. Немцы ни о чем не подозревают.

Борис Жуков ведет свое отделение к дому коменданта. Улица знакома. Бывало раньше, когда враг еще не занял побережье, Жуков ходил сюда с товарищами в увольнение, танцевал под гармошку со станичными девчатами на импровизированных праздниках.

Вот нужный дом. У входа два часовых. Шуметь не следует. Борис посылает вперед двух краснофлотцев. Вместо устного приказа - выразительный жест. Он понятен. Краснофлотцы ползком подкрадываются к крыльцу. Слышится негромкая возня, приглушенный стон.

- Вперед! - приказывает Жуков, и черные тени устремляются к комендантскому дому.

Теперь - ни секунды промедления!

Борис подбегает к двери. Заперта. Ломать? Упустишь драгоценное время... Он выбивает оконную раму и вместе с брызгами разлетевшегося стекла врывается в полутемную горницу. Комендант уже успел вскочить с постели. Видно, тревожным был его сон. Несколько пуль, выпущенных гитлеровцем из пистолета, продырявили стену над самой головой Бориса Жукова.

- Врешь, не возьмешь! - сквозь зубы выдавил старшина, полоснув по коменданту из автомата. - Не ты нам нужен, а документы.

Перешагнув через труп немца, он направился к столу, на котором лежала полевая сумка желтой кожи. Как выяснилось впоследствии, в ней оказались ценные документы, карты и схемы обороны со скрупулезно точно обозначенными огневыми точками в районе Южной Озерейки.

В это время другая часть группы Либова, окружив здание комендатуры, ожидала сигнала. Как только началась стрельба в квартире коменданта, в окна комендатуры полетели гранаты. В ответ раздалось несколько автоматных очередей, и все смолкло.

Когда бойцы вошли в дом, то увидели около двадцати трупов вражеских солдат и офицеров.

Третья часть группы обрушила удар на огневые точки гитлеровцев, расположенные вдоль побережья.

В гарнизоне возникла паника.

Не зная обстановки, не ведая, кто и откуда напал на гарнизон, разрозненные группы немцев беспорядочно палили, подчас вступая в ожесточенную перестрелку со своими же потерявшими ориентировку подразделениями.

Видя, что вести бой по сути дела уже не с кем, десантники стали

сосредоточиваться в заранее условленном месте для встречи с группой капитана Собченюка. Однако шло время, а бойцы второй группы на встречу не выходили. Где-то вдали слышалась перестрелка, изредка доносились приглушенные расстоянием разрывы ручных гранат. Лишь на рассвете Борис Жуков заметил приближавшуюся группу людей. Не зная, кто это, Ли-бов приказал изготавиться к бою. Скоро до слуха дозорных донесся тоекратный условный посвист.

- Свои, - передал Жуков.

Через несколько минут весь отряд был в сборе. Оказывается, группе капитана Собченюка с первых шагов не повезло. Напуганные перестрелкой в Южной Озерейке, гитлеровцы успели выставить усиленное охранение и уже на подходе к Глебовке встретили десантников автоматным огнем. На помощь немцам подоспел эскадрон румынской кавалерии.

- На стрельбу не отвечать, - приказал командир. Бойцы залегли.

Мгновенные светлячки трассирующих пуль густо мелькали над их головами.

- Так и будем лежать? - ни к кому не обращаясь, зло прошептал старшина 1 статьи Николай Сергиенко.- Дать бы сейчас жару этим фрицам. По-флотски!

- Дадим, - успокоил старшину командир группы. - Засекайте, откуда стреляют. По три человека - в обход. Бить гранатами с тыла.

Бойцы моментально поняли замысел капитана. В темноте они подкрались к вражеским огневым точкам и забросали их гранатами.

Завязался бой на улицах Глебовки.

Перебегая от дома к дому, моряки продвигались в глубь селения. После Полуторачасовой перестрелки патроны подходили к концу.

- В следующий раз полные карманы набью, - бросил на бегу Михаил Фомин и выстрелил в окно, из которого мелькали частые вспышки пулеметного огня.

- Дело говоришь, - отозвался Сергиенко. Он прицелился в пулеметчика, нажал на спусковой крючок, но автомат безмолвствовал.

- Эх, мать честная! - в сердцах ругнулся Сергиенко. - Одного патрона не хватило.

- Отползай, - толкнул его Михаил.

Но Сергиенко поступил иначе. Вместо того, чтобы выйти из боя, он стремительно, словно на учениях, пополз вперед, ближе к пулемету.

- С ума сошел! - вырвалось у Фомина. - Без патронов... Его зубами не возьмешь.

Сергиенко же рассудил по-своему. Моментально оценив обстановку, он, насколько было возможно, приблизился к пулеметной точке и выстрелил из ракетницы.

Ослепительно-белая вспышка озарила улицу. Горящая ракета с шипением и свистом завертелась у пулемета, разбрызгивая огонь. Немецкие солдаты опешили, прекратили стрельбу. Спустя мгновение они уже неслись стремглав в сторону от опасного места, бросив пулемет.

Сергиенко воспользовался моментом. Он поднялся во весь рост, подбежал к умолкшему вражескому пулемету и открыл из него огонь по улепетывающим гитлеровцам.

Капитан Собченюк приказал отходить. Тут заработала другая огневая точка врага. Пулеметчики, паля наугад, перекрыли путь сплошной огневой завесой.

- Фомин и Андреев, ко мне! - позвал капитан. Краснофлотцы подползли.

- Подавить! - распорядился Собченюк, указывая на огневую точку.

- Есть подавить!

Через несколько томительных минут над местом, откуда строчил пулемет, блеснула желто-красная вспышка, трескуче прокатился гул гранатного разрыва, и все стихло. - Вперед!

Группа врассыпную двинулась вдоль дороги и вскоре достигла морского берега.

В отдалении курсировали наши катера. По сигналу они быстро подошли и ваяли смельчаков на борт.

Как стало известно впоследствии, десантники уничтожили более двухсот вражеских солдат и офицеров, большое количество разнообразной военной техники. о самым главным результатом были ценные сведения о системе вражеской обороны в районе Южной Озерейки и Глебовки. В этом бою особенно отличились старшины и краснофлотцы Борис Жуков, Сергей Колот, Николай Сергиенко, Петр Кочугов, Иван Игнатьев, Василий Зайцев, Владимир Сморжевский и Капитон Плакунов.

Новое назначение

Казалось, ничего необычного не произошло. Нас, молодых политработников, направили в политическое управление флота, которое в ту пору временно находилось на Кавказе.

Направили и направили... Новое назначение, естественно, входило в наши планы. Мы даже пытались себе представить, как появимся на боевых кораблях, с чего начнем свою деятельность. И, конечно, никто не думал, не гадал, что назначение может оказаться не совсем обычным и что нам предстоит влиться в подразделения, о существовании которых мы, честно говоря, не подозревали.

Но всему свой черед.

Пока что мы должны явиться в политуправление, а оттуда...

- С таким тыловым багажом нас на корабль ни за что не пустят, - пошутил кто-то из моих коллег, указывая на чемоданы.

Мы критически осмотрели свои вещи. Вещевые мешки - штука вполне современная. Сомнений они не вызывали. А вот чемоданы... Такое громоздкое имущество в самом деле ни к чему.

- Сдадим в камеру хранения, - без тени иронии предложил Валентин Кашеринский.

- Шутишь, - вырвалось у меня. - Нынче в Геленджике подобных заведений днем с огнем не сыщешь

- Наоборот, - бодро подмигнул Валентин. - Чего-чего, а камер хранения теперь много. Пошли - покажу. Мы с недоумением и любопытством двинулись вслед за Кашеринским. Он же шагал уверенно, словно десятки раз -бывал в этом тихом приморском городке. Миновали дома, занятые военными частями и учреждениями. Шли по тенистым улочкам, над которыми низко нависали разлапистые ветви фруктовых деревьев. Наконец, у одного из небольших окраинных домиков Кашеринский остановился.

- Здесь.

- Что здесь?

- Камера хранения.

Мы недоуменно переглянулись.

- Разыгрываешь?

- Нисколько, - Кашеринский уверенно толкнул калитку.

Вошли во двор и лицом к лицу столкнулись с дородной пожилой женщиной.

- Здравствуйте, - первой поздоровалась она.

- Доброго здоровья, мамаша, - слегка поклонился Кашеринский. - Разрешите представиться: Валентин Романович... А это мои друзья.

Не понимая, что он затеял, мы помалкивали. Валентин же, как о давно решенном деле, сообщил хозяйке дома, что нам необходимо оставить на хранение чемоданы. Хозяйка нисколько не удивилась тому, что пять флотских командиров избрали ее дом в качестве камеры хранения.

- Ставьте сюда, - радушно указала она на беседку. - Потом перенесу в укромное место. Хотя я вас и не знаю, но вещички сберегу, не беспокойтесь.

Мы поставили свои чемоданы на пол беседки.

- Вы уж только того... Сами понимаете, - озабоченно проговорила женщина, не пускайте треклятого врага в наш город. Тогда, сами понимаете, ваши чемоданчики целей будут.

- Отстоим, мамаша, город, - подчеркнуто бодро откликнулся Валентин Кашеринский. - Неужто мы гитлеровцам собственные чемоданы отдадим?

- И то верно, - оценила шутку хозяйка дома. - Ноне времена такие, что все стали вроде бы родными. Здоровья вам, сынки, и сил в битве с лютым врагом. Пусть минет вас пуля лихая.

Мы вышли за калитку. Теперь прощай, Геленджик!

Без приключений добрались до политотдела и тут же получили назначения. Николай Литвинов, Константин Матюшечев и Валентин Кашеринский с этого дня стали морскими пехотинцами. Я и Иван Левин точно не знали, к какому роду войск себя отнести. Правда, нам намекнули, что придется наведываться во вражеские тылы, заниматься разведкой, но полной ясности при получении назначения мы не имели. Радовало лишь то, что комиссаром части, в которую нас направляли, был наш старый сослуживец Иван Серавин.

И вот мы у него в кабинете.

...Беседа о новой службе. Знакомство с командиром Василием Пшеченко. Ужин.

По тем временам это была воистину царская трапеза. Еще бы! На столе стояли мясные консервы, печенье, шоколад.

- Кормилец нашего отряда не кто-нибудь, а сам Амед Ибрагимов, многозначительно подмигнул комиссар. - Запомните.

Тогда я не обратил внимания на его слова. Выражение "сам Ибрагимов" мне ни о чем не говорило. Позднее военная судьба надолго свела меня с этим расторопным старшиной, который в самых невероятных условиях умел организовать снабжение войск, раздобыть продукты и, если надо, боеприпасы что называется со дна морского.

Выпили по глотку тепловатого спирту. Вспомнили о чудесном анапском рислинге, который в свое время мы пили вместе с Серавиным.

- Да, рислинг отменный, - задумчиво проговорил комиссар. - Мне думается, кое у кого вскорости появится изумительная возможность отведать анапского вина.

- Каким образом? В Анапе враг, - не удержался Иван Левин.

- В том-то и дело, - улыбнулся Серавин и тут же перевел разговор в шутку: - Думаю, фрицы еще не успели там все вино вылакать.

Мы даже не подозревали, что эта фраза, оброненная словно ненароком, была намеком на предстоящее нам первое боевое крещение.

Начались по-своему напряженные дни. Мы с Левиным, назначенные политруками боевых групп, знакомились с личным составом, осваивали, как могли, новое для себя дело. Правда, на первых порах заметных успехов тут достичь не удалось, так как даже у наших, можно сказать, бывалых воинов почти не было опыта разведывательной работы. Этот опыт и необходимые навыки мы

приобретали постепенно, выполняя задания командования во вражеском тылу.

К одному из таких заданий мы готовились в сентябре 1942 года. Предстояло забросить в немецкий тыл группу в двадцать два человека. Командиром назначили лейтенанта Квашина, политруком - старшину 1 статьи Кирилла Диброва.

С группой шла восемнадцатилетняя кубанская девушка Нина Марухно.

Как обычно, перед выполнением ответственного задания люди подтянулись, на их лицах отпечатались сосредоточенность. Многие, уловив свободную минуту, писали родным и знакомым. И только Нина старалась уединиться, быть подальше от пишущих письма. Она бы тоже написала. Но кому? Когда гитлеровцы приблизились к их станице, отец ушел в партизанский отряд. Получилось так, что Нина тоже покинула отчий дом и вместе с отступающими краснофлотцами добралась до Новороссийска. С трудом упростила взять ее в часть.

Теперь калейдоскоп минувших событий назойливо напоминал девушке о ее одиночестве, о том, что даже маленького письмеца написать она не может никому. В родной станице осталась мама с двумя маленькими сестренками. Но станица занята врагом. Почта туда не ходит.

- Боец Марухно! - прервал ее грустные размышления звонкий голос Михаила Фомина. - Ниночка, тебя срочно вызывает комиссар.

- Зачем?

- Мне не доложил. Велел доставить тебя мигом, и даже немного быстрее.

Вслед за Фоминым Нина стремглав понеслась к штабу. По дороге думала о причине вызова. Что могло произойти? Быть может, ее хотят отстранить от выполнения задания? Нет, об этом не хотелось даже думать.

С часто бьющимся сердцем Нина вошла в кабинет комиссара.

- По вашему вызову... - непослушным голосом начала она и запнулась, чувствуя, что докладывает не по форме.

Комиссар, казалось, не заметил ее замешательства.

- Как дела? - слишком уж по-граждански осведомился он.

- Нормально, - с удивлением ответила Нина. - А что?

- Просто так... Хотел лишь узнать, кого бы вы сейчас больше всего хотели видеть. Ну, думайте, лихая разведчица.

- Я?

- Разумеется.

Нина опешила. Кого? Мать, отца? Только это совершенно невозможно.

- Эх, растерялась наша разведчица, - в глазах комиссара мелькнули лукавые искорки. Нина все больше недоумевала.

- Федор Петрович, - обратился комиссар к находящемуся в глубине

комнаты человеку, которого девушка в первое мгновение не заметила, - полюбуйтесь на свою дочь...

- Папа! - вырвалось у Нины. - Ты?

Да, это был он. Федор Петрович Марухно, выполняя очередное задание, связанное с переходом линии фронта, оказался в расположении нашей части. Тут случайно услышал, что в отряде есть боевая девушка-разведчица Нина Марухно. Вот и пришел к комиссару. Дальнейшие события развернулись сами собой.

Нина, сбиваясь от волнения, рассказала о себе. Федор Петрович слушал молча, ничему не удивлялся. Это было время, когда -самые удивительные истории казались явлением вполне обычным, вызванным общей бедой всех людей.

Отец сдержанно и немногословно говорил о себе. Оказывается, он знал все об оставшейся в станице семье.

- Живут, доченька, нелегко, - вздохнул он, - но ничего не поделаешь, они нужны в станице. Нынче в нашем доме партизанская явка. Так-то, милая ты моя.

Казалось, расспросам и рассказам не будет конца. Только Нину звала военная" дорога. Пришлось прощаться.

- Еще свидимся, дочка.

- Обязательно, папа, - Нина запнулась, искоса взглянула на комиссара и тихо-тихо добавила: - Если будешь дома, обязательно поцелуй маму. Ладно?

- Хорошо, - ободряюще подмигнул Федор Петрович. - Сам-то не знаю... Может, в станице побывать не удастся. Но твой поцелуй передам по партизанской цепочке связи.

Отец и дочь расстались.

... Да, с интересными людьми и событиями встретился я в месте своего нового назначения.

В тылу врага

Назойливо моросил мелкий нескончаемый дождик. Над бухтой постепенно сгущались сумерки. Все освежающий морской ветерок швырял в лица людей дождевые брызги.

Нина Марухно куталась в отсыревшую плащ-палатку, зябко поводя плечами.

- Холодно? - с участием спросил Кирилл Дибров.

- Есть немного, - стараясь казаться бодрой, ответила девушка. - Погода сегодня что-то не особенно ласковая.

- Наоборот, самая подходящая, - весело прервал ее старшина. - Для нашего брата, разведчика, небесная канцелярия выдала осадки, как по заказу. Лучше не придумаешь.

Погрузились на ошвартованный у причала "морской охотник".

Прозвучала негромкая команда. Маленькое суденышко без бортовых огней вышло из бухты и взяло курс в открытое море.

Все сгрудились в темном и тесном кубрике. В последний раз уточнили детали предстоящего задания. Командир напомнил, что высадка произойдет в районе Сухой щели, отсюда группа двинется в направлении Абрау-Дюрсо. Важно с наибольшей точностью выявить расположение огневых средств и численность немецких гарнизонов, уточнить систему организации переброски вражеских войск под Новороссийск.

- Командира группы наверх! - донеслось с палубы.

Через некоторое время:

- Приготовиться к высадке!

Первое отделение поднялось на палубу. Друг за другом люди стали переходить в причаленную к борту шлюпку. Последним в нее прыгнул Кирилл Дибров.- К берегу! - коротко распорядился он.

Шлюпка, покачиваясь на свежей волне, стала отдаляться от "морского охотника".

Оставшиеся на палубе с нетерпением ждали ее возвращения. Втайне волновались. Вдруг на берегу засада... Тогда что?

Прошло долгих-долгих два часа. Наконец шлюпка появилась у борта. Гребцы спокойно ворочали веслами, ничем не обнаруживая даже признаков волнения. Значит, все в порядке. Берег чист. Можно высаживать остальных.

Незадолго до рассвета вся группа оказалась на берегу. После короткого перехода в заранее намеченную точку бойцы расположились на отдых. Протерли оружие, начавшее покрываться пятнами ржавчины от соприкосновения с морской водой. Некоторые пытались даже высушить на ветру промокшую одежду.

Солнце медленно выходило из-за горного увала.

Разбились на звенья, каждое из которых получило конкретное задание. Одни следили за дорогой, ведущей к Новороссийску, другие тщательно осматривали окрестности, выявляя замаскированные линии проволочной связи.

На дороге то и дело появлялись автомашины. В бинокль рельефно просматривались их опознавательные знаки. Это явная удача! Можно будет определить, какие воинские соединения находятся в районе Новороссийска.

Одно из звеньев имело специальное задание - взять "языка". Им оказался поджарый унтер-офицер с нашивкой за ранение. Упорствовать он не стал и довольно сносно воспроизвел обстановку, сумел даже нанести на карту известные ему огневые точки, места скопления войск и техники, временные базы, склады горючего и боеприпасов. Его осведомленность в значительной

мере помогла разведчикам правильно сориентироваться и выбрать нужное направление для дальнейших наблюдений за станом врага.

Приближалось время отправки в обратный путь. В полночь "морской охотник" должен был подойти к берегу на расстояние световой сигнальной связи. В запасе оставалось около двенадцати часов. Фляги с водой опустели. Продукты подходили к концу. Людей мучила жажда, но пойти за водой в какой-либо населенный пункт они не решались, так как не хотели и не имели права рисковать. Ценные сведения о противнике во что бы то ни стало надо доставить командованию.

Соблюдая все возможные предосторожности, группа достигла Черноморского побережья. Разведчики замаскировались в прибрежном кустарнике, низкорослом и колючем, и стали ждать наступления темноты.

А закат, как назло, ярко пылал, словно не собираясь уйти за далекий морской горизонт. Наконец длинные тени деревьев потеряли прямолинейные очертания, расплылись по нагретой за день солнцем земле и слились со сгущающимся полумраком.

Натренированным слухом Кирилл Дибров уловил отдаленный рокот мотора.

- Катер, - сказал он. - Даем световой сигнал.

Командир группы отправил двух краснофлотцев к береговому обрыву. Отсюда удобней сигналить, не привлекая внимания возможных патрулей на побережье. Три бойца отправились в засаду. В их задачу входило прикрыть группу с суши в момент посадки в шлюпки и, лишь когда все погрузятся, покинуть свой пост.

Над волнами коротко блеснуло несколько вспышек. По всей вероятности, это на катере отвечали на сигнал с берега. Порядок! В море свои. И, как бывает в такие минуты, напряжение спало. Шесть долгих дней разведчики постоянно подвергались риску, шли навстречу неизвестности... Теперь все позади. Через час-полтора их примут на борт "морского охотника", и тогда - здравствуй, родной берег!

Все устремились к урезу воды. И тут случилось непредвиденное. Их встретил ружейно-автоматный огонь. Гитлеровские патрули оказались на месте встречи со шлюпкой.

С вынырнувшего из темноты катера ударили пунктирные струи очередей крупнокалиберных пулеметов. Очевидно, моряки решили таким образом отсечь преследователей от группы советских разведчиков.

В это самое время с берега загремели частые выстрелы по подошедшему на слишком близкую дистанцию катеру. Заухали минометы. Значит, на побережье оказался не просто патрульный заслон, а довольно крупное

подразделение немецких войск.

Выхватив у одного из краснофлотцев фонарик, старшина Дибров по приказанию командира просигналил: "Отходите, встреча завтра в резервной точке". На "морском охотнике" его поняли. Дав несколько длинных очередей по минометной батарее, судно круто развернулось и, набирая ход, мгновенно исчезло в ночи.

Теперь гитлеровцы перенесли весь огонь на советских разведчиков. Но те уже покинули прибрежную полосу и отходили к близкому лесу. Преследовать их в ночную пору немцы не решились.

Прошла полная тревог ночь. Прошел еще более напряженный, голодный день.

В следующую полночь группа вышла в запасную точку. Но и тут оказалась засада. Догадавшись о причине появления советских катеров, гитлеровцы обложили все побережье и повели облаву на "морских призраков" по всем правилам военного искусства.

Еще и еще ночь... Все повторялось сызнова - подходы к берегу враг блокировал наглухо.

В одной из перестрелок пострадала рация. Группа потеряла радиосвязь с командованием. Решили выходить из вражеского расположения иным путем. Разделились на две группы и стали пробиваться к линии фронта.

Первую группу повел старшина Кирилл Дибров. Шли по горным кручам и ущельям - голодные, измученные, неся раненых товарищей. Натыкались на немецких патрулей. Пробивались сквозь их заслоны и шли, шли... Питались ягодами, какими-то кореньями. Падали от истощения и смертельной усталости, но шли и шли... Лишь на двадцатые сутки счастливая случайность свела их с партизанами. Здесь группу уже поджидали опытейшие разведчики нашего отряда Форсюк и Беляков, направленные командованием во вражеский тыл на поиски исчезнувших товарищей.

Немного окрепнув в партизанском лагере, бойцы из группы Диброва на катере отправились на Большую землю. Вместе с ними сюда же прибыли раненые и больные партизаны.

Начались поиски остальных бойцов отряда, которых повел к фронту Квашин. Они словно в воду канули. Шел день за днем, а следов второй группы обнаружить не удавалось.

Лишь впоследствии выяснилось, что после одной из стычек с гитлеровцами группа вынуждена была разбиться на отдельные звенья по два-три человека и пробираться тайком и ползком в сторону Новороссийска.

Нина Марухно шла вместе с краснофлотцами Абакуменко и Миленьким. Начались обычные в этих местах проливные дожди. Разведчики передвигались с

трудом, питаюсь дикими грушами и кизилом. Повсюду рыскали отряды полевой жандармерии. Приходилось днем отлеживаться в ямах и расселинах, а ночью продолжать изнурительный путь. Миленький от ран и недоедания обессилел больше остальных товарищей. Абакуменко и Марухно помогали ему идти, поддерживая краснофлотца под руки. Часто делали привалы. И после каждого из них путь казался во сто крат труднее.

Вдруг Абакуменко заметил в прогалине над деревьями тонкую струйку дыма.

- Костер, - оповестил он спутников. - Не иначе партизаны.

- Кому же еще в лесу быть, - согласился Миленький, радуясь скорой встрече со своими.

Прежде чем выйти на поляну, следовало удостовериться, нет ли ошибки. За дни долгого скитания разведчики привыкли не доверять первому впечатлению.

Нина проползла вперед, раздвинула густые ветви широколистого кустарника и едва не отпрянула назад. Перед костром расположились немцы в форме войск полевой жандармерии. Их было человек пятнадцать - двадцать.

Миленький, уверенный, что в лесу свои, не удержался от соблазна и, прихрамывая, вышел на поляну. Под его сапогом хрустнул валежник. Немецкие солдаты оглянулись и увидели разведчиков. От неожиданности все как бы окаменели. Первыми опомнились краснофлотцы. Они бросались в лесную чащу. Вслед дробно затарахтели немецкие автоматы. Миленький вскрикнул и упал. Друзья подхватили его и понесли в глубь леса.

Только, когда звуки автоматных очередей стали едва слышными, Марухно и Абакуменко остановились, уложили Миленького на мшистый бугорок.

- Сейчас перевяжу, - едва переводя дыхание, сказала девушка.

- Поздно, Ниночка, - снял бескозырку Абакуменко.

Миленького похоронили тут же, в лесу, откопав саперными ножами неглубокую яму. На могильный холмик положили веточку молодого дубка.

Пошли дальше.

Через несколько дней утомительного пути наткнулись на партизанскую засаду. Разведчиков привели в штаб. Командир внимательно осмотрел обоих, покачал головой.

- Отощали. Подкормить бы вас, товарищи, да времени нет.

- Почему? - не поняла смысла его слов Нина.

- Вас ждут там, - командир многозначительно указал рукой в сторону, откуда доносился сиплый гул недалекого фронта.

Вечерело. Наскоро перекусив, разведчики отправились в сопровождении партизанских проводников к месту перехода вражеских позиций.

- Фамилию Марухно вам случайно в лесу слышать не приходилось? - спросила Нина у долговязого парня с немецким автоматом на ремне, который шел с нею рядом.

Тот исподлобья взглянул на девушку, словно спросил, неужели она думает, что вот так просто можно выведать партизанскую тайну?

- Жаль, - тихо промолвила девушка. - Федор Петрович Марухно - мой отец. Проводник с укоризной покачал головой.

- Так бы и сказала. Привет ему передать, что ли?

- Передайте.

- Везет же мне, ей богу, - усмехнулся долговязый. - Давеча передавал привет матери от дочки, а теперь вот - отцу от дочки... Не от той ли самой, которая в морях служит?

- От нее, - повеселела Нина. - Если маму еще увидите, то скажите, мол, жива я и здорова...

- Разговорчики, - выразительно погрозил им старший группы проводников. Лирику и черемуху там всякую после войны разводить будете.

Дальше вышагивали молча. Девушка с благодарностью смотрела на долговязого парня и в трудных местах доверчиво опиралась на его сильную, словно отлитую из стали руку.

У поселка Афонки благополучно преодолели линию фронта.

Ровно через тридцать три дня после памятной погрузки на борт "морского охотника" Марухно и Абакуменко подходили к расположению своей части.

- Стой, кто идет? - властно окликнул их часовой. Услышав знакомый голос Михаила Фомина, Нина ринулась к часовому.

- Стой, стрелять буду! Пароль?

- Дурень ты мой хороший, - со слезами промолвила девушка и в изнеможении опустилась на землю.

Через несколько минут обессиленные, но по-настоящему счастливые разведчики уже рассказывали товарищам о своих мытарствах во вражеском тылу.

Особое задание

Шел октябрь 1942 года... Наши войска героически сдерживали натиск противника, рвущегося в глубь Кавказа. Командованию нужны были сведения о продвижении немецких частей на различных направлениях, чтобы вовремя выставить на их пути боевые заслоны.

Мы получили задание высадиться в тылу врага с целью уточнения дислокации его войск и штабов районе Анапы, определить систему противодесантной обороны и по возможности встретиться с местным

населением. Правда, последнее некоторые поняли не сразу.

- Лучше встретимся после того, как выгоним фрицев с Кавказа, - слышались реплики.

Пришлось объяснить, что поднятие морального духа советских людей, оказавшихся на оккупированной территории, дело не менее важное, чем непосредственное истребление гитлеровцев.

Первая попытка высадиться окончилась неудачно. Но на следующую ночь мы все же достигли берега и скрылись в лесном массиве неподалеку от селений Павловка и Сукко, примерно в восьми километрах от Анапы.

Будучи командиром этой группы, я выбрал укромное место для радиостанции и отправил разведчиков в заранее обусловленные заданием пункты. Сведения, непрерывно доставляемые ими с наблюдательных постов, мы тотчас передавали на Большую землю. Особенно ценные данные о противнике добыли разведчики, возглавляемые старшиной 1 статьи Сергеем Колотом. Высокого роста, широкий в плечах, он на первый взгляд казался слишком грузным и неповоротливым. На самом же деле Сергей обладал завидной подвижностью и моментальной реакцией, что весьма ценно для разведчика. Всегда рядом с ним оказывался краснофлотец Капитон Плакунов. Он был полной противоположностью Колоту. Росточка невысокого, щуплый, Плакунов отличался медлительностью. Все он делал неторопливо, до всего старался докопаться обстоятельно и глубоко. Эти два совсем разных человека как бы дополняли друг друга, и мы привыкли видеть их вместе.

На вторую ночь разведчики привели к нашему временному штабу румынского солдата.

- Жаль, не можем отправить его по радио на Большую землю, - пошутил Колот. - Придется кормить.

- Есть обстоятельство и похуже, - почесал затылок Плакунов.

- Что похуже? - нетерпеливо спросил Колот. - Ох и любишь же ты, Капитон Андреевич, веревки тянуть.

- Не торопись, - осадил друга Плакунов. - Говорил тебе: не время брать "языка". Лучше бы перед приходом катера прихватили. Так нет... Нетерпячка тебя одолела.

- Скажешь такое, - иронически усмехнулся сержант. - "Язык" будет тихонько прогуливаться вдоль бережка и ждать, когда тебе заблагорассудится его прихватить.

- Вот теперь корми, - словно не заметил издевки Капитон, - да еще часового при нем по всем правилам содержи.

- Верно ведь толкует, - волей-неволей вынужден был согласиться старшина. Министерская у тебя, Капитон Андреевич, башка.

...Время шло. Работа в тылу врага продолжалась. Наша карта покрывалась густой вязью условных обозначений расположения вражеских гарнизонов и огневых средств. Система обороны побережья в районе Анапы перестала быть "белым пятном".

"Теперь, пожалуй, можно начать встречи с местным населением", - решил я и дал задание разведчикам выяснить обстановку.

- Сегодня немцы выгнали все население Павловки на уборку подсолнечника, доложила Аня Бондаренко. - Разрешите мне туда пойти?

- Действуйте.

Девушка скрылась в кустах. Когда она вновь появилась, все так и ахнули. Перед разведчиками стояла красавица. Вместо военных брюк и гимнастерки на ее стройной фигуре ладно сидели кокетливая кофточка и модная юбка. Правда, обувь несколько не гармонировала с одеждой, хотя кирзовые сапоги по тем временам считались довольно приличной экипировкой. Аня сунула за голенище пистолет и отрапортовала :

- К выполнению задания готова!

Условились, что, подойдя к работающим, она назовется жительницей Тамани. Идет, мол, в Новороссийск к тетке.

Девушка должна присмотреться, нет ли на поле переодетых гитлеровцев.

Это вполне могло быть, так как каратели прибегали к различным уловкам, чтобы подманить к себе вышедших из леса партизан.

Аня направилась к подсолнечной плантации.

Мы расположились на опушке леса, готовые в любую минуту прийти ей на помощь.

В бинокль я видел, как Бондаренко переходит от одной группы работающих к другой, о чем-то миролюбиво беседует с людьми. Через некоторое время Аня проследовала по дороге к станице. В балке свернула в сторону леса и кружным путем вернулась к нашей засаде.

- Все в полнейшем порядке, - запыхавшись от быстрой ходьбы, сообщила девушка. - Солдат там нет. Есть мужчины, все они местные. Вон тот, что стоит в сторонке, - староста. Только его никто не боится. Говорят, свой человек.

- Пошли, - поднялся я с земли и в сопровождении Ани Бондаренко двинулся к работающим в поле.

Разведчики с приготовленным к бою оружием продолжали наблюдение.

Люди поглядывали на нас с нескрываемым любопытством. Подле первой же группы женщин мы остановились. Поздоровались.

- Не угостите ли павловской водицей? - спросил я. - Пожалуйста, товарищ командир, - бойко ответила чернобровая молодка, протягивая кувшин. - Откуда это вам наши места известны?

- А вы откуда знаете, что я командир?

- По обличью догадалась.

Отпив из кувшина, я поблагодарил и добавил:

- Вода у вас тут, как и раньше, отличная.

- Приходилось пить?

- Случалось...

- Вода только и осталась у нас от тех времен, - вставила пожилая женщина, делая ударение на последних словах. - Ноне ничего, окромя этой водицы да горя горького, у людей нет.

- К чему, мамаша, такие мрачные мысли? - спросил я с намерением завязать беседу,

Женщина не ответила. Скорбно покачала головой и отвернулась.

Вокруг нас постепенно образовалась плотная толпа. Люди бросили работу, подходили, прислушивались к разговору. Собралось не менее ста человек.

- Ну, господин староста, - обратился я к стоящему поодаль мужчине, кажется, все в сборе. Можно начинать митинг.

- Президиум избирать не будем? - в таком же шутливом тоне осведомился он.

- Обойдемся.

- Тогда давай докладывай.

Шутки шутками, а я очень волновался. Мне предстояло впервые говорить с людьми, испытывающими тяжесть фашистского рабства, донести до них слово правды, слово родной большевистской партии.

Я говорил о положении на фронтах, о тех огромных усилиях, которые предпринимают партия, наши Вооруженные Силы и весь советский народ в борьбе с коричневой чумой.

Все слушали, затаив дыхание. Посыпались вопросы:

- Правда, что немцы вошли в Москву?

- Сталинград сдали?

- В Баку ноне тоже "новый порядок"?

Отвечая на эти вопросы, я все больше и больше поражался. До чего же топорно работала гитлеровская пропагандистская машина! Наглая ложь стала узаконенным методом информации.

Я с удовольствием сообщил жителям Павловки, что под Москвой враг получил сокрушительный удар, остановлен у Сталинграда, а до Баку ему и подавно не дотянуться. Чтобы не быть голословным, прочел только сегодня принятую по радио сводку Совинформбюро.

- Расскажите об этом своим соседям и знакомым, всем людям, - сказал я в заключение. - Пусть они знают правду и не поддаются на вражескую

провокацию.

Мы тепло распрощались с местными жителями и присоединились к оставшимся в засаде разведчикам. Через пару часов наша группа достигла расположения своего лесного штаба. Нас ждали новые известия, доставленные из-под Варваровки и Сукко. Здесь в котловине, выходящей к самому берегу, противник создал оборонительный район, могущий помешать высадке советского десанта. Огневые точки располагались вдоль уреза воды на шестьсот метров и уходили на триста метров в глубь побережья. На флангах рубежа высились крутые горные скаты, начинающиеся у самого моря. Естественно, что такой укрепленный участок можно с полным основанием считать неприступным. К тому же вся котловина была опутана несколькими рядами проволочных заграждений, изрезана глубокими траншеями. В центре укрепления разместилась артиллерийская батарея, неподалеку от которой стоял дом. К нему со всех сторон тянулись разноцветные телефонные провода. Не вызывало сомнений, что в доме находится штаб.

Укрепление нас заинтересовало. На наблюдение за ним отправилась группа разведчиков во главе со старшиной 1 статьи Борисом Жуковым. Восемь суток краснофлотцы не отрывали взоров от вражеского расположения. Они точно установили порядок размещения огневых средств, систему охраны объекта, графики смены караулов. Борис Жуков весьма удачно зарисовал схему обороны гитлеровцев.

Выполнив задание, группа вернулась к штабу.

Как раз в это время появился связной от другой группы, возглавляемой старшиной 1 статьи Сергеем Колотом. Связной доложил, что из Анапы следует большой карательный отряд, сопровождаемый танкетками и бронемашинами. Видимо, оккупанты намеревались предпринять прочес территории, занятой партизанами.

- Между станицами Суп-Сех и Варваровкой каратели остановились, - доложил связной. - У них обед. О намерении гитлеровцев ударить по партизанам мы уже знали. Стало быть, надо действовать. И безотлагательно. Сейчас же связались с по радио с Новороссийской военно-морской базой. Ее командир капитан 1 ранга Георгий Никитич Холостяков заинтересовался нашим сообщением. Результаты не замедлили сказаться. Ровно через полчаса, в то самое время, когда по сведениям, поступившим от группы Сергея Колота, каратели начали обедать, в воздухе появились советские самолеты. Имея точные координаты, они не маячили в небе в поисках цели, а сразу вылетели из-за Лысой горы и обрушили на карателей мощный бомбовый удар. Наблюдавший за этой сценой старшина 1 статьи Колот донес, что лишь одна танкетка смогла уйти с места происшествия своим ходом. Остальная военная техника превратилась в

грудю металлического лома, а на кладбище близ дороги добавилось несколько сот традиционных гитлеровских крестов.

В ночь с 13 на 14 октября "морские охотники" сняли нашу группу с занятого неприятелем берега и доставили на Большую землю.

Ошибка Бориса Жукова

Итак мы возвратились. Задание выполнено успешно. Я докладывал командованию о результатах двухнедельного рейда во вражеский тыл. Докладывал прямо на пирсе. Командир Новороссийской военно-морской базы Георгий Никитич Холостяков и комиссар базы Иван Георгиевич Бороденко больше всего заинтересовались укрепленным участком между станицами Сукко и Варваровкой. Подробнейшая карта, вычерченная старшиной 1 статьи Борисом Жуковым, имела огромный успех.

- Вот это разведчик! - одобрительно отозвался Бороденко. - Настоящий художник

- Он художник во всех отношениях, - вставил я, от души радуясь за своего подчиненного. - На такого человека всегда и во всем можно положиться - не подведет.

- Как вы полагаете, - выжидательно сощурился Холостяков, - врага здесь разгромить удастся?

- Вполне.

- Будьте добры, изъяснитесь точнее, - Георгий Никитич во всем любил предельную ясность. - Как вы мыслите подобную операцию? Вот именно... Сколько потребуются дней на подготовку? Сколько людей надо для осуществления операции?

- На подготовку хватит трех суток, - выпалил я. - Людей потребуется восемьдесят человек.

- Почему именно восемьдесят, товарищ политрук?

Тогда я доложил, что план проведения операции созрел еще на месте.

- Что ж, - с расстановкой проговорил Холостяков, - смысл в этом есть. Только, прошу вас, не спешите с выводами. Постарайтесь представить, что противник окажет сопротивление... Очень сильное сопротивление. Что, наконец, он окажется дальновидней и опытней вас. Одним словом, думайте и думайте, а потом доложите.

Докладывать пришлось уже на следующий день. Заместитель командующего Новороссийским оборонительным районом по морской части контр-адмирал Сергей Георгиевич Горшков слушал молча. Изредка кивал головой. Только было непонятно, одобряет он или сомневается. Тем не менее контр-адмирал не прервал меня ни разу. Когда я умолк, Горшков улыбнулся

одними уголками губ.

- Лихо, очень лихо вы, товарищ политрук, наносили теоретические удары по вражескому гарнизону.

Я буквально опешил. Так готовился к докладу! Кажется, все до мелочей взвесил... Почти целую ночь просидели мы в кабинете Василия Пшеченко - он, я и комиссар Серавин. Вместе думали и передумывали. Василий Михайлович Пшеченко, хотя и являлся моим командиром, попросил:

- Будь другом, возьми меня на задание. Да, все считали план подходящим, помогли его уточнить и развить, а теперь...

- Видите ли, - как-то сухо и словно безучастно продолжал Горшков, теоретически можно без особого труда даже земной шар перевернуть. На деле все куда сложнее. Допустим, вы достигли вот этого рубежа, - контр-адмирал отметил точку на схеме, выполненной Борисом Жуковым, - бесшумно подкрались к заставе и - осечка! Враг разгадал ваш замысел и успел упредить развитие событий. Я молчал.

- Действуйте, - тоном приказа отрезал контр-адмирал.

Вспомнился ночной разговор с Пшеченко и Серавиным. Отлично! Такой вариант мы предвидели.

Контр-адмирал внимательно выслушал, как будет действовать группа в новых условиях. Однако у него в запасе оказался еще добрый десяток самых неожиданных поворотов. Он так энергично изобретал способы противодействия, что можно было подумать, что Сергей Георгиевич и впрямь задался целью наголову разгромить нашу группу.

Слушал я, отвечал, а в душе, понятно, злился. Зато как пригодились мне это отчаянное единоборство военной мысли там, во время схватки с настоящим противником.

- Видно, политрук, - сказал, переходя на ты, Горшков, - быть тебе строевым командиром. Со временем, конечно. А пока желаю боевого успеха. К слову сказать, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский план операции уже утвердил. Действуй!

Подготовка к операции началась.

Наш отряд состоял из трех боевых групп. Их возглавляли младший лейтенант Пшеченко, младшие политруки Алексей Лукашев и Иван Левин, который в последний момент узнал о предстоящей операции и очень рьяно просил взять его на "настоящее дело".

В отряд входили еще две группы: управления (под моим непосредственным командованием) и засады во главе с опытным воином, младшим сержантом Иваном Игнатьевым.

Разведчики, уже побывавшие на месте предстоящих событий в период

выполнения предыдущего задания, вошли во все группы в качестве проводников. Среди них были старшины 1 статьи Жуков и Фетисов, младшие сержанты Роин, Зайцев, Ляшко и Сурженко, краснофлотец Бондаренко и другие.

В ночь с 17 на 18 октября 1942 года два "морских охотника" доставили наш отряд к месту высадки. Заглушили моторы. Спустили шлюпки. На них отправилась к берегу головная группа. Через некоторое время из темноты просигналили: "Все в порядке". Тогда катера подошли ближе к береговой черте и одновременно начали высадку.

Когда все сосредоточились на твердой земле, мы приступили к одному из наиболее смелых и дерзких элементов операции. По канату, закрепленному Борисом Жуковым на вершине отвесной скалы, бойцы поднимались вверх. Это происходило в семидесяти метрах от укрепленного узла гитлеровцев, в самом, казалось бы, неприступном месте, которое даже не охранялось.

К часу ночи весь отряд вышел на исходные позиции.

Вперед выслали наиболее ловких и находчивых бойцов. Им предстояло бесшумно снять часовых. Группа младшего сержанта Игнатьева расположилась в засаде у дороги, ведущей к Варваровке. Старшина 1 статьи Жуков повел бойцов к штабу. Его друг Сергей Колот занялся обрывом линий связи.

Точно в назначенное время в ночное небо взлетели одна за другой три красных ракеты - сигнал к атаке. К этому моменту все подготовительные мероприятия, предусмотренные планом операции, закончились. Наши три боевые группы по существу находились в расположении вражеского гарнизона между траншеями и землянками. Без единого выстрела краснофлотцы сняли двенадцать часовых. Проволочная связь была повсюду перерезана.

Атака длилась сорок минут. Боевые группы прошли, сметая все на своем пути, через оборонительный район и достигли моря. Лишь одному вражескому солдату удалось миновать цепи атакующих. Но и он далеко не ушел - наткнулся на группу засады, заранее обосновавшуюся близ дороги.

Между тем Борис Жуков "хозяйничал" в штабе укрепленного узла. Он сам снял одного за другим двух часовых. В дверях здания штаба оказался третий. А до сигнала общего штурма оставалось всего две минуты. Жуков пополз к часовому. Тот неожиданно повернулся и увидел разведчика. Исход дела решали доли секунды кто кого? Прежде, чем часовой успел выстрелить, старшина метнул в него свой кинжал. Часовой свалился. На шум, вызванный его падением, кто-то выскочил из помещения.

- Эх, наделал грохоту, - сквозь зубы процедил Борис, готовый к рукопашной схватке с врагом: ведь стрелять-то до поры нельзя.

И тут вверх взмыли сигнальные ракеты. Их появление развязывало руки можно открывать огонь Жуков бросился к окну прикладом автомата выбил раму

и швырнул в штабную комнату гранату. Вслед за ее взрывом краснофлотцы вбежали в дом. Из-за коридорного угла показался немецкий офицер. Бегущий рядом с Жуковым краснофлотец вскинул автомат, но Борис упредил его:

- Не стреляй!

Он бросился вперед, сшиб гитлеровца с ног. Завязалась свалка. Наконец, потный, раскрасневшийся старшина поднялся с пола.

- Вот так, - удивительно спокойно сказал он. - Это же "язык". Понимать надо. А ты, братишка, хотел в него из автомата пальнуть. За такие вольности в былые времена в церкви, говорят, подсвечниками били.

- Извиняюсь, товарищ старшина, - смущенно оправдывался обескураженный краснофлотец.

- То-то. Айда в штаб.

Он быстро собрал и связал в пачки штабные документы, карты, схемы. Взвалив эту ношу на плечи и прихватив пленного офицера, разведчики Жукова поспешили к месту посадки на катера.

Здесь уже собрались все.

"Морские охотники" подошли к самому берегу. Их команды вместе с бойцами боевых групп грузили захваченные у врага винтовки, автоматы, ручные и станковые пулеметы, различное военное имущество.

Прошло всего несколько минут и, разводя крутую волну, катера стремительно удалились от безмолвного берега.

Укрепленный узел оккупантов перестал существовать. Все произошло, как и намечалось планом. Удивляло нас только одно: почему на месте не оказалось ранее обнаруженной батареи? На этот вопрос нам ответил плененный Жуковым офицер - батарею перебросили под Новороссийск. Офицер говорил с трудом, то и дело хватался за грудь, надсадно кашлял.

- Старшина маленько помял его, - пояснил белобрысый краснофлотец. Соппротивление учинил, фрицевская морда.

"Морские охотники" приближались к бухте. Светало. Издали на причале виднелись две одинокие фигуры. Когда подошли ближе, узнали. Нас встречали Георгий Никитич Холостяков и Иван Георгиевич Бороденко.

Как только борт головного катера подвалил к настилу, я спрыгнул на причал и доложил об успешном выполнении задания. Холостяков, как обычно, внимательно выслушал, пожал мне руку и, обращаясь к краснофлотцам, громко произнес:

- Спасибо, ребята! Молодцы! Началась выгрузка трофеев.

- Где же ваши раненые? - осведомился комиссар Бороденко.

- Раненых нет.

- Убитых?

- Тоже.

- Невероятно, - искренне поразился комиссар. - Такое задание и совершенно без жертв...

Мы в буквальном смысле слова торжествовали.

- Один, правда, раненый есть, - добавил я после некоторой паузы. - Это пленный немецкий офицер, взятый в штабе укрепленного узла старшиной 1 статьи Жуковым.

- Так что же вы молчали? - оживился Холостяков. - Давайте сюда вашего "языка". Да поживее.

- Привести пленного офицера, - передали на катер.

С катера медленно сошел на берег один Борис Жуков. Не дойдя до нас метров трех, он повернулся к Холостякову и попросил разрешения обратиться ко мне.

- Товарищ политрук, - Борис еще ниже опустил голову и полупшепотом произнес: - Простите, виноват... Допустил ошибку.

- В чем дело?

- Видать, слишком сильно жиманул его, гада, тогда в штабе во время свалки.

- Все равно, давай его сюда.

- Невозможно. Он того... Простите, умер. Раздался голос Холостякова:

- О чем вы там шепчетесь?

Пришлось рассказать об "ошибке" Бориса Жукова.

Георгий Никитич попрощался, сделал несколько шагов по настилу в сторону берега и вернулся. Постоял с минуту, сосредоточенно глядя мне в глаза. Потом отеческим тоном сказал:

- Спасибо, политрук! Спасибо вам, друзья, за все!

Клятва черноморцев

Не успели гитлеровские вояки опомниться после операции под Варваровкой, как наши разведчики уже начали подготовку к следующему налету на тылы оккупантов. В ночь на 22 октября 1942 года группа младшего лейтенанта Василия Пшеченко высадилась у селения Утришенок, в десяти километрах от места, еще недавно именовавшегося по документам немецкого командования укрепленным узлом. После нашего прошлого посещения здесь царило запустение. Только усиленные отряды патрулей рыскали по всему побережью в надежде напасть на след диверсантов.

Неподалеку от места высадки группы Пшеченко противник создал довольно сильный. огневой заслон. По данным нашей и партизанской разведки тут же базировались склады с военным имуществом и продовольствием.

Опыт предыдущей операции помог группе Пшеченко осуществить высадку на неприступном с точки зрения военной тактики участке побережья. Как только первая шлюпка приблизилась к береговой черте, старший сержант Кондратий Демченко выпрыгнул прямо в воду, обошел окрестности места высадки и подал сигнал остальным. В шлюпке слышали три коротких посвиста. Разведчики вышли на берег и укрылись под отвесной скалой. На нее поднимались, как и в предыдущий раз, по канату.

До наступления утра достигли отрогов горы Медведь и тут обосновали свой временный лагерь.

Двое суток группа изучала подходы к вражескому гарнизону, наблюдала из укрытий за распорядком смены постов и караулов, определяла наиболее выигрышные участки направления удара для будущего штурма.

- Теперь бы еще "языка" прихватить, и тогда будет полный морской порядок, - мечтательно протянул старший сержант Демченко.

- Тебе, Кондратий Антонович, вечно не терпится, - заметил кто-то из бойцов. - Фрицы нынче только днем по дорогам бродят. Напуганы нашими визитами. Да и партизаны их не милуют.

- Была не была! - похлопал товарища по плечу Демченко и обратился к Пшеченко: - Товарищ младший лейтенант, разрешите попытаться?

- Действуйте, только осторожно, без ненужного риска.

Однако старшему сержанту не повезло. Вражеские солдаты и тем более офицеры в ночное время поодиночке действительно ходить не отваживались. Нападать же на целое подразделение не следовало, так как ничего хорошего такое нападение не сулило.

Разведчики выжидали.

Вот в лунном свете показалось несколько силуэтов. Они медленно приближались. Демченко наметанным глазом определил, что впереди идет офицер. Он слегка горбился, то и дело озирался по сторонам, словно ожидая внезапного нападения. Солдаты держали автоматы наизготовку.

Вначале разведчики намеревались беспрепятственно пропустить эту группу, не выдавая своего присутствия. Но толстая полевая сумка, висящая на боку у офицера, была чересчур соблазнительной приманкой. В ней могли оказаться ценные документы.

Старший сержант Демченко выждал, пока идущие по тропинке поравнялись с засадой, и неожиданно для них поднялся во весь рост. Несколько автоматных очередей мгновенно решили исход поединка. Но, падая, один из вражеских солдат успел нажать на спусковой крючок, и искристая трасса прошла по земле, скосив отважного разведчика.

Товарищи подхватили на руки старшего сержанта, взяли документы и

оружие убитых и скрылись в густой тени прибрежных скал.

На следующую ночь "морской охотник" снял группу Пшеченко с берега и доставил на нашу базу.

Сведения, добытые разведчиками, подтвердили, что в районе селения Утришенок противник основательно укрепил побережье, создав целую систему траншей и огневых точек. Командование приняло решение немедленно осуществить здесь операцию.

Командиром отряда назначили младшего лейтенанта Василия Пшеченко. Как и прежде, отряд разбили на боевые группы. Их возглавили младшие политруки Иван Левин и Алексей Лукашев. В качестве комиссара отряда на задание отправился наш боевой политрук Серавин.

Вместе с разведчиками шла лейтенант медицинской службы Анна Бондаренко.

В боевые группы подобрали наиболее опытных, неоднократно участвовавших в операциях такого рода разведчиков. Среди них были Алешичев, Жуков, Зайцев, Игнатьев, Дроздов, Сморжевский, Фетисов, Киселев, Бондаренко, Сурженко, Роин, Ляшко, Шатов, Плакунов, Зинаида Романова и другие. Они деловито готовились к вылазке во вражеский тыл: подгоняли снаряжение, чистили оружие, пополняли запас патронов И гранат.

Тем временем командир отряда подробно изучал с офицерами план предстоящей операции, объяснял им особенности местности и системы вражеской обороны. Люди успели привыкнуть к своей необычной службе. Даже внимательный взор не подметил бы на их лицах и тени волнения. Уходящие на задание держались бодро, шутили, беззаботно подтрунивали над товарищами.

- Смотри, Володя, - подчеркнуто строго советовал Сморжевскому Борис Жуков, - если пристукнешь фрица, не забудь о своей одесской вежливости - извинись, как положено.

- За это ты мне не напоминай, - в том же тоне отпарировал Сморжевский. Чтоб фрицы были так здоровы, как Одесса их любит.

- Будь другом, поделись опытом вежливости. Например, что ты скажешь, если придется стукнуть Гитлерова племянника прикладом по чердаку? - не унимался Борис.

- Что скажу?

- Ну да...

- Пардон, - церемонно поклонился одессит. - Это словечко мои предки запомнили еще с времен французской интервенции. Оно и теперь при некоторых обстоятельствах очень кстати.

Начало темнеть.

Уходящие на операцию построились. Командир с комиссаром обошли

строй, проверили оружие, снаряжение. Оба остались довольны.

Погрузились на катера, и те взяли курс на запад.

Высадились без помех.

Дневали на горном склоне, покрытом густой щетиной начавшего желтеть кустарника.

В назначенное время боевые группы вслед за проводниками стали продвигаться на исходные рубежи и здесь сосредоточиваться. Ждали сигнала к атаке. Вот и он. В звездное небо взвилась ракета и рассыпалась каскадом красных брызг. Сейчас же грянуло могучее "ура", и лощина задрожала от гулких залпов и разрывов гранат.

Пулеметные точки врага встретили отряд плотной завесой огня. По заранее намеченному плану отдельные группы бойцов зашли с флангов и подавили пулеметы, преграждающие путь вперед.

Отделение старшины 2 статьи Владимира Сморжевского вступило в бой с охраной складских помещений. Пользуясь темнотой, краснофлотцы подкрались к колючей проволоке, одним махом преодолели ее и завязали рукопашную схватку у стены первого склада. На Сморжевского налетел высокий унтер-офицер. Владимир, всегда отличавшийся поразительной находчивостью, и тут успел сориентироваться. Он неожиданно для противника упал тому под ноги, сбил на землю и тут же пружинисто вскочил. Роли поменялись. Гитлеровец не успел вскинуть автомат, как старшина обрушил на его голову удар приклада.

- Пардон, - пренебрежительно бросил Сморжевский и устремился к немецкому солдату, который целился в одного из наших разведчиков.

Бойцы отделения проникли в складское, помещение. Вдоль стен громоздились высокие штабеля разнообразных ящиков, мешков, бочек.

- Ребята, взгляните только, шоколад! - крикнула Зина Романова. - А надписи-то, надписи на ящиках наши - русские.

- Уничтожить, - распорядился командир. - Все до капли уничтожить!

- Так наше же...

- Прекратить разговоры! Склад запылал.

Видимо, в нем оказалось продовольствие, взятое из недавно разграбленной карателями партизанской базы. Об этом печальном случае мы знали еще на Большой земле. И вот представилась возможность лишить противника недавно добытых трофеев.

У второго склада бой вспыхнул с новой силой. Целый час дрались моряки, пока им удалось подавить сопротивление немецкой охраны. В помещении оказались боеприпасы. Их тоже подожгли.

На пути отделения старшины 2 статьи Зайцева оказалась сильная огневая точка. Бойцы несколько раз ходили в атаку, но никак не могли ее подавить. Тогда

командир отделения организовал несколько ложных лобовых атак, а сам с двумя бойцами пополз в обход. В тот момент, когда вражеские пулеметчики готовились к отражению очередного натиска в лоб, Зайцев с тыловой стороны швырнул в блиндаж связку гранат. Громыкнул тяжелый удар. Когда столб огня и пыли осел, на месте огневой точки дыбилась лишь бесформенная груда камней и бревен.

В одной из многочисленных атак тяжелое ранение получил комиссар отряда Серавин.

Бой принимал затяжной характер. На подмогу вражескому гарнизону спешили свежие силы. Было принято решение отходить в горы. Отбиваясь от преследующего врага, моряки постепенно оттягивались по крутым скатам, неся с собой раненых товарищей.

На рассвете стрельба стихла. Белые космы тумана медленно сползали по ущельям и таяли, словно растворялись в волнистой ряби моря. Со стороны Утришенка доносились глухие разрывы. Это продолжали рваться боеприпасы в подожженных складах.

Едва передохнув, моряки снова двинулись в путь. Нелегко идти по горным круговертям да еще нести на плечах раненых. Двое из них находились в особенно тяжелом состоянии. Краснофлотец Аркуша бредил. Комиссар отряда Серавин боль переносил молча, но на его лице отражалось такое нечеловеческое страдание, что даже у выдавших виды бойцов сжимались сердца. На одном из привалов Аркуша скончался. Тело его не оставили врагу - понесли дальше.

Двое суток пробирались разведчики по горным тропам. Усталые, без воды и пищи, они с трудом передвигали одеревеневшие ноги.

- Стойте! - послышался негромкий, но властный окрик комиссара. - Стойте! Люди замерли.

- Подойдите ко мне, - попросил Серавин.

Он отлично понимал, что силы у всех иссякли и моряки больше не в состоянии продолжать путь с такой тяжелой ношей. Комиссар смотрел на утомленных, еле стоявших на ногах Левина, Алешичева, Игнатьева, Жукова, Зайцева, Дроздова... Родные, бесконечно родные лица.

- Слушайте, - снова заговорил комиссар. - Слушайте и постарайтесь меня правильно понять.

Он попросил боевых друзей похоронить Аркушу, а его, Серавина, оставить у могилы с автоматом и гранатами.

- Иначе, друзья, вам не выйти. А я, быть может, еще смогу сослужить последнюю службу - если немцы сунутся за вами в погоню, не пропущу их по этой тропинке.

Никто не проронил ни слова. Когда комиссар окончил, разведчики, не

сговариваясь, словно по команде, подняли носилки и пошли вперед.

- Послушайте, - начал было комиссар.

- Не надо нас обижать, - сдержанно ответил за всех Борис Жуков. - Мы ведь, товарищ комиссар, черноморцы!

На третье утро группа кружным путем вышла к горе Медведь. Здесь разведчики похоронили своего боевого друга краснофлотца Аркушу. Не было громких речей. Не гремел традиционный салют - нельзя, рядом враг. Люди сурово клялись на могиле товарища до последнего вздоха сражаться за честь и независимость любимой Родины, громить проклятого врага без пощады, не знать страха в бою.

Вдали голубело ласковое море. Солнечные лучи щедро окрашивали его утренней позолотой. Все казалось тихим и безмятежным... Если бы не эта скорбная могила друга, если бы не черноватая дымка над Новороссийском, где гремели жаркие бои.

- Клянусь! - склонил голову младший политрук Иван Левин.

- Клянусь! - четко произнес старшина Николай Алешичев.

- Клянусь!

- Клянусь!..

Клятва звучала тихо. Да и не нужны громкие слова, если самое главное западает в душу, становится частицей человеческого сознания.

Вражеский лазутчик

Всем надоели вечные жалобы краснофлотца Михаила Фомина.

- За что на меня такая напасть? - твердил он в который раз. - Ребята ходят на задания, бьют фрицев, а я торчу у котлов с кашей, к тому же, учтите, без специального образования.

Действительно, поварского образования у Фомина не было, но готовил он по тем временам довольно вкусно, как мог, старался угодить разведчикам. Только при каждом удобном случае просился на задание.

- Поймите, товарищ Фомин, - урезонивал его командир, - подменить вас некем.

Однажды к нам прибыло пополнение. Неведомо каким образом Фомин навел интересующие его справки. Он первым примчался к командиру с известием, что среди вновь прибывших есть самый настоящий кок "со специальным образованием". Проверили. Сведения подтвердились. С пополнением к нам прибыл один младший сержант по специальности кок.

Кто-кто, а Фомин радовался больше всех, сдавая немудреное камбузное

хозяйство новичку.

Готовить пищу новый кок умел. Особенно раскрывались его способности, когда та или иная группа разведчиков возвращалась с очередного задания. По давно заведенному правилу вернувшиеся на Большую землю наскоро приводили в порядок свой туалет и являлись на камбуз, чтобы "наверстать упущенное", как любил выражаться наш неугомонный одессит Володя Сморжевский. Кок умел всем угодить, знал вкусы почти каждого разведчика и готовил им самые любимые блюда. Например, он подметил, что я неравнодушен к жареному картофелю, и всегда встречал меня на пороге камбуза со сковородкой в руках. В ней исходила ароматным паром румяная картошка.

Во время таких пиршеств кок неотлучно находился у столов, внимательно слушал рассказчиков (а их в таких случаях бывает немало), расспрашивал, интересовался деталями операции.

Через некоторое время наш младший сержант тоже попросился на задание.

- Что же мне с вами делать? - сокрушался командир. - Поймите, хорошо приготовленная пища это тоже немаловажный вклад в боевую операцию.

- Понимаю, - вежливо отвечал кок, - но чем, скажите, я хуже других?

Отказать ему было трудно, тем более, что поделчивый и добрый по натуре Фомин добровольно вызвался на время подменить нашего кока на камбузе.

Как-то группа разведчиков во главе со старшим сержантом Алексеем Дроздовым готовилась к рейду в район Соленого озера. Шло семь человек. Одним из них был наш кок. В ночь с 23 на 24 ноября 1942 года группа высадилась и приступила к выполнению боевой задачи. По плану операции через трое суток "морской охотник" должен был снять разведчиков с оккупированного гитлеровцами побережья и доставить их на Большую землю.

Точно в срок катер прибыл в заданный район, заглушил моторы и, покачиваясь на волнах, стал ждать сигнала с берега. Вот наблюдатель заметил серию вспышек фонарика - разведчики вызывали шлюпку. Ее тотчас спустили на воду.

Плечистый краснофлотец умело табанил веслами, с каждым их ударом приближая шлюпку к берегу. Пулеметчик, сидящий на корме, сосчитал темные силуэты людей на берегу. Семь человек. Все в порядке. Столько и должно быть. Он уже хотел убрать пулемет, чтобы дать возможность разведчикам садиться в шлюпку с кормы, как раздалось несколько винтовочных выстрелов. У самого борта шлепнулись одна за другой три гранаты. Пулеметчик получил ранение, но не растерялся и открыл прицельный огонь по силуэтам людей, находившихся на берегу. Гребец ловко рванул шлюпку и погнал ее к катеру. С "морского охотника" полоснули трассы пулеметных очередей. Подобрал шлюпку,

командир увел судно в открытое море.

Несколько ночей ходили катера в район Соленого озера, но безрезультатно. Разведчики исчезли.

- В чем дело? - недоумевал командир отряда. - Если моряки не ошиблись в сигналах, то их подавали наши люди. Ведь серию сигнальных вспышек знали только семь разведчиков, и больше никто.

- А вдруг, - делали мы предположение, - врагу стали известны наши сигналы?

И верилось и не верилось. Порой мы рисовали себе страшные картины, будто кого-то из разведчиков схватили каратели и он под пыткой выдал наши позывные. А быть может, предательство? Как бы там ни было, стало очевидным, что с группой Дроздова что-то случилось. Но что? Ответ пришел много дней спустя. Его принесли сами разведчики этой группы. Только их оказалось не семь, а шесть. Кока, так рвавшегося в бой, среди возвратившихся не оказалось.

- Он исчез вскоре после высадки, - рассказывал командир группы старший сержант Дроздов. - Отошел в сторону, якобы по естественной надобности, и больше не появлялся. Ночь-то была темная, хоть глаз выколи... Да еще дождик начал накрапывать.

Убедившись в бесполезности поисков и не желая рисковать группой, командир отвел ее примерно на километр в сторону от первоначальной стоянки. На прежнем же месте остались двое. На рассвете они услышали торопливый топот тяжелых солдатских сапог. Большой отряд карателей спешил прямо к покинутому разведчиками лагерю. Не обнаружив их, немцы заволновались. Послышались довольно громкие возгласы.

- Слушай, - проговорил один из разведчиков, - кажется, голос нашего кока.

- Ерунда... Они все по-немецки шпарят.

Прислушались. Теперь уже сомнений не оставалось. Одним из говоривших на немецком языке был исчезнувший из группы кок.

Положение осложнилось. Предатель знал маршрут передвижения разведчиков, пункты, в которых предстояло побывать. Следовало немедленно уходить из опасного района.

Неподалеку от селения Витязево моряки встретились с партизанской заставой. Народные мстители помогли им переправиться на Большую землю.

Случившееся насторожило всех командиров и политработников. Происшествие с коком убедило нас, что враг хитер и коварен, а война гораздо сложнее, чем мы ее себе представляли.

Забегая вперед, расскажу конец этой истории.

Военная судьба разбросала многих наших разведчиков по другим участкам фронта. Наш отряд под командованием Цезаря Львовича Куникова в

феврале 1943 года высадился десантом на Малую землю. Потом мы стали именоваться 393-м отдельным батальоном морской пехоты. Принимали участие в десантных операциях в Новороссийске и на Крымском полуострове.

Январь 1944 года... Два батальона морской пехоты высадились в Керчи, обеспечив плацдарм для второго эшелона советских войск. Одновременно под Феодосией появился наш воздушный десант. Им командовал Василий Пшеченко. Отряд с боями достиг старокрымских лесов и, связавшись с партизанами, в течение длительного времени устраивал засады, производил налеты на вражеские колонны, движущиеся по дороге между Старым Крымом и Грушевкой.

Однажды десантники возвратились из засады с "языком". Им оказался щеголеватый немецкий офицер. Предварительный допрос результатов не дал, так как пленный совершенно не понимал русского языка, а переводчика в группе засады, естественно, не оказалось. Тогда немецкого офицера привели к командиру.

Пленный держался надменно, пренебрежительно поглядывая на бойцов, словно давая понять всю бесполезность вопросов. Пшеченко смотрел на него и напрягал память. Лицо немца казалось ему знакомым. Но где, при каких обстоятельствах он мог видеться с офицером вражеской армии? И вдруг Василия Пшеченко осенила догадка. Это самое лицо, только не надменно-наглое, а подобострастное и угодливо улыбающееся было у сбежавшего кока. Да, да... У него!

- Я только военный, - через губу говорил офицер переводчику. - Я все время служил в тылах, ни в каких открыто враждебных действиях против ваших войск личного участия не принимал....

- А группу старшего сержанта Дроздова кто подвел под удар? - в упор спросил Пшеченко по-русски.

- Он не поймет, - начал было переводчик и поспешил пересказать пленному непонятные ему самому слова командира.

Лицо офицера покрыла мертвенная бледность.

- Расстреляете? - перестав прикидываться, на чистейшем русском языке спросил он.

- Пока нет, - сказал Пшеченко и приказал усилить караул.

В этот же день радиостанция передала командованию известие о пленении офицера немецкой разведки. Поступило распоряжение отправить немца самолетом на Большую землю.

- Грубо сработали, - вскользь заметил Пшеченко, когда вражеского лазутчика вели к прилетевшему самолету. - Стоило втираться в доверие из-за такой с позволения сказать пустяковой операции...

- Ирония судьбы, - философски ответил пленный. - После уничтожения группы Дроздова я должен был вернуться в отряд как единственный уцелевший герой. О, это была бы работа! Но увы, Дроздов меня перехитрил. У него большая карьера.

- Советские люди не о карьере думают, а о том, как лучше истреблять врага, - как мог сдержанней, ответил Пшеченко.

Впрочем, человек из другого мира вряд ли его понял.

Берем "языка"

Памятный случай с вражеским лазутчиком долго давал о себе знать. Если раньше гитлеровцы лишь

догадывались о способах появления на побережье "морских призраков", то теперь они более или менее определенно знали места высадки наших боевых групп. Пришлось перестраиваться коренным образом. Между тем командование требовало подробных сведений о дислокации и численности немецко-фашистских войск между Новороссийском и Таманью. Мы должны были регулярно посылать во вражеский тыл группы разведчиков.

Быстро изменив тактические приемы, разведчики каждую ночь уходили на задания и доставляли ценные сведения о противнике. Только еще более подробную информацию мы могли получить, если бы удалось взять осведомленного "языка". Его же добыть никак не удавалось. Напуганные частыми диверсиями, гитлеровцы передвигались только большими группами, по ночам вообще не отлучались из гарнизонов. С одной стороны, это нас радовало: оккупанты не чувствуют себя хозяевами на нашей земле. С другой стороны, в значительной степени мешало успешной работе боевых групп нашего отряда.

В конце 1942 года одну из таких групп довелось возглавить мне. На задание шло всего шесть человек, то есть командир и разведчики Борис Жуков, Василий Зайцев, Михаил Ляшенко, Василий Прынцовский и Георгий Шамрай. Срок выполнения задания - трое суток.

Как обычно, мы обстоятельно обсудили план предстоящей операции. Выработанная раньше тактика не годилась по той причине, что гитлеровцам стало о ней кое-что известно. Обычно мы брали "языков" в ночное время. Теперь это исключалось. Решили взять "языка" среди бела дня.

Был воскресный день. Вражеские кавалеристы, расквартированные здесь после памятного набега "морских призраков", разгуливали по улицам, пытались заигрывать с местными девушками. В бинокль можно было рассмотреть даже самодовольные физиономии новоявленных завоевателей. Для пушного форса кавалеристы дефилировали вдоль плетней при шашках, но без карабинов.

- Если бы, черт возьми, эти вояки выбрались на лоно природы, - с

надеждой мечтал Борис Жуков, - мы бы обязательно одного из них позаимствовали.

Маскируясь в виноградниках, разведчики подползли к самой околице. Рядом с нашей засадой проходила дорога на Анапу. По ней не замечалось никакого движения. Лишь во второй половине дня вдали показалась элегантная двуколка, напоминающая легкие беговые дрожки. Правил солдат. Рядом с ним восседал офицер в фуражке с высокой тульей.

Зайцев и Шамрай моментально заняли места в канаве у обочины дороги. Как только двуколка поравняется с нашей засадой, они выйдут из укрытия. Мы рассчитывали, что появление разведчиков приведет в замешательство седоков, а тем временем остальные наши люди нападут на них сзади. Захват произойдет быстро и без единого выстрела.

Все испортили... лошади. Как только Зайцев и Шамрай появились перед двуколкой, лошади метнулись в сторону. Офицер с перепугу выстрелил в воздух.

Операция приняла совершенно неожиданный оборот. Нам ничего не оставалось делать, как срезать автоматными очередями седоков.

Выстрелы услышали в селении. Это мы сразу поняли, когда увидели кавалеристов, скачущих к месту происшествия. Я отметил, что они неслись к нам без карабинов. Видимо, вскочив в спешке на лошадей, не успели захватить их с собой. Это дало нам несколько секунд, которые мы использовали, чтобы взять у офицера полевую сумку с документами и отбежать в сторону от дороги. Будь у всадников карабины, нам бы не уйти от огня.

Кавалеристы рассыпались по лощине. Обнаженные сабли поблескивали на солнце. Еще минута-другая, и мы окажемся в ловушке.

Приказываю группе идти на прорыв в направлении леса. Швыряем в ближайших к нам кавалеристов по гранате. Лошади взвываются на дыбы, падают. Уцелевшие храпят и пятятся назад.

- Огонь!

Автоматные очереди хлещут по неприятельским всадникам.

Кольцо прорвано! Отстреливаясь, отходим к деревьям. До них метров восемьсот, не больше. Перебегаем. Ложимся. Снова перебегаем. И стреляем, стреляем... Часа через два, наконец, удалось преодолеть опасные восемьсот метров и достичь лесной чащи. Как раз преследователи получили подмогу. На нас шла густая цепь пехотинцев. Впереди на длинных поводках рвались крупные овчарки. Некоторые из них почти догнали нас. Снова бросаем гранаты. В рядах атакующих заминка. Этого нам только и надо. Короткими перебежками уходим в глубь леса.

Когда выстрелы, лай собак и голоса преследователей утихли вдали, мы перевели дыхание.

- Чуть сами "языками" не стали, - мрачно пошутил кто то.

В изнеможении все повалились на пожухлую, тронутую ранним морозцем траву. Осмотрели захваченные документы. Владельцем полевой сумки оказался офицер войск СС. Обнаружили потрепанную карту местности, густо усеянную условными обозначениями. Некоторые из них почему-то оказались перечеркнутыми. Сопоставив такого рода пометки с данными нашей разведки за последний период, мы пришли к выводу, что вычерки несомненно отражали недавнюю перемену позиций отдельными частями и подразделениями. В иных местах стояли знаки, которых мы ранее на захваченных картах не встречали. Значит, и тут есть перемены. Одним словом, трофей несомненно представлял ценность.

И все же задания мы не выполнили. Возвращаться на базу без "языка" никому не хотелось.

- Засмеют, - буркнул самолюбивый Георгий Шамрай.

- Еще как! - подхватил Василий Прынцовский. - Один Володя-одессит сколько нам кровушки попортит.

Как бы там ни было, а "язык" нужен. До прибытия катера оставалось немногим более суток. Мы отправились в Павловку, неподалеку от которой я в свое время сделал для местных жителей импровизированный доклад о событиях на фронтах Великой Отечественной войны.

Селение встретило нас гнетущей тишиной. Ни огонька, ни шороха. Только где-то вдали изредка тонко повизгивала собака да шуршал в заводи перестоявшийся сухой камыш.

Вдоль плетней быстро пробрались на боковую улицу. Ни души.

- Помнится, Аня Бондаренко говорила, что тут за амбаром должен стоять пятистенный дом, - вспомнил я ее рассказ о беседе с местными жителями. - В том доме на постое находится офицер.

- Кажется, он собственной персоной сюда топает, - шепнул Борис Жуков. Слышу шаги.

В самом деле на перекрестке показались три фигуры. Впереди шел молодеватый, с плечами борца офицер. За ним с автоматами наизготовку шествовали два солдата. Поравнявшись с опрятным домиком, солдаты остановились. Офицер небрежно, заученным движением поднес пальцы к козырьку и, не задерживаясь, проследовал на крыльцо. Когда он скрылся за дверью, солдаты повернули назад и мерной походкой снова прошли мимо нас к перекрестку.

- Проводили домой своего начальничка, - догадался Шамрай. - Теперь наш черед. Аида в хату...

- Погоди, - остановил его опытный в таких делах Борис Жуков. - Пусть

господин офицер уляжется в последний раз в свою постель.

В крайнем от улицы окне неверно замигал огонек спички, ярко засветилась керосиновая лампа и сейчас же квадрат окна потускнел.

- Занавесили, - шепотом сообщил товарищам Василий Прынцовский.

Не отрывая взоров, мы следили за чуть заметной полоской света, пробивающейся наружу у самого подоконника. Наконец и эта полоска исчезла. Значит, погасили лампу. Выждав некоторое время, разведчики подползли к дому.

Лопнуло оконное стекло. Треснула высаженная рама. В темноте три человека навалились на только что уснувшего офицера. После короткой схватки он оказался на улице со связанными руками. За амбаром разведчики помогли гитлеровцу натянуть бриджи и сапоги.- Теперь порядок, - довольным тоном резюмировал Борис Жуков.

Соблюдая максимальную предосторожность, разведчики направились к недалекому лесу. Немецкий офицер сделал несколько отчаянных попыток вырваться, но, убедившись в их тщетности, притих и покорно следовал вперед под конвоем "морских призраков".

Предстояло перейти проезжую дорогу и спуститься к береговому скату, куда с минуты на минуту должна была подойти шлюпка с "морского охотника".

Жуков едва ступил на дорогу, как тотчас отпрянул в кусты.

- Назад, - предупредил он.

Мы залегли у обочины. И вовремя. На дороге появился большой обоз, сопровождаемый конной охраной. При виде его "язык" снова попытался вырваться. Пришлось потуже связать ему руки и заткнуть рот кляпом из полотенца.

Вынужденная остановка задержала группу. Спустились к воде, когда время встречи с катером уже истекло. На всякий случай послали в море условный сигнал, но, не получив ответа, отошли от берега. Уже издали увидели кинжалообразные полосы прожекторных лучей. Они беспорядочно метались по морской глади, перекрещиваясь, разбегаясь в стороны и вновь собираясь в ослепительно-белые пучки.

Вот в свете луча появилось отдаленное очертание маленького суденышка.

- "Морской охотник", - взволнованно сказал Борис. - Наш.

Катер резко отвернул в сторону, но кинжал прожекторного луча буквально вцепился в него. Ударила вражеская батарея. Разрывы снарядов вздыбили фонтаны воды у бортов катера. "Морской охотник" рванулся вперед, сделал замысловатый поворот и исчез из поля зрения. Прожекторы еще ожесточеннее зашарили по морю, но схватить катер своими щупальцами так и не смогли.

Невыносимо медленно тянулось время. В ожидании следующей ночи мы

укрылись в лесной поросли. Продукты кончились. Намокшую одежду дубил пронизывающий морозный ветер. Борис Жуков все время поглядывал на пленного офицера. Тот отчаянно мерз в своем тонкосуконном мундире.

- Еще окочурится, - с сожалением вздохнул Жуков и накинул на пленного свою плащ-палатку.

Видимо, вспомнил недавний случай с недожившим до допроса "языком".

С наступлением ранних сумерек мы отправились в резервную точку встречи с катером. Он появился в назначенное время. На его борту сразу заметили поданный разведчиками сигнал. К берегу подошла шлюпка.

Погрузились. "Морской охотник" достиг базы и ошвартовался у знакомого причала.

Еще одна вылазка во вражеский тыл окончилась благополучно. Люди отправились на отдых, чтобы с новыми силами выйти по приказу командования в ночное море.

Школа мужества

Помнится, однажды мы, молодые политработники, затеяли дискуссию о мужестве. Затеяли не преднамеренно, а как-то случайно. Говорили о боях, о подвигах советских воинов. Кто-то высказал мысль, что совершить настоящий подвиг под силу только человеку волевому, особого склада, не похожему на остальных. Спорили долго, до хрипоты. Нашлись даже люди, отрицавшие сознательное проявление героизма в момент одновременного действия в бою целого подразделения. Выходило так, что, мол, массовый подвиг совершается не всегда сознательно, а скорее всего является результатом общего порыва, когда масса людей сливается как бы воедино и действует, стараясь не отстать от товарищей по оружию. Смешное, примитивное рассуждение. Каждый день общения с боевыми разведчиками все более и более убеждал меня в том, что подвиг, хотя обычно и совершается молниеносно, требует длительной предварительной подготовки. Собственно, сам подвиг - лишь результат, апофеоз повседневного воспитания мужества в характере, в образе мышления человека. В этом больше сомневаться мне не приходилось. А как же тогда боевой порыв? Конечно, его власть над человеком огромна. Но только над тем, который созрел для подвига, научился сознательно и беззаветно подчинять свои чувства и волю интересам коллектива, правильно выбирать свое место в общем деле.

В книге до этого в основном шла речь о выполнении различных разведывательно-диверсионных заданий. О подготовке же к ним на предыдущих страницах сказано лишь вскользь. Между тем боевая и морально-политическая подготовка личного состава занимала весьма много времени и требовала немалых сил. И люди росли, обретали военную сноровку и готовность к

свершению подвига. Особенно наглядно проявились эти качества в период, когда Советское Информбюро стало все чаще сообщать об успехах наших войск на различных фронтах и направлениях. Победы братьев по оружию вдохновляли. Каждому хотелось не отстать от других и внести свой посильный вклад во всенародное дело разгрома проклятого врага.

Конец 1942 и начало 1943 года ознаменовались новыми победами Советских Вооруженных Сил на фронтах Великой Отечественной войны. Наши войска завершили окружение и ликвидировали немецко-фашистские полчища под Сталинградом. Войска Закавказского фронта очистили от врага Северный Кавказ, большую часть Кубани, вплотную подошли к Новороссийску и готовились к полному изгнанию оккупантов с Таманского полуострова. Для выполнения этой задачи следовало совершить комбинированный удар с суши и моря. Вот почему перед Черноморской группой Закавказского фронта была поставлена задача перейти в наступление в горах северо-восточнее Новороссийска, а перед Черноморским флотом - обеспечить высадку крупного десанта юго-западнее этого ставшего фронтом города.

Командование ясно себе представляло, что успех предстоящей операции во многом зависит от умелого и тесного взаимодействия сухопутных войск Закавказского фронта с моряками Черноморского флота. Моряки имели немалый опыт проведения десантных операций. Корабли уже высаживали не только группы разведчиков или небольшие отряды морской пехоты, но и крупные воинские части и соединения. Все же, каким бы богатым ни был опыт, предстоящая высадка десанта в районе Новороссийска в зимних условиях являлась делом трудным и крайне сложным. Готовясь к такой высадке, необходимо не только наиболее правильно выбрать место и время, но и предусмотреть многие тысячи самых разнообразных "мелочей". Собственно, в таких случаях все главное, а мелочей-то и нет.

Надо своевременно и точно произвести артиллерийскую обработку берега огнем корабельной артиллерии, а также обеспечить внезапность и высокий темп самой высадки. Участники десанта перед посадкой на плавсредства должны пройти длительную и всестороннюю тренировку в условиях, максимально приближенных к тем, в которых им придется выполнять боевую задачу.

При формировании десантных частей и подразделений необходимо подбирать людей смелых, испытанных в боях, отважных, инициативных, готовых к самостоятельным действиям в самой трудной обстановке. Эти качества можно и нужно развивать в процессе повседневной морально-политической подготовки личного состава. Здесь очень важна и индивидуальная работа с людьми. Этим умением, умением руководить не только большим коллективом, но кропотливо воспитывать каждого конкретного

человека всегда отличался бывший журналист майор Цезарь Львович Куников. Он и помощников сумел подобрать под статью себе: начальником штаба стал Федор Евгеньевич Катанов, командирами боевых групп лейтенанты Антон Бахмач, Василий Пшеченко, Григорий Слепов и Сергей Пахомов, старший лейтенант Алексей Тарановский.

На должности заместителей командиров групп по политической части получили назначение лейтенанты Николай Тетеревенко, Иван Левин, Алексей Лукашев, старший лейтенант Степан Савалов и весьма эрудированный, отлично подготовленный к политработе старшина 1 статьи Олег Любченко. Связь возглавил старший лейтенант Владимир Катыщенко. С нами вместе оказались лейтенанты медицинской службы Игнатий Потапов и Мария Виноградова. Начальником снабжения, конечно, стал старшина Амед Ибрагимов.

подавляющее большинство прибывших в отряд командиров, старшин, сержантов и рядовых имело боевой опыт. Многие из нового пополнения не раз высаживались в тылы врага и участвовали в смелых десантных операциях.

Вместе с майором Куниковым у нас появились, как говорится, обстрелянные, прошедшие огонь и воду люди. Среди них выделялись лейтенант Алексей Рыбнев, главстаршина Николай Кириллов, опытная и отважная медсестра Надежда Лихацкая. Но больше всего привлек всеобщее внимание краснофлотец Павел Потеря. Он прибыл со станковым пулеметом "максим". Вооружения такого рода у нас не было. Разведчиков, естественно, больше устраивали легкие ручные пулеметы ДП.

Потеря, видя на себе недоуменные взгляды, пояснил:

- Это, так сказать, личное оружие. Вроде пистолета или, например, кинжала.

Через некоторое время мы узнали об истории этого "личного оружия".

Когда московский журналист Цезарь Львович Куников стал в годы Великой Отечественной войны командиром отряда морской пехоты, ему пришлось биться с гитлеровцами на подступах к Ростову. Враг рвался на Дон. Его следовало сдерживать во что бы то ни стало. А огневых средств было маловато. Тогда командир отряда пришел к директору Ростовского музея.

- У вас есть оружие, которое можно применить в бою? - спросил он. Выдайте его нам. Я оставлю расписку.

Директор музея замялся.

- Есть пулемет. Но, видите ли, историческая ценность. С ним красногвардейцы штурмовали Зимний дворец. Потом пулемет оказался в Первой конной армии, вышел из строя в бою под Егорлыкской... После гражданской войны его поместили в наш музей революции.

- Из него можно стрелять? - осведомился Куников.

- Вполне, - ответил директор музея. - Наши умельцы отремонтировали "максим".

- Что ж, давайте сюда ваш музейный экспонат. Держите расписку.

И вот "максим" попал в руки комсомольца, призванного на службу из местного колхоза "Большевик", Павла Потери.

Исторический пулемет крушил гитлеровцев во многих боях. Теперь он оказался в нашем отдельном батальоне морской пехоты.

Основными подразделениями вновь сформированного батальона явились боевые группы. В каждой из них были созданы первичные партийные и комсомольские организации.

Перед командованием отряда стояла задача в короткое время подготовить личный состав к выполнению ответственного задания в тылу врага. Предстояло заново сформировать подразделения, сколотить отряд в боевую единицу, отработать организацию, вооружить и обеспечить всем необходимым людей, добиться полной взаимозаменяемости в бою.

Потекли напряженные, до предела загруженные дни и ночи боевой учебы.

В дождь и ветер тренировались моряки на высоких прибрежных скалах, карабкались по обледеневшим обрывам, пробирались по зарослям колючих кустарников, учились ориентироваться на местности, особенно в вечернее и ночное время. Люди соревновались, кто быстрее преодолеет препятствие, кто, притом нередко с завязанными глазами, скорее всех перезарядит диски автомата и ручного пулемета, кто поразит цель по звуку, лучше метнет кинжал.

Вся система занятий предусматривала отработку быстроты действий, слаженности, абсолютной четкости. Порой отработка тех или иных элементов учебных заданий превращалась в довольно своеобразные спортивные состязания, охватывавшие всех - от командира до рядового бойца.

Когда в отряд привезли противотанковые ружья, началось детальное овладение новым для нас оружием. Однажды устроили стрельбу по мишеням. Куников стрелял первым. За ним образовалась целая очередь. К концу ее встали двое, тоже изъявившие желание стрелять. Это были командир Новороссийской военно-морской базы Георгий Никитич Холостяков и начальник политотдела Иван Георгиевич Бороденко.

Во время предыдущих разведывательных операций нам неоднократно доводилось захватывать оружие врага и тут же применять его в бою. Поэтому-то в учебную программу десантников вошел, так сказать, дополнительный предмет: тщательное изучение вражеских автоматов, карабинов, пулеметов, пистолетов, гранат и другого оружия. Трудно сказать, каким образом Куников находил время для всего. Ведь, кроме обязательной программы подготовки, он скрупулезно знакомился с бытом воинов. Наверное, в отряде не было ни одного

человека, с которым он не побеседовал бы лично, притом не наспех, а самым обстоятельным образом. В результате этих бесед, личного опыта и продуманного анализа известных в истории случаев успеха или поражения десантных войск он составил специальную памятку, в которой определялись наиболее целесообразные способы высадки и маскировки, ведения боя на открытой местности, в лесу, на улицах населенных пунктов. Эта куниковская памятка стала хорошим пособием для командиров боевых групп и отделений при обучении личного состава.

Особенно большое внимание уделял майор изучению тактических приемов ведения боя, применяемых в немецкой армии.

- Когда боец знает своего противника, - сказал однажды Куников, - у него не может появиться страха перед неизвестностью. Он научится самостоятельно давать оценку событиям, выбирать свое место и определять поведение в той или иной обстановке.

Анализировать и сопоставлять Цезарь Львович любил и умел. Видимо, тут сказывалась профессиональная привычка журналиста, перенесенная на поле боя. Инженер, редактор центральной газеты "Машиностроение" в трудную для Родины минуту сумел поставить все свои знания и эрудицию на службу самому главному для Отчизны делу. Это он осенью 1941 года возглавил отряд бронекатеров, охранявших в Ростове-на-Дону железнодорожный мост. Под натиском превосходящих сил врага наши войска отошли из Ростова к устью Дона и продолжали, укрываясь в азовских плавнях, нападать на немцев. В эту трудную пору куниковцы действовали совместно с партизанскими отрядами Шкурко и Даниловского. Это тоже способствовало накоплению знаний, выработке приемов истребления живой силы и техники врага.

Отрезанные от своих, куниковцы решили пробиваться на бронекатерах к Новороссийску. На пути они не раз принимали бои с немецкими подразделениями, отражали атаки воздушных пиратов. Испытав на своей шкуре удары отряда бронекатеров, гитлеровцы решили, что к Керченскому проливу следует отборная бригада морской пехоты, имеющая какое-то необыкновенное оружие. А ведь людей-то в отряде было немного. Их успех объяснялся умением вести бой и, разумеется, личной отвагой.

В Керченском проливе стало труднее. На воде плавали мины, с воздуха предпринимали атаку за атакой самолеты противника. К этому времени немцам удалось овладеть частью Новороссийска. Тогда Куников повел свой отряд в Геленджик.

Теперь его знания и опыт широко использовались при обучении личного состава нашего отряда.

В подготовительный период большую работу осуществляли наши

политруки. Ведь во время проведения десантных операций от воинов требуется личное мужество, высокий моральный дух, стойкость и отвага. Политработники отряда, секретари первичных партийных и комсомольских организаций боевых групп, агитаторы отделений, партийный, комсомольский и боевой актив уделяли серьезное внимание разъяснению политики нашей партии и правительства, воспитывали бойцов пополнения на замечательных примерах героизма советских воинов, рассказывали о героях своих подразделений, о том, как действовал под Ростовом-на-Дону и в азовских плавнях отряд бронекатеров во главе с майором Цезарем Львовичем Куниковым.

Пришла отрадная весть: Советские Вооруженные Силы замкнули кольцо окружения врага на Волге, взломали оборону немцев на Дону, стремительно развивали наступление на Северном Кавказе. Это радовало, наполняло сердца людей гордостью за Советскую Родину, за наш великий народ. Многие тогда подали заявления о вступлении в партию. Среди них были Василий Пшеченко, Серафим Труфанов, Федор Савенко - люди беззаветно храбрые, преданные делу борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Мне нередко приходилось присутствовать на беседах, проводимых агитаторами Сергеем Колотом, Дмитрием Кашариным, Сергеем Беловым, Федором Богдановым, Владимиром Данилиным, Николаем Романовым и другими. Радовала активность воинов. Многие рассказывали о событиях, очевидцами и участниками которых им пришлось быть, делились с товарищами своими мыслями.

Еще ярче и рельефнее проявились духовные качества бойцов и командиров в период проведения митингов. Они собирались всегда, как только сводка Совинформбюро доносила до нас радостные известия об успехах Советских Вооруженных Сил на различных фронтах Великой Отечественной войны.

Старые записные книжки военных лет хранят на своих страницах незабываемое. Читаю... Вот мы проводили митинг. Это было 17 января 1943 года. Митинг организован по случаю успешного наступления Красной Армии.

Выступает коммунист Антон Антонович Печенежский. "Удары по врагу, говорит он, - приближают час победы. Будем и мы, друзья, еще крепче бить фашистских гадов. От имени личного состава первой боевой группы призываю всех воинов произвести сбор средств на строительство эскадрильи самолетов. Это будет наш посильный вклад в дело победы над врагом".

Конечно, такая коротенькая запись далеко не полно отражает обстановку грандиозного морально-политического подъема, охватившего весь личный состав. Да и говорил Печенежский, разумеется, не совсем так. Его речь была горячей, страстной. Я же успел записать только смысл сказанного.

Воины единодушно поддержали выступление своего товарища. В течение двух часов они собрали в фонд обороны почти восемнадцать тысяч рублей.

На митинге, проходившем 2 февраля 1943 года по поводу ликвидации немецко-фашистских войск под Сталинградом, выступающие заявили, что не пожалеют ни крови, ни самой жизни для достижения полной победы в священной народной войне. Тогда коммунист Владимир Сморжевский сказал: "Много раз мы ходили по тылам врага, били его. Но враг еще сопротивляется. Так будем же бить его еще сильнее, чтобы добить до конца".

Выступает коммунист Иван Григорьевич Игнатьев. Он говорит: "В тылу врага мы потеряли многих наших боевых друзей, с которыми вместе сражались за победу советского оружия. Теперь этих ребят с нами нет. Но пусть не думают гитлеровцы, что, убив наших друзей, они сделали Красную Армию менее боеспособной. Нет! Мы будем сражаться за себя и за павших в боях. Каждый из нас пусть бьет фашистов за двоих, а то и за троих. Пусть память о погибших звучит в каждом нашем выстреле, в каждом разрыве гранаты".

В этот день за несколько часов до митинга в политотделе Новороссийской военно-морской базы Иван Георгиевич Бороденко вручил мне большой лист ватмана с текстом клятвы и посоветовал предложить личному составу отряда принять ее перед уходом в десант. Все с готовностью согласились с этим предложением.

Торжественно и сурово звучали на митинге слова памятной всем клятвы на верность Родине:

"Мы получили приказ командования - нанести удар по тылам врага, опрокинуть и разгромить его.

Идя в бой, мы даем клятву Родине, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом...

Волю свою, силы свои и кровь свою, каплю за каплей, мы отдадим за жизнь и счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина.

Нашим законом есть и будет движение только вперед!

Мы победим!

Да здравствует наша победа!"

Один за другим в строгом молчании подходили командиры, старшины, краснофлотцы к столу, ставили свои подписи под текстом клятвы. Такое не забывается.

Серьезную помощь командованию в сколачивании боевых групп, в изучении оружия, укреплении дисциплины, одним словом, в приведении отряда в полную готовность к выполнению ответственного задания оказал боевой актив. Он был создан из числа лучших командиров и краснофлотцев - орденосцев, участников смелых десантных операций в Феодосии и Керчи,

защитников Одессы и Севастополя. Эти отважные люди часто выступали перед товарищами по оружию, передавали новичкам свой военный опыт и мастерство бить гитлеровцев.

Наконец поступил долгожданный приказ - высадиться в тыл врага под Новороссийском.

Мы без промедления отработали необходимую документацию, провели совещание с командным составом отряда, на котором в подробностях рассмотрели предстоящую десантную операцию, поставили четкие задачи перед каждой боевой группой.

Вслед за совещанием командного состава собрали секретарей первичных партийных и комсомольских организаций. Тут же решили провести в подразделениях открытые партийные собрания, на которых обсудить вопрос "Задачи личного состава в предстоящей операции". Такое собрание было просто необходимо. Ведь успех сражения в первую очередь решает ясность обстановки. Любой воин обязан четко представлять свою роль и место в надвигающихся событиях. Не пресловутое слепое повиновение приказу, а сознательное участие в боевой операции отличительная черта взаимоотношений командиров и подчиненных в Вооруженных Силах Страны Советов.

Собрания были непродолжительными, выступления короткими, но яркими и глубокими по содержанию. Коммунисты, комсомольцы и беспартийные краснофлотцы заверяли командование, родную Коммунистическую партию, Советское правительство, что поставленную задачу они выполнят с честью.

Сохранилась запись выступления кандидата в члены партии Шутова. Он заявил:

"В борьбе с фашизмом в предстоящем бою я клянусь высоко пронести почетное звание коммуниста. Буду беспощадно уничтожать фашистскую нечисть до тех пор, пока бьется мое сердце".

Выступления коммунистов-агитаторов отделений Смержевского и Шилова сводились к тому, что в бою они тоже будут вести агитацию, но уже не столько словом, сколько делом - личным примером увлекать за собой десантников.

Такие собрания прошли повсеместно. Командиры и краснофлотцы в последний раз проверяли оружие, укладывали в вещевые мешки боезапас и, продовольствие, подгоняли снаряжение. Все ждали последнего построения и перехода к месту посадки на корабли.

Начальник штаба Федор Евгеньевич Катанов построил отряд в две шеренги, произвел расчет и доложил командиру:

- Отряд в количестве двухсот семидесяти трех человек в полном боевом построении.

Мы с Цезарем Львовичем Куниковым прошли вдоль строя. Внешний вид людей был безупречным. Боевое снаряжение подогнано. На каждом лице словно читалось: "На меня в бою можете положиться".

Куников обратился к отряду с краткой речью. Он напомнил, что сегодня или завтра нам придется лицом к лицу встретиться с врагом, который, быть может, обладает значительным численным превосходством. Но на то мы и черноморцы, чтобы разгромить врага независимо ни от чего. Тем не менее думать о легкой победе глупо. Предстоят тяжелые бои. Среди людей, ныне стоящих в этом строю, будут, несомненно, раненые и убитые. От правды не уйдешь, и нечего тешить себя надеждой на "авось пронесет".

- Готовы ли вы к испытанию? - спросил Цезарь Львович и сделал паузу. Окинув строй внимательным, изучающим взглядом, он продолжил:

Может быть, кто-либо не решается пойти на задание? Говорите, стесняться нечего. Возможно, кто-то себя плохо чувствует? Скажите. Не приказываю, а прошу этих товарищей выйти из строя.

Никто не шелохнулся.

Тогда Куников обратился к начальнику штаба капитану Катанову и приказал распустить бойцов на перекур, после чего построить их снова.

- Товарищи, кто постеснялся выйти сейчас, снова в строй может не становиться.

Командиры и политработники отошли в сторону.

- Неужели в строю не окажется двухсот семидесяти трех человек? - ни к кому не обращаясь, спросил начальник штаба.

- Пожалуй, на этот вопрос может ответить только Старшинов, - выразительно взглянул на меня Цезарь Львович. - Он тут старожил.

Я молчал. В памяти с молниеносной быстротой замелькали знакомые лица старшин и краснофлотцев. Их-то я знаю. Хорошие, крепкие парни!

- Разведчики окажутся в строю все, - наконец, твердо ответил я. - За них головой ручаюсь!

- Если кто побоится, то пусть лучше сейчас, пока не поздно, уйдет из наших рядов, - проговорил Куников.

Прошло десять напряженных минут. Начальник штаба снова построил отряд. Люди рассчитались по порядку номеров. В строю стояло двести семьдесят два человека.

Не ослышался ли я? Должно быть двести семьдесят три. Нет. Начальник штаба повторил цифру:

- Двести семьдесят два.

Значит, один все же не решился... Кто он? , Мою нервозность заметил наблюдательный командир отряда. Он ободряюще взглянул на меня и, словно

ничего особенного не случилось, громко, чтобы слышали все, сказал начальнику штаба:

- Прекрасно! Ведите личный состав на корабли.

Мы с Цезарем Львовичем пошли в некотором - отдалении. Нас догнал старшина отряда Николай Иванович Алешичев и доложил, что в строю не оказалось недавно прибывшего с пополнением краснофлотца Капустина.

- Он вполне здоров? - поинтересовался командир.

- Абсолютно.

- Ясно, - Куников зачем-то поправил ремень. - В таком случае передайте начальнику снабжения, что краснофлотец Капустин останется в его распоряжении.

Около полуночи весь личный состав прибыл к месту посадки на корабли. Нас встретили старые друзья из 4-го дивизиона "морских охотников" - Николай Сипягин, Николай Щекочихин, Иван Леднев и другие командиры кораблей, которые не раз высаживали разведчиков во вражеский тыл.

Посадка прошла быстро и организованно.

Дивизион "морских охотников" вышел в море.

Между тем второй эшелон десанта готовился последовать за своими товарищами.

Подразделение старшего лейтенанта Ивана Васильевича Жернового было полностью подготовлено к погрузке на корабли. Личный состав с нескрываемым нетерпением ждал своей очереди.

- Товарищи! - обратился командир подразделения к бойцам, собравшимся на митинг. - Вы все уже знаете, какую задачу поставило перед нами командование. Мы идем не просто уничтожать врага, а открывать новую страницу великой битвы. Успех операции решит исход борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на побережье Кавказа, будет способствовать дальнейшему наступлению наших войск, освобождению от гитлеровских захватчиков городов и сел нашей Родины, советских людей, томящихся в фашистской неволе.

- У многих из нас на временно оккупированной территории остались родные и близкие, - сказала медицинская сестра Надежда Лихацкая. - Они не простят промедления. Каждый день, каждый час, каждая минута нахождения в рабстве - это трагедия. Мы должны, мы не можем поступить иначе, чем идти вперед, драться с фрицами, гнать и гнать их с родимой земли.

Последние слова Нади Лихацкой потонули в буре негодующих возгласов:

- Смерть немецким оккупантам!

- Вперед, на врага!

Надя выждала, пока не установилась относительная тишина, и закончила:

- Я, конечно, не нахожусь в строю непосредственных бойцов. Но, знаете, друзья, медицинский персонал нашего подразделения будет всегда с вами, в самых опасных схватках, в огне. Мы поможем тем, кого настигнет вражеская пуля. А если потребуется, будем драться с гитлеровцами рядом с вами, в первых цепях атакующих.

Девушка умолкла, не зная, что бы такое еще сказать. Она просто не находила нужных слов для выражения чувства ненависти к врагу, своей верности матери-Родине.

Вслед за Надеждой Лихацкой слово взял начальник штаба подразделения лейтенант Алексей Рыбнев.

- На войне не бывает без жертв, - сказал он. - Но если кому-либо из нас суждено умереть, то умрем, как и подобает советским воинам.

Один за другим выступали бойцы и командиры, каждый хотел произнести самые заветные слова, поделиться своими мыслями.

- Что это вы, товарищ лейтенант, вроде бы о смерти говорили, - тихо шепнула Надя Лихацкая Рыбневу. - Можно подумать, что и впрямь на тот свет собрались.

- Я? - открыто улыбнулся тот. - Черта с два! Пусть фрицы умирают... Правда, случиться может всякое. Если смерти бояться, о победе думать нечего.

- И все-таки не умирайте, - покраснела девушка.

- Постараюсь, - отшутился лейтенант.

Он больше чем хорошо знал эту застенчивую и вместе с тем чрезвычайно решительную девушку. Рука об руку они дрались под Ростовом-на-Дону с гитлеровцами. Надя находилась в передних цепях, стреляла в немцев, подносила патроны к "музейному экспонату" Павла Потери.

- Тебе следовало парнем родиться, - шутили бойцы.

И никто, даже сам лейтенант Алексей Рыбнев, не знал, что в глубине души она тщательно скрывает ото всех нечто присущее только ей, девушке.

Надя с благоговением смотрела на молодого лейтенанта. Они вместе участвовали в художественной самодеятельности, вместе били врага. И только одно было врозь - тихая, безответная любовь.

Лихацкая знала, что Алексей женат. Знала и боялась выдать ему свои чувства. Подруги порой подшучивали, дескать, подойди и скажи. Подумаешь, у него в тылу жена. Фронтная любовь крепче. Только Надя никак не реагировала на их реплики. Поплачет и смолчит. Лишь однажды открылась мне.- Вот вы, товарищ комиссар, понимаете человека, - начала она издали. - А как, скажите, быть, если любишь?

С моих уст готова была сорваться трафаретная фраза о высоком чувстве, но я вовремя догадался, что она бессильна.

- У него есть другая, - вздохнула Надя, - жена... Она поведала мне о своем горе.

- Нет, нет, только прошу вас, ничего не говорите, - закончила девушка свою исповедь. - Мне не нужны советы. Их и так больше чем достаточно... Не нужны утешения. Просто захотелось поделиться с кем-то своей бедой. Я ведь Никогда-никогда так откровенно о себе никому не говорила... А Рыбнев хороший, добрый. Он очень чистый и правдивый. Ему не следует ни о чем знать.

"Чистый и правдивый"... Сколько раз вспоминал я эти слова, думал о потаенных чувствах русской девушки-бойца. На фронте, на самом переднем его крае, где, казалось, смерть смешивает все обычные понятия, сохранялось в девственной неприкосновенности высокое чувство, которым отмечены люди, мечтающие о мире, люди, для которых война - злейшее из зол.

И этим людям предстояло идти в огонь, драться с врагом, убивать и умирать в бою. Наблюдая за Надей Лихацкой, Алексеем Рыбневым и другими им подобными, я все больше утверждался в мысли, что таких людей не одолеть, не сломить. Высокие душевные качества делают их стойкими и решительными в минуты грозной опасности. Они раз и навсегда выработали свою линию поведения, изменить которую ничто не властно.

Вот такие простые, пусть даже немного сентиментальные люди и шли в десант. Шли, чтобы проявить совсем другие стороны своего характера.

Но об этом речь впереди.

В огне

Над морем нависла непроглядная пелена мрака. Под его плотным покровом корабли с первым эшелонem десантных войск приблизились к берегу и стали разворачиваться для нанесения артиллерийского удара. "Морские охотники", тряско подрагивая на волнах, ожидали сигнала к высадке десанта.

Стрелки часов медленно отсчитывали время. Оно перевалило рубеж предыдущих суток и вступило в первые минуты 4-го февраля.

Со стороны предместья Новороссийска Станички ничего не было видно. Тишина и покой. Как все это обманчиво... Но вот гулко ударил первый артиллерийский выстрел с головного корабля обеспечения. Тотчас заухали десятки корабельных орудий. Издалека начали бить наши береговые батареи.

Над морем встало багрово-желтое зарево.

Катера с десантом развернулись и ринулись к берегу. Их встретил шквальный ружейно-пулеметный огонь врага. Однако краснофлотцы словно не замечали опасности. Люди прыгали с бортов прямо в ледяную воду и устремлялись к берегу.

- Вперед и только вперед! - громко повторил кто-то слова клятвы.

- Ура!

На мгновение я увидел командира боевой группы лейтенанта Пшеченко. Он выкрикнул:

- Вперед! За мной, ребята! - и первым бросился с катера в море.

С другого "морского охотника" спустили трап. Вражеский снаряд разнес его в щепки. Несколько десантников упали, сраженные осколками. Заместитель командира 4-й боевой группы по политической части лейтенант Иван Левин, не раздумывая, прыгнул в студеную воду.

- За Родину, вперед! - раздался его зычный голос. - Черноморцы не знают страха!

Радист отряда молодой коммунист краснофлотец Сергей Ревякин дважды возвращался с берега на катер. Он вынес радиостанцию и питание к ней.

У береговой черты во многих местах завязались ожесточенные рукопашные схватки. В отвесах гранатных разрывов и орудийных вспышек замелькали приклады. Через десять минут первая линия береговой обороны противника была прорвана на всем участке высадки десанта. Гитлеровцы отошли за железнодорожную насыпь и продолжали отчаянное сопротивление.

Куников открытым текстом по радио доложил командованию: "Полк высадился успешно. Продвигаемся вперед. Жду пополнения". Открытая радиограмма имела свой, заранее обусловленный смысл. Для нашего командования она являлась сигналом к высадке второго эшелона. Для противника, который несомненно перехватил ее текст, радиограмма становилась документом, свидетельствующим о том, что русские, сумели перебросить на побережье целый полк. А это, несомненно, требовало принятия соответствующих мер.

"Морские охотники" отправились за подразделениями второго и третьего эшелона и через несколько часов доставили их на занятый штурмовой группой плацдарм в Станичке. Подразделения второго и третьего эшелонов, влившиеся в отряд Куникова, возглавили старший лейтенант Жерновой, капитан Ежель и капитан Диметрук, которого позднее сменил старший лейтенант Ботылев. Всего в ночь с 3 на 4 автомашинах подкрепление. Тогда командир отделения коммунист Николай Богданов поднял бойцов в атаку. Они гранатами подбили две автомашины и автоматным огнем уничтожили немецких солдат и офицеров.

По соседству командир отделения Николай Романов засек несколько вражеских февраля на Малую землю было высажено 810 человек.

Десантники очищали от неприятеля дом за домом. Немцы, ошеломленные стремительным натиском, поспешно покидали свои позиции, оставляя военную технику и вооружение. 4 февраля к семи часам утра все подразделения советского десанта достигли намеченных рубежей, захватили территорию рыбозавода, большую часть кварталов Станички и Азовскую улицу

Новороссийска. В период броска десантники отбили у врага тринадцать артиллерийских орудий, два склада с боеприпасами, большое количество пулеметов, автоматов, винтовок и другого вооружения.

Натиск на позиции гитлеровцев продолжался.

На одном из участков десантники обнаружили, что неприятель подбрасывает на огневых точках, замаскированных у железнодорожной насыпи. Гитлеровские пулеметчики кинжальным огнем препятствовали продвижению десантников в глубь плацдарма. Романов с восьмью, краснофлотцами в обход атаковал эти точки. Смельчаки врукопашную справились с прислугой, захватили несколько пулеметов и легких орудий.

Лейтенант Василий Пшеченко вел свою боевую группу через насыпь. Гранатами и кинжалами его бойцы подавили сопротивление команды мощного дзота, овладели установленными в нем пушками и пулеметами. В живых не осталось ни одного фашиста.

Вот когда о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками не говорили, а осуществляли ее на деле. Даже те, кто на митингах, проводимых в канун операции, не решался выступить скорей всего в силу природной застенчивости, проявляли в полном смысле слова чудеса героизма. Например, краснофлотец Иван Лукашев - вроде бы незаметный и тихий парень... Кто бы мог подумать, что он не побоится вступить в единоборство с целым орудийным расчетом немцев. Вражеская пушка стреляла с открытой позиции прямой наводкой и мешала атакующим десанникам продвигаться вперед. Тогда краснофлотец Лукашев подкрался к пушке и метнул гранату. Не успели немецкие артиллеристы, которые остались после взрыва в живых, опомниться, как отважный моряк оказался с ними рядом. Его автомат разил врага направо и налево. В мгновение ока у переставшей стрелять пушки распласталось двенадцать трупов.

Бойцы отделения младшего сержанта Федора Совенко выдвинулись вперед атакующих, сняли пять часовых, перерезали линии проволочной связи между очагом сопротивления и Новороссийском.

Секретарь партийной организации 4-й боевой группы Кирилл Дибров вел свое отделение на наиболее огнеопасном направлении. На пути бойцов находился довольно сильный узел сопротивления. Идти на него в лоб - равносильно самоубийству. Но и затягивать перестрелку ни в коем случае нельзя. Ведь затяжка в таком бою снижает стремительность натиска, тормозит успех общего дела.

Моряки из отделения Кирилла Диброва обошли с фланга огневые точки гитлеровцев, гранатами и кинжалами расчистили путь наступающему подразделению.

Бой, полыхающий на огромном участке, единый в своей направленности,

становился десятками и сотнями самостоятельных батальонов, в которых решающая роль принадлежала личной храбрости и инициативе, боевому мастерству советских десантников. Несколько десятков краснофлотцев во главе с заместителем командира 5-й боевой группы по политической части Степаном Савеловым ворвались в здание рыбозавода. Из одного окна наиболее дерзко строчил вражеский пулемет. Моряки ворвались в помещение, "убрали" пулеметчика и взяли в плен трех гитлеровцев. Один из них довольно сносно говорил по-русски. Савелов решил тут же воспользоваться этим и выяснить возможность дальнейшего развития атаки. Довольно сильная батарея держала под непрерывным огнем перекресток и дорогу. Оказалось, что пленный знает обходной путь к батарее. По нему он и провел группу смельчаков. Произошла короткая схватка. Орудийная прислуга была полностью уничтожена. Батарея умолкла.

Четыре десантника во главе с коммунистом Любченко захватили вражескую пушку и два пулемета.

Так в ходе боевых действий у нас стала накапливаться трофейная артиллерия. Куников приказал собрать все захваченные орудия и создал своеобразное подразделение, тут же получившее неофициальное наименование "отдельного десантного трофейного дивизиона". Его возглавил старший лейтенант Савелов.

Своим огнем дивизион крепко поддерживал наши подразделения в период отражения бесчисленных атак немцев. Они опомнились после первого ошеломляющего удара и успели убедиться в том, что силы десанта не особенно велики. Начались ответные удары по наспех занятой нами линии обороны. Собственно, линии в прямом понимании этого слова не существовало. Бои шли за каждый дом, овражек, естественную неровность почвы. Неприятель подтянул к позициям десантников много пехоты, сотни орудий и минометов, десятки танков.

Примечательно, что даже в такой нелегкой обстановке наши разведчики сумели раздобыть и доставить в штаб "языка". Им оказался довольно осведомленный офицер. В ходе допроса мы узнали о планах немецкого командования, которое готовило решительный удар по десанту. Неприятель собирался одновременным натиском с обеих флангов оттеснить нас от моря, лишив, таким образом, возможности получить подкрепление. Лобовой атакой по центру немцы рассчитывали расколоть отряд на две части и уничтожить его.

Вот тут-то и показал себя "трофейный дивизион". Его орудия метко били по вражеским танкам и самоходкам, сметали огнем шквалом цепи атакующих гитлеровцев.

На самых опасных участках в наиболее критические моменты появлялся

наш малочисленный, но предельно стойкий резерв. Он состоял из двух подвижных групп во главе с Николаем Кирилловым и Кондратом Крайником.

Во второй половине первого дня боя особенно упорные схватки вскипали у здания школы. Отсюда противник хорошо просматривал позиции нашего отряда. Десантники решили во что бы то ни стало выбить немцев с удобного наблюдательного пункта. Старший лейтенант Василий Ботылев организовал несколько смелых атак, но они захлебнулись в плотной завесе ружейно-пулеметного и артиллерийского огня. В самый разгар одной из таких атак Куников послал со связным Ботылеву записку: "Школу брать не надо, занимайте только оборону. Наша задача продержаться до вечера. Сейчас на нас жмут слева. Боезапаса нет. Экономьте и отбирайте боезапас у врага".

До конца дня противник десятки раз предпринимал яростные атаки, но, оставив перед позициями десантников сотни трупов, откатывался назад. Не могли преодолеть наш заслон и вражеские танки. Многие из них застывали на месте, не дойдя до боевых порядков советских моряков. Другие дымились перед самыми огневыми рубежами наших артиллеристов.

Нелегко пришлось бойцам подразделения Алексея Тарановского. На этом участке следовала атака за атакой. Все пространство перед позицией было покрыто трупами в серо-зеленых шинелях. Тяжело раненый командир остался с десятью бойцами. Люди, что называется, стояли насмерть. Они не пропустили через свои боевые порядки ни одного врага.

На другом участке не менее стойко держалось отделение Сергея Белова. Краснофлотцам часто приходилось вести рукопашные схватки. Дважды раненый Белов продолжал руководить боем. Лишь третье, очень тяжелое ранение вывело его из строя.

Наступили сумерки.

Все попытки гитлеровцев сбросить десант в море не увенчались успехом. Отряд сумел удержаться на захваченном плацдарме. Правда, он понес большие потери. Боеприпасы подходили к концу. Питьевой воды не осталось даже для раненых. Предпринятая переброска всего необходимого на самолетах себя не оправдала. Ящики разбивались о каменистый берег, мешки лопались, и их содержимое разлеталось в разные стороны. На помощь с моря надежды не было вовсе. Свирепый шторм не позволял приблизиться к берегу.

...Пройдут годы, и о мужестве советских воинов, сражавшихся на этих рубежах, будут слагаться легенды... Но тогда мы даже не подозревали о важности своей роли в боевых событиях Великой Отечественной войны. Люди думали лишь о том, как выстоять, как удержать плацдарм. Об этом и только об этом заботились все - от командира до рядового.

Каждый готовился к новому трудному дню - 5 февраля. Командование

распорядилось:

"Стрельбу из автоматического оружия вести только по ясно видимым целям и только одиночными выстрелами.

Каждому бойцу вооружиться трофейным оружием и пользоваться боеприпасами, захваченными у противника в первый день боя.

Гранаты бросать лишь в исключительных случаях - только по большим группам врага.

Беречь продукты питания, суточную норму уменьшить втрое".

Цезарь Львович Куников пробирался от одной группы десантников к другой, беседовал с людьми.

Патронов у нас, скажем прямо, маловато, - почти везде говорил он. - Что ж, добудем их в бою. Нет продовольствия? Тоже не такая уж большая беда. Захватим его у немцев.

- А как же "музейный экспонат"? - не удержался от вопроса Павел Потеря. Без патронов из него немца не зашибешь.

Он с любовью погладил измятый кожаный свой знаменитый "максима".

- Возьмите трофейный автомат, - посоветовал майор. - А пулемет пока закопайте в землю... До лучших времен, разумеется.

Скрепя сердце, Павел Потеря выполнил это вынужденное распоряжение. Что поделаешь? Каждый патрон стал на вес золота. Да что там золото! Выстрел измерялся ценой жизни.

Настало утро 5 февраля.

К этому времени неприятель успел сосредоточить перед нашими позициями большое количество танков, самоходных орудий, артиллерии и минометов. Из Новороссийска в спешном порядке продолжали подходить подкрепления.

Вдали в утреннее небо взвились две ракеты. И сейчас же раскатисто ударила гитлеровская артиллерия. В воздухе появились самолеты с крестами на острых плоскостях. Они сбрасывали на нас бомбы, с бреющего полета "прочесывали" позиции десантников частыми струями пулеметно-пушечных очередей.

Только за первый час огневого налета противник выпустил более полутора тысяч снарядов и мин различного калибра, сбросил несколько сот авиационных бомб.

Станичка превратилась в груды дымящихся развалин.

Сквозь завесу едкого дыма мы увидели передовые цепи атакующих. Они продвигались вслед за танками и самоходными установками. Все происходило в полном безмолвии. Но вот ударила наша артиллерия, подал голос "трофейный дивизион", застрочили (тоже трофейные) ручные и станковые пулеметы. В

наступающие цепи неприятеля полетели гранаты.

- Немцы могут пройти только через наши трупы! - послышался звонкий голос.

Из уст в уста передавалась эта фраза.

Бой рокотал, приобретая все больший накал.

Там, где становилось невыносимо трудно, появлялся Куников.

- Держитесь, ребята! - подбадривал он бойцов. - Мы сражаемся за Родину! Нам отступать нельзя. Помните девиз защитников Москвы - ни шагу назад!

Наша штурмовая авиация, возглавляемая Героем Советского Союза майором Ефремовым, поддерживала десантников, нанося бомбовые удары по неприятельским боевым порядкам.

В небольшой воронке от авиабомбы наскоро устроился прибывший вместе с нами артиллерийский корректировщик лейтенант Николай Воронин. Он по радио направлял огонь береговых орудий на самые напряженные участки. Несколько часов немцы вели непрерывные атаки. На наши позиции летели тысячи снарядов, мин и авиационных бомб. Смерч огня и раскаленной стали бушевал над небольшим клочком земли, захваченной и стойко удерживаемой черноморцами.

И вдруг наступило затишье. Мы недоумевали - в чем дело?

Оказывается, гитлеровцы в это время устанавливали вдоль переднего края репродукторы. Прошло двадцать минут, и из них на ломаном русском языке послышались слова нелепого обращения к личному составу отряда. Желая облечь абсурд в тогу здравого смысла, вражеские пропагандисты начали с того, что отдали должное мужеству и отваге русских моряков... "Но дальнейшее сопротивление бессмысленно, - хрипели репродукторы. - У вас нет патронов, нет воды и пищи... Что станет с вами и вашими ранеными братьями? Одумайтесь! Дальнейшее сопротивление все равно не имеет смысла".

Далее диктор вещал о том, что немецкое командование, дабы избежать напрасных жертв с обеих сторон, предлагает морякам сложить оружие и в обмен на это гарантирует им жизнь. На обдумывание нам предоставлялось десять минут. Сигнал согласия - белый флаг.

- Если вы проявите ненужное упрямство, - захлебывались репродукторы, немецкое командование распорядится одним ударом сбросить вас в море и растоптать. Тогда пощады пусть не ждет никто.

Снова воцарилась тишина.

Минута, вторая, третья... Вот со стороны, где лежали наши раненые, сначала очень тихо, потом все громче и громче, зазвучала знакомая всем песня о Севастополе:

И если, товарищ, нам здесь умирать,

Умрем же в бою, как герои.

Ни шагу назад нам нельзя отступать.

Пусть нас в эту землю зарюют.

Песня крепчала, набирала силу и могучим многоголосым эхом повторялась над боевыми позициями советских десантников. Не успели смолкнуть ее слова, как окрестности огласились гулом снарядных разрывов. Взревели моторы немецких танков. Начался новый, еще более мощный штурм. Однако и на этот раз врагу не удалось сокрушить черноморцев.

Краснофлотец Ювеналий Серов в период нового натиска гитлеровцев оказался в окружении. Рядом с ним находились три раненых товарища. Серов отстреливался из пулемета, поворачивая его ствол то в одну, то в другую сторону. Совсем близко разорвалась граната. Пулемет вышел из строя. Краснофлотец получил серьезное ранение в правую руку.

- Врешь, не возьмешь! - выкрикнул Серов и подполз к ящику с трофейными гранатами.

С трудом откинул скрепившуюся присохшей краской крышку. Нашупал длинную деревянную ручку. В ее торцевом отверстии виднелся тугий узелок окончания взрывного шнура. Перед броском его надо выдернуть, как учили на занятиях перед высадкой. Раненый боец стал левой рукой метать гранаты в наседавших врагов. Взрывные шнуры вырывал зубами. До прихода подкрепления он удерживал дом и спас раненых товарищей.

На митинге, проведенном перед самой отправкой десанта, коммунист Александр Ширшов горячо поддержал предложение товарищей агитировать в бою не только словом, но и делом. За два дня неравной схватки с противником он лично уничтожил двенадцать вражеских солдат и офицеров. Трижды был ранен, но не покинул поля боя.

Один из наших лучших агитаторов, любимец всего отряда одессит Владимир Сморжевский потерял счет истребленным гитлеровцам. После каждого удачного выстрела, когда вражеский солдат или офицер падал, сраженный его пулей, никогда не унывающий Сморжевский произносил:

- Пардон... Кто следующий?

"Следующий" не заставлял себя долго ждать. Сморжевский разил и разил их наповал.

Вечером 5 февраля Ц. Л. Куников в письме, адресованном командиру Новороссийской военно-морской базы Г. Н. Холостякову, писал: "Старший краснофлотец товарищ Сморжевский истребил лично за два дня боев 27 фашистов, из них - четырех офицеров. Уничтожил пулеметный расчет. Он просит передать вам трофейный пистолет, взятый им сегодня в бою".

В этот же день бессмертный подвиг совершил коммунист Михаил

Корницкий. Во время уличных боев в Станичке группа десантников оказалась отрезанной от основных подразделений отряда. Гитлеровцы бросили в бой три танка, один из которых Корницкий тут же подбил. Два других повернули назад. Вражеская пуля задела смельчака. Кольцо окружения сжималось. Боезапас подходил к концу:

- Надо идти на прорыв, - решили моряки.

Легко сказать... Попробуй пробиться, когда единственный проход накрепко блокирован.

- Прощайте, товарищи! - поднялся Корницкий. - Я проложу вам путь из окружения.

Обвязав себя гранатами, он, преодолевая боль, вскарабкался на стену и прыгнул с нее на ошеломленных появлением окровавленного, моряка немецких пехотинцев. Гранатный взрыв смешался с воплями ужаса. Многие гитлеровцы упали, сраженные осколками. Воспользовавшись моментом, десантники устремились вперед и вырвались из кольца окружения.

В эту ночь мы получили солидное подкрепление, на плацдарм высадилась 255-я бригада морской пехоты. На рассвете 6 февраля немецкое командование подбросило на линию огня новые подразделения пехоты. Атаки последовали со все возрастающей силой. На десантников шли танки и самоходные установки. Били и били орудия и минометы. Над плацдармом непрерывно висели вражеские бомбардировщики. На отдельных участках противнику удалось вклиниться в боевые порядки наших подразделений. Моряки молниеносно переходили к рукопашным схваткам, и враг не выдерживал - откатывался назад. Так продолжалось до конца дня.

Через двое суток тут высадилась и 83-я бригада. Вновь прибывшие с ходу заняли оборону и вскоре, начав наступательные операции, значительно расширили плацдарм. Они, как никто, понимали и могли по достоинству оценить беспредельное мужество бойцов отряда, которые трое суток вели неравную схватку с немецко-фашистскими войсками.

"Краснофлотцы и командиры отряда майора Куникова! - писал личный состав бригады морской пехоты полковника Потапова. - Мы, краснофлотцы и командиры 255-й бригады морской пехоты, восхищены вашим мужественным сражением с фашистскими оккупантами.

Вы обеспечили плацдарм для высадки десанта морской пехоты. Мы выражаем вам чувство великой братской благодарности...

Братья, мы пришли вам на помощь и клянемся, что начатое вами дело освобождения города Новороссийска доведем до конца. В ближайшее время город снова будет советским!

Да здравствует свободолюбивый советский народ!

Да здравствует Коммунистическая партия!

Да здравствует наша великая Родина!"

На предыдущих страницах рассказано лишь о немногих эпизодах боев, в которых проявились лучшие духовные качества воинов, возглавляемых майором Куниковым. Список подлинных героев можно продолжить. Это командиры: Антон Бахмач, Григорий Слепов, Николай Тетеревенко, Иван Жерновой, Иван Ежель, Игнатий Потапов, Николай Воронкин, Владимир Катещенков, Алексей Лукашов, Иван Гребенщиков, Алексей Рыбнев; старшины и рядовые: Сергей Колот, Николай Алешичев, Владимир Вартанов, Петр Головкин, Владимир Егоров, Алексей Левин, Капитон Плакунов, Отарий Джайяни, Георгий Волков, Иван Диденко, Александр Красюк, Виктор Климов, Михаил Ляшенко, Владимир Новожилов, Петр Смирновский, Иван Чугуевец, Василий Толстых, Степан Ткаченко, Дмитрий Хохлов, Василий Чернов, Алексей Шутов, Дмитрий Яицкий, Иван Макаренко и многие, многие другие. В тяжелые дни испытаний на самых опасных участках находились наши медицинские сестры Нина Марухно, Зинаида Романова, Лидия Верещагина, Надежда Лихацкая, Галина Воронина, Ольга Жерновая, Мария Виноградова, Любовь Щетинина. Они не только оказывали раненым необходимую помощь и выносили их под огнем с поля боя, но и, когда требовала обстановка, сами становились в ряды сражавшихся и с оружием отбивали бесчисленные атаки врага.

Мне довелось стать очевидцем незабываемого случая, который произошел в полдень 6 февраля. Под огнем неприятеля мы с Куниковым достигли участка наиболее ожесточенных вражеских атак. Десантники вели меткую стрельбу из автоматов, конечно, одиночными выстрелами. Метали гранаты. Поражало, что по соседству царило относительное затишье.

- Странно, - с удивлением проговорил майор Куников, - почему они не стреляют? Да, да... Почему? Взгляните, немцы идут на них в атаку!

Действительно, около взвода гитлеровцев шло на позиции черноморцев. Мы с Цезарем Львовичем стремглав кинулись на этот рубеж.

- Почему не открываете огонь? - резко спросил Куников у оказавшегося поблизости краснофлотца Матвеева.

Тот молчал.

- Я спрашиваю, почему?

Немецкая цепь между тем приближалась.

Не теряя времени, я схватил лежавшие подле Матвеева трофейные гранаты и начал их метать а надвигавшуюся лавину неприятельских боевых порядков. Потом лег за сиротливо стоявший трофейный пулемет и открыл огонь.

- Так в чем же дело? - снова спросил майор, когда опасность миновала.

- Не изучали, - с сожалением ответил Матвеев, указывая на отбитое у

немцев оружие.

Оказывается, он и его товарищи прибыли к нам с пополнением в последний момент и еще не успели овладеть трофейным оружием, которое в отряде изучалось до тонкостей.

- Вот товарищ комиссар киданул фрицевские гранаты, и все вышло, как полагается. А я, - краснофлотец указал на несколько ящиков этих гранат, - две штуки бросил, а они, проклятые, не взорвались.

Мы с майором Куниковым наскоро объяснили молодым десантникам, как обращаться с гранатами и пулеметом врага. Об этом случае решили до поры до времени умолчать. О чем говорить-то? Позор на все Черноморье! Только забыть о случившемся не удалось. И напомнил мне случай с трофейным оружием сам краснофлотец Матвеев. Произошло это много позднее, когда наш батальон вышел из боя и готовился к новой десантной операции.

- Разрешите мне, товарищ комиссар, выступить перед пополнением и рассказать о своем позоре? - обратился ко мне Матвеев. - Пусть знают и учатся на ошибках, за которые в бою приходится платить самой дорогой ценой.

- Не стыдно будет?

- Еще и как, - сознался краснофлотец. - Только молчать не тоже... Так разрешите побеседовать с ребятами?

- Возразить трудно. Разрешаю.

Такая беседа состоялась. Она здорово помогла командованию в деле совершенствования воинской выучки бойцов, как нельзя лучше подтвердила небезызвестное солдатское правило: "Тяжело в ученье - легко в бою". Сам Матвеев в последующих десантных операциях неоднократно проявлял высокое боевое мастерство, инициативу и исключительную находчивость.

Да, все это произошло позднее... Сейчас же земля содрогалась и стонала от частых взрывов. Фонтаны огня и земли поднимались над примитивными окопчиками и укрытиями, в которых засели наши десантники. В такой обстановке, казалось, не существует да и не может существовать никакой возможности для проведения политико-массовой работы. Каждое отделение, почти каждый боец по сути дела были предоставлены самим себе. Тем не менее наши политруки нашли новые формы и методы постоянного общения с людьми, сумели наладить регулярную целеустремленную воспитательную деятельность. В отряде стал выходить машинописный листок, озаглавленный "В последний час". Он передавался из рук в руки, и личный состав узнавал из листка основные материалы Совинформбюро, знакомился с наиболее яркими примерами героизма наших бойцов и командиров. Агитаторы в отделениях широко использовали листки "В последний час" в своих беседах. Появления каждого листка краснофлотцы ожидали с нетерпением и понятным интересом. В случае

задержки волновались, запрашивали по цепи, почему к ним до сих пор не пришел этот листок.

У меня сохранился пожелтевший от времени, зачитанный буквально до дыр листок "В последний час" от 5 февраля 1943 года. Вот его текст:

"В последний час

По Советскому Союзу

Наши войска заняли: Красный Лиман, Купянск, Куцевскую, перерезали железную дорогу Орел - Курск.

События в отряде

Группа бойцов под командованием лейтенанта Пшеченко в стремительном броске захватила пушку противника и из нее успешно громит фашистов.

Краснофлотец Степанов из боевой группы младшего лейтенанта Пахомова гранатой подавил пулеметную точку врага и из автомата уничтожил пять фашистов.

Член партии Олег Любченко из 5-й боевой группы проник с тремя краснофлотцами в расположение врага и незаметно подполз к вражескому оружию. Уничтожив расчет, бойцы захватили оружие и два пулемета. Повернув пушку и пулеметы в сторону врага, храбрые моряки открыли губительный огонь по гитлеровцам.

Из трофейного оружия Любченко и три его боевых товарища уничтожили до 100 немецких солдат и офицеров.

Краснофлотцы! Бейте врагов, как их бьет член партии Любченко!"

Но не только листовки являлись средством политической и боевой информации. Ночью, когда огонь немного стихал и немцы вели подготовку к новым атакам на другой день, мы проводили короткие совещания заместителей командиров боевых групп по политической части, секретарей партийных и комсомольских организаций, агитаторов. На этих совещаниях подводились итоги боев, шел обмен опытом политработы, рассматривались боевые характеристики и рекомендации в партию особо отличившихся воинов.

Политико-воспитательная и агитационно-массовая работа велась в подразделениях отряда непрерывно. Она способствовала мобилизации десантников на выполнение самых трудных заданий, помогала воспитанию стойкости и массового героизма. Характерно, что даже самые робкие люди под воздействием окружающей обстановки, видя самоотверженность товарищей по оружию, становились героями. Читатель вероятно помнит случай, когда в момент построения перед отправкой в десант в строю отряда не оказалось краснофлотца Капустина. Как же сложилась в дальнейшем его военная судьба? Оказывается, Капустин долго упрашивал начальника снабжения Ибрагимова отправить его в боевые порядки десанта. Вечерами он подолгу стоял на пирсе,

прислушиваясь к отдаленному гулу артиллерийской канонады, с болью в сердце смотрел на полыхающее зарево над невидимым клочком земли, на котором геройски сражались такие же простые, как и он, парни.

- Отпустите, товарищ старшина, - снова и снова повторял Капустин. Честное слово, оправдаю доверие.

- Не торопись. Подумай.

- Думал, очень много думал... Стыдно мне. Скажите, чем я хуже других?

- Выходит, хуже - безжалостно резюмировал Ибрагимов, втайне с любопытством наблюдая чудесное превращение, происшедшее в натуре Капустина, - Был бы не хуже, не отирался бы по тылам.

Штурмить стало несколько меньше, и Ибрагимов готовил к отправке катера с продовольствием и боезапасом для находящихся в непрерывном бою подразделений нашего отряда. Среди прочего груза оказалась небольшая посылка, адресованная Куникову и мне. Догадываюсь, что ее нарочно "сообразил" догадливый начальник снабжения, чтобы иметь повод для развязки порядком надоевшей ему истории с краснофлотцем Капустиным. Ему-то старшина и вручил эту самую посылку.

- Передашь лично майору, - распорядился он. - Марш на катер! Да смотри мне...

Не чувствуя от радости под собой ног, краснофлотец кинулся выполнять распоряжение.

И вот Капустин в нашем блиндаже.

- Старый знакомый, - узнал его Куников. - Ваша фамилия, насколько я помню...

- Капустин, - опередил Цезаря Львовича краснофлотец и тише добавил: Только пусть у вас, товарищ майор, таких непутевых знакомых будет поменьше. Куников похлопал Капустина по плечу.

- Ничего, у вас еще все впереди. Пусть случившееся станет горьким уроком.

- На всю жизнь, - сурово проговорил краснофлотец. - Разрешите, товарищ майор, остаться в отряде?

- Разрешаю. Да, боевая обстановка, пример товарищей изменяют многое, вырабатывают в характерах людей новые, просто-таки замечательные качества, свойственные воинам сильным духом, волевым, беззаветно храбрым.

В период сражения за Новороссийск мы невольно становились свидетелями самых, казалось бы, невероятных историй. Одна из них запомнилась особенно ярко. Тем более, что и сегодня эта история имеет свое продолжение. О ней вспоминают все наши (теперь уже бывшие) десантники, которым доводится бывать в Новороссийске, заходить в дом No 62 по улице

Советов. Здесь куниковцев принимают особенно радушно, угощают всем, что есть в запасе и в соседних магазинах. Хозяйка Марфа Антоновна от всей души потчует дорогих гостей.

- Ешьте, ешьте на здоровье, спасители вы мои, - обычно воркует она, стараясь скрыть волнение и невольные слезы.

Еще в те времена, когда наш отряд ходил на задания во вражеский тыл, многие слышали, что у старшины Николая Алешичева где-то в Новороссийске осталась жена Марфа с сыном и дочуркой. Но где, сам Алешичев толком не знал.

...Настала памятная ночь с 3 на 4 февраля. Краснофлотцы занимали дом за домом в предместье Новороссийска. Вместе со всеми отважно дрался старшина Николай Алешичев. Во главе небольшой группы краснофлотцев он проник на улицу Азовскую. С чердачного окна третьего от перекрестка дома полоснула пулеметная очередь. Алешичев ловко метнул туда гранату. Пулемет смолк. Вторую гранату он собрался бросить в подвальное помещение, откуда пробивался слабый свет. Старшина уже поднял руку, размахнулся, но в последний момент задержал бросок и крикнул:

- А ну, фашистские гады, вылезайте добром! Конец вам!

Секунду длилось молчание, и вот до слуха бойцов донесся дрожащий женский голос:

- Коля! Родненький наш... Это мы. Понимаешь, мы.

От изумления Алешичев так и застыл с гранатой в вытянутой руке. Потом метко бросил ее в соседний двор, откуда слышались короткие очереди немецких автоматов, и прыгнул в подвал.

Вскоре краснофлотцы, соблюдая максимальную предосторожность, переводили от дома к дому семью боевого старшины. Несколько раз отбивали нападение гитлеровских солдат и снова продолжали свой путь к тылам отряда.

Марфа Антоновна несколько дней ухаживала за ранеными воинами боевой группы Тарановского. При первой возможности ее и детишек отправили на Большую землю.

А события разгорались. На плацдарме появились части нашей 18-й армии. Мы получили мощную поддержку танков и полевой артиллерии.

10 февраля отряд получил приказ отойти с переднего края и взять на себя охрану побережья. Тут мы принимали корабли с боевой техникой, боеприпасами и продовольствием, встречали, прибывающие на плацдарм армейские части, занимались эвакуацией раненых на Большую землю. Отдельные группы отряда продолжали участие в сражении в качестве штурмовых групп в боевых порядках армейских частей

В этот же день Цезарь Львович Куников был назначен старшим морским начальником в Станичке. Командный пункт нашего отряда перешел сначала в

поселок Алексино, а затем на Мысхако.

В связи с большим потоком кораблей, идущих с Большой земли, пришлось заняться оборудованием новых причалов на Суджукской косе для выгрузки танков и артиллерии. Стройку вели по ночам. Краснофлотцы работали до изнеможения, держа постоянно под рукой готовое к бою оружие.

Как-то в одну из таких ночей мы с Цезарем Львовичем присели отдохнуть. Незаметно разговорились. Вспомнили доброе мирное время... Потом, конечно, друзей, павших в битвах с врагом.

- Завтра же утром надо представить к наградам всех отличившихся в боях на Малой земле, - заметил Куников. - Это, Коля, наш командирский долг перед людьми, которые верили нам, шли за нами в полном смысле слова в огонь и в воду. Я искоса взглянул на его грудь. Из-под распахнувшегося ватника выглядывал серебряный диск медали.

- Что смотришь? - перехватил мой взгляд Цезарь Львович. - Эта награда мне тем и дорога, что она у меня одна-единственная.

Я знал, что медаль "За трудовое отличие" Куников получил незадолго до войны.

- Молчи, - словно угадал, о чем я хочу заговорить, Цезарь Львович. - В бою для нас самая высокая награда - доверие личного состава. И какое доверие! Ты видел того же Потерю или, скажем, Кириллова в бою? Орлы! Выполняют любой приказ. А почему? Верят своим командирам. Это, брат, ценить надо. Вот и давай, не откладывая на потом, по достоинству отметим наградами наших героев. Когда матрос видит, что о нем помнят, его награждают, он во сто крат опасней для врага.

- Жаль, не могу сделать представления к награде на майора Куникова, - с сожалением сказал я в ответ на его тираду. - А его бы...

- Брось. Сейчас не об этом думать надо... Да, может, и не стоит.

Я снова и снова поражался скромности этого человека. Не привык Цезарь Львович жить для себя. Все у него для людей, во имя общего дела.

Куников задумался. Потом с приглушенным вздохом проговорил:

- После всего, что мы видели и испытали, ужасно жить хочется. Представь себе, раньше об этом как-то никогда не думал.

- Долго ли еще нам жить осталось? - иронически отозвался я, хотя самому в этот момент хотелось того же, что и командиру.

- Как знать... Может, и долго. Ну, да об этом у нас еще найдется время потолковать. Помолчали.

- Будь жив и здоров, - легонько толкнул меня в грудь Цезарь Львович. Пора за дело браться. Завтра увидимся. И не забудь - прямо с утра готовь наградные листы.

Он встал и направился к причалам, принимать подходившие корабли с танками. Я, как мы договорились, должен был идти на рыбозавод, чтобы проследить за эвакуацией раненых.

- Смотри будь осторожен, - обернулся на прощанье майор. - До скорой встречи!

Кто мог знать, какой будет эта самая скорая встреча?

11 февраля в 4 часа утра, когда отчалили последние корабли с ранеными, ко мне подбежал запыхавшийся связной Куникова краснофлотец Дмитрий Гапонов.

- Беда! - выпалил он. - Майор тяжело ранен.

- Когда? Как?

Он стал сбивчиво объяснять.

Все произошло часа три тому назад, Противник открыл сильный артиллерийский огонь по Суджукской косе. Снаряды стали рваться на минном поле, вызывая детонационные взрывы наземных мин. Раскаленный осколок скопил Цезаря Львовича. Его отнесли на командный пункт.

Здесь я и застал майора Куникова. Он с трудом приоткрыл глаза, сделал попытку пошевелиться, но не смог.

- Плохи мои дела, Коля, - еле слышно прошептал он. - Глупо... Как невероятно глупо и нелепо все получилось.

Вызванный с Большой земли катер долго не мог подойти к причалу. Прямо по нему неистово палили вражеские артиллеристы. Чтобы не терять драгоценного времени, мы положили раненого командира в резиновую шлюпку и погнали ее в море навстречу судну.

Цезаря Львовича увезли.

В минуты радиосвязи с Большой землей мы все время запрашивали о здоровье майора. Все десантники знали: ему сделали операцию, состояние очень тяжелое.

12 февраля майор Цезарь Львович Куников скончался.

Скорбная весть мигом облетела подразделения нашего отряда. Суровы и решительны были лица командиров и краснофлотцев. Немногословно, как и подобает мужественным людям, они клялись памятью любимого командира еще решительней громить гитлеровских захватчиков, принесших на нашу родную землю смерть и разрушение.

Торпедный катер доставил меня на берег, с которого мы вместе с Цезарем Львовичем вышли в его последний боевой рейд.

Многолюдным был траурный митинг. Красноармейцы и краснофлотцы, тысячи местных жителей прощались с прославленным героем Малой земли.

В толпе провожавших майора в последний путь находился и старшина 1

статьи Евгений Сущенко. Под впечатлением виденного и слышанного он вскоре написал песню о Цезаре Куникове. Ее пели не только у нас. В этой песне все было, как в яркой боевой жизни отважного майора:

Море за кормою яростно ревет,
Катера с десантом держат курс вперед.
Ночью над Мысхако шел девятый вал,
Куников с отрядом берег штурмовал.

Мы прощались с человеком, который жил не для себя и погиб за свой народ.

Офицер штаба нес на маленькой подушечке одну-единственную награду павшего на боевом посту воина - мирную медаль "За трудовое отличие".

Я взглянул на нее и вспомнил наш последний разговор. Стало до боли обидно за товарища и командира. Ведь он заслужил большего. И представляли ведь к наградам. Быть может, даже наградили, но в силу нелепой случайности майор Куников так никогда и не прикреплял к гимнастерке своих боевых наград.

Когда Георгий Никитич Холостяков предоставил мне слово, я почувствовал у горла тугой комок. Спазма мешала промолвить даже слово. Невероятным усилием воли заставил себя что-то сказать - несколько слов... Слезы, слезы, которых я у себя не помнил с детства, потекли по щекам. Я умолк.

Молчали и тысячи присутствовавших на митинге людей.

А слезы текли и текли. Я не стыдился их.

- Крепись, комиссар! - послышался над самым ухом голос Холостякова.
Крепись!

Дальнейшее происходило словно в тумане.

Выступления. Клятвы. Слезы.

За период боев с 4 февраля по 27 марта 1943 года личный состав отряда уничтожил более 2000 солдат и офицеров противника, несколько танков и артиллерийских орудий, большое количество различной военной техники и средств связи.

Мы узнали, что майор Цезарь Львович Куников удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Вместе с ним это звание было присвоено младшему сержанту Михаилу Корницкому. Сотни отличившихся в боях на Малой земле командиров и краснофлотцев отмечены орденами и медалями Советского Союза.

Ныне Станичка называется поселком Куников-кой. Одна из ее улиц носит имя Михаила Корницкого.

Герои не умирают

Развивая наступление, начатое осенью 1942 года, части Красной Армии

полностью очистили от противника многие районы Кубани, Северного Кавказа и к концу февраля 1943 года вышли на рубежи Лиман - Курганская, Небережаевская Новороссийск и вплотную приблизились к полноводной Кубани. Тут гитлеровцы заблаговременно создали сильно укрепленные позиции, именуемые "голубой линией", у которой обе стороны вынуждены были перейти к долговременной обороне. Приостановилось и наступление, начатое в феврале 1943 года нашим десантом в районе Станички под Новороссийском. Дальнейшие фронтальные атаки советских войск успеха иметь не могли. Следовало коренным образом изменить тактику проведения боевых операций. Тогда советское командование стало готовить комбинированный удар восточной группы войск 18-й армии из района цементного завода, западной группы войск этой же армии из района Мысхако и морского десанта, которому предстояло высадиться непосредственно в Новороссийском порту и ликвидировать наиболее важный опорный пункт "голубой линии" противника на Таманском полуострове, а затем овладеть городом.

Нелегкая задача стояла перед десантом. Противник превратил окрестности Новороссийска и подходы к порту в мощный узел обороны с широко развитой системой дотов и дзотов, проволочных заграждений, минных полей и других серьезных препятствий.

Каждый дом в городе стал опорным пунктом, оснащенным довольно сильными огневыми средствами. Все побережье, восточный и западный молы, пристани и фарватер бухты неприятель густо заминировал. Вход в порт - ворота между молами - закрывали бонно-тросовые заграждения и держали под постоянным прицелом многочисленные пулеметные и артиллерийские точки.

Разведка донесла, что оборону Новороссийска осуществляют две немецкие армейские дивизии, два отряда морской пехоты и несколько специальных портовых подразделений, вооруженных по последнему слову тогдашней техники.

Первый штурмовой удар наших войск возлагался на 393-й отдельный батальон морской пехоты, которым в свое время командовал легендарный майор Цезарь Львович Куников. Батальон возглавил капитан-лейтенант Василий Андреевич Ботылев. Начальником штаба у него был капитан Преучель, а я - заместителем командира батальона по политической части.

Снова началась напряженная боевая учеба. Посадки на катера. Высадки на берег. Отработка действий штурмующих и блокирующих групп. Ночные переходы. Стрельбы... В каждом подразделении бывалые воины передавали свой опыт новичкам.

Особенно тщательно производилась расстановка личного состава, партийного и комсомольского актива в подразделениях батальона. В списки

каждого отделения включались десантники, побывавшие в боях на подступах к Новороссийску. Кто-кто, а они отлично знали местные условия и могли стать незаменимыми проводниками.

В последних числах августа 1943 года меня вызвали к начальнику политотдела Новороссийской военно-морской базы капитану 1 ранга Бакаеву.

Как водится, доложил о прибытии.

- Собственно, вызывал не я, - сказал Бакаев и обратился к находившемуся в кабинете полковнику в армейской форме: - Это и есть тот самый капитан Старшинов, о котором шла речь.

- А, первый комиссар Малой земли, - шагнул мне навстречу полковник. Давайте знакомиться. Моя фамилия Брежнев.

Он предложил мне сесть.

- Вам, очевидно, известно, что в Новороссийском десанте будут участвовать и наши армейские части. Так вот, есть просьба выделить двадцать-двадцать пять хороших ребят. Пусть они побеседуют с пехотинцами, обучат их, как надо вести себя при высадке, как вести бой в новых для них условиях. Надеюсь, такие люди у вас есть?

- Еще бы! - ответил за меня Бакаев. - В этом батальоне, Леонид Ильич, плохого человека найти трудно.

- И не найдете, - вставил я.

- Вот видите, - заметил полковник Брежнев. - Я так и знал. Поэтому и приехал за помощью.

Будучи начальником политотдела 18-й десантной армии, он сейчас прилагал все усилия к тому, чтобы как можно лучше осуществить подготовку, в которой, как известно, всегда заложено начало будущего успеха.

После этой беседы в политотделе мы выделили для обучения армейцев самых отважных, проявивших себя в схватках с врагом бойцов.

Параллельно готовили к операции и воинов своих подразделений. Готовили тщательно, с настойчивостью, унаследованной от майора Куникова.

В канун высадки бойцы стали подавать заявления о приеме в партию. Таких заявлений поступило около двухсот.

Как всегда, большую воспитательную работу проводили агитаторы.

В подразделениях принимались коллективные клятвы на верность Родине. Вот, например, текст клятвы краснофлотцев пулеметной роты:

"Мы, пулеметчики, клянемся тебе, Родина, что боевой приказ командования выполним с честью. Клянемся, что в борьбе с заклятым врагом наши руки - руки черноморцев - не дрогнут. Мы будем бить немецких захватчиков до полного их уничтожения. Клянемся отплатить фашистам за пытки над нашим народом, временно попавшим под иго гитлеровского "нового

порядка". Для освобождения нашей Родины от немецких захватчиков мы не пощадим своей жизни и, если потребуется, капля за каплей отдадим кровь свою за дело победы. Мы не отступим ни на шаг. Путь наш вперед и только вперед!

Да здравствует наша Родина!

Вперед, на разгром врага!"

А вот текст клятвы, которую подписал личный состав роты автоматчиков:

"Мы, автоматчики, идя в бой, клянемся тебе, Родина, что отдадим все свои силы, а если потребуется, и жизнь во имя светлого будущего своей Отчизны. Клянемся драться смело, без страха.

Мы, черноморцы, выполним свой долг с честью!

Смерть фашистам!"

Подготовка к десанту шла полным ходом. Но лишь ограниченный круг командиров и политработников знал координаты предстоящих боевых действий. В целях конспирации всех оповестили, что высадка якобы произойдет в районе Южной Озерейки. Больше того, об этом сумели "известить" противника - пусть готовится к встрече. Командование между тем детально разрабатывало план внезапного нападения на Новороссийск с моря. Предусмотрели даже способы маскировки шума судовых моторов. Для этой цели в период подхода к порту над Новороссийском должны непрерывно курсировать наши самолеты. За 15 минут до высадки десанта начнется артиллерийско-авиационная обработка переднего края обороны противника с последующим перенесением огневого вала в глубь территории, занятой гитлеровцами. Одновременно с открытием огня торпедные катера обрушивают взрывные удары на молы и пробивают в них проходы для кораблей, а специальная группа катеров уничтожает бонно-тросовые заграждения и торпедирует побережье бухты. В момент высадки перейдут в наступление части 18-й армии. Таким образом, на врага всюду обрушатся удары страшной силы.

Каждая позиция плана этой операции была разработана учетом специфики возможных действий на том или ином конкретном участке предстоящего сражения. В десант шли 255-я бригада, 393-й отдельный батальон морской пехоты, 290-й пограничный полк, 1339-й стрелковый полк. Их высадку и поддержку надлежало осуществить более 140 кораблям разных классов. Намечалось одновременно ударить сотнями артиллерийских стволов. Прикрытие с воздуха и бомбежку вражеских позиций обеспечивали крупные соединения истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации.

Все шло по заранее намеченному плану. Как только специально выделенные катера проделали проходы в бонно-тросовых заграждениях, в порт ворвались торпедные катера и началась высадка наших войск на молы и причалы.

Вражеские подразделения встретили черноморцев губительным огнем. Особенно сильные встречные удары обрушились на первый и второй отряды. Третий, высадившийся в районе восточного мола, продвигался сравнительно успешно. Повсюду завязались уличные бои. Десантники проделывали проходы в многочисленных проволочных заграждениях, при помощи противотанковых гранат пробивали коридоры в минных полях.

А катера с десантниками первого эшелона все подходили и подходили. Вот, прорвав завесу плотного артиллерийско-пулеметного огня, к причалу приблизился "морской охотник" со штабной группой нашего батальона. Судно получило тяжелое повреждение и еле-еле держалось на плаву. У самой стенки причала по катеру в упор ударил крупнокалиберный пулемет. Сергей Колот умело метнул гранату, и опасная огневая точка врага перестала существовать.

Действия 393-го отдельного батальона морской пехоты постепенно сосредоточились на подступах к железнодорожному вокзалу и находящемуся неподалеку от него клубному зданию. Отдельные группы вели бои на побережье Цемесской бухты. Вскоре вокзал, клуб, элеватор, товарная станция и ряд других пунктов оказались в руках десантников. Они устремились к трехэтажному зданию, в котором ранее размещалось управление Новороссийского порта. Немцы превратили его в настоящую крепость: заложили камнем все окна со стороны бухты, оставив лишь амбразуры для стрельбы из пулеметов и винтовок. На черноморцев отсюда рванулся смерч раскаленного металла, и они, потеряв несколько товарищей, вынуждены были отойти под прикрытие стен клуба, только что отбитого у врага. Здесь разместился наш штаб, радиостанция санитарная часть, в которую уже начали поступать раненые. Лишь за первую ночь штурма Новороссийска их число превысило девяносто человек.

Захватили "языка". От него узнали, что в здании управления порта, охраняемом сильными огневыми средствами, находится штаб подразделения немецкой морской пехоты.

- Парадокс военного времени, - рассмеялся командир батальона Василий Ботылев. - Два штаба враждующих сторон обосновались почти рядом. Притом, заметьте, оба принадлежат к морской пехоте. Что ж, посмотрим, чья морская пехота возьмет верх. Впрочем, это заранее известно.

В ожидании подхода второго эшелона десантных войск мы перешли к обороне. Это оказалось тем более своевременным, что противник начал атаковать наши позиции, пустив в ход танки и крупные пехотные подразделения.

Ботылев деловито взвесил обстановку:

- На нас идут тринадцать танков и до тысячи солдат. Если собрать вместе все наши силы, включая девушек-санитарок, то мы наберем едва ли сорок человек, - он горько усмехнулся, - и ни единого танка. Но отступать мы не имеем

права. Тут девяносто наших товарищей, раненых в бою. Мы их ни за что не оставим на растерзание врагу.

Командир батальона громко крикнул:

- Всем, кто способен держать оружие, занять огневые позиции. Будем драться!

Возле каждого окна первого этажа поставили по одному автоматчику. Большими силами мы не располагали. Я вооружился единственным имевшимся у нас противотанковым ружьем и вместе с Василием Ботылевым поднялся на второй этаж. Выбрав удобную позицию у маленького окна какого-то подсобного помещения, зарядил ружье. Не успел еще изготавиться к выстрелу по головному танку, как страшный грохот ворвался в комнату. Снаряд разворотил стену и тяжело ухнул в дальнем углу. Едкая пыль набилась в рот, уши. Что-то трещало, рушилось. Пол вздрогнул, покачнулся, и мы с Ботылевым оказались на первом этаже.

Со всех сторон к клубу подкрадывались немецкие автоматчики. Наши бойцы стреляли расчетливо, только наверняка - сэкономили патроны.

Первую атаку отбили. За ней последовали вторая, третья. С каждым новым броском противника наше положение усложнялось. Порой даже не верилось, что удастся выстоять. Но люди стояли! Если кто-либо падал от раны, то все равно, лежа, продолжал вести огонь по врагу.

- Стоять по-севастопольски! - ободрил я старшину 1 статьи Сергея Колота, занимая позицию у соседнего окна.

Колот вместо ответа сделал одиночный выстрел из своего автомата, и немецкий унтер-офицер, поднявший было для броска гранату, рухнул замертво у стены. Неброшенная граната взорвалась, сразив добрый десяток солдат в серо-зеленых шинелях.

Я мельком взглянул на корреспондента газеты "Красный флот" Николая Добушева. Он пошел в десант, чтобы дать самую оперативную корреспонденцию о штурме Новороссийска. Признаюсь, не понравилось мне тогда его прибытие в наш батальон. Отвечай за него, "писаку"... Теперь я мысленно стыдился своей первоначальной неприязни к Добушеву. Ох, как нелегок фронтовой хлеб корреспондента. Мы, если, конечно, уцелеем, повоюем - и на отдых. А ему предстоит новая командировка и снова на самый напряженный участок боевых действий. На этот раз Добушев был без записной книжки. С автоматом в руках он вместе с майором медицинской службы Лаптевым и медсестрой Надеждой Лихацкой несли охрану помещения, в котором лежали раненые. И несли ее так, что ни одному гитлеровцу не удалось приблизиться к окнам даже на расстояние гранатного броска.

Некоторые раненые, могущие передвигаться хотя бы ползком, тоже

переместились к окнам и по мере возможности стреляли в гитлеровцев. Остальные лежали на полу, бессильные чем-либо помочь своим товарищам. Один краснофлотец, у которого были оторваны выше колен обе ноги, дрожащими от слабости руками вставлял патроны в автоматный диск. Он не мог оставаться безучастным к происходящему.

- Воды, воды... - слышались голоса. Раненые просили пить, едва шевеля пересохшими, потрескавшимися губами.

- Воды...

- Да где же ее взять? - чуть не плакала медсестра Надежда Лихацкая. - Где? Корреспондент флотской газеты перетряхивал опустевшие фляги. Бесплезно. Воды давно не осталось ни капли. А раненые стонали:

- Пить... Тогда Николай Добушев решился.

- Надюша, дайте мне кусок марли или хотя бы широкий бинт.

- Для чего? Вы ранены?

- Пока что нет. Хочу открыть производство живительной влаги.

Он посмотрел на выступ обвалившейся стены. Надя проследила за его взглядом и догадалась, что имел в виду решительный журналист. Этажом выше чудом уцелела часть туалетной комнаты. Зацепившись за искореженную арматуру там полувисела металлическая бочка, когда-то предназначавшаяся для воды на случай пожара. До того, как эта часть здания была разрушена, мы видели эту бочку с затхлой густой жижей, которую водой назвать было невозможно. И вот Николай Добушев решил процедить вонючую жижу через бинт, чтобы добыть хоть немного влаги для смачивания губ умирающим бойцам.

Он полез по полуобвалившемуся карнизу. То и дело рискуя сорваться, добрался до бочки. Добытую с таким трудом влагу расходовали по капле и только при крайней нужде.

Майор медицинской службы Петр Иванович Лаптев время от времени откладывал в сторону автомат и оказывал раненым самую неотложную помощь. Но что он мог сделать? Не было ни медикаментов, ни перевязочного материала. И тем не менее он помогал людям. Наш врач привык сохранять самообладание в любой обстановке. Не так давно он даже сумел ампутировать ногу лейтенанту Слепову. И сделал это не в операционной, а прямо на мотоботе, без хирургического инструмента да еще при свежей волне, которая яростно швыряла мотобот из стороны в сторону.

Это случилось, когда мы шли в Геленджик с Малой земли.

Опыт и решимость хирурга спасли жизнь командиру третьей боевой группы отряда Куникова лейтенанту Георгию Слепову.

Теперь майор медицинской службы Лаптев с неменьшим упорством боролся за жизнь каждого раненого бойца. Боролся в прямом смысле слова - с

оружием в руках и своим опытом военного врача.

Один неприятельский танк совсем близко подошел к зданию и бил в упор по нашему укрытию. Положение становилось безнадежным. Это заметил главстаршина Николай Кириллов, занимавший с несколькими краснофлотцами позицию в соседнем доме. Он, не думая о себе, выпрыгнул из окна, сбоку подполз к танку и метнул под его гусеницы две гранаты. Стальная машина завертелась на одном месте и безжизненно застыла с отвернутым в сторону орудием. И еще две вражеских машины вывели из строя отважные моряки.

Особенно отличились в бою с танками противника старшина 1 статьи Коломеец, краснофлотцы Шавлошвили, Грихин, Миронов и Моисеенко.

Примеру командира взвода главстаршины Николая Кириллова следовали все бойцы.

- Товарищ комиссар, - донесся до меня голос Капитона Плакунова, взгляните!

Я пошел на зов и увидел на почерневшей от порохового дыма стене кем-то сделанную надпись: "Здесь сражались куниковцы до 10 сентября".

- Кто, кроме вас, видел написанное? - осведомился я.

Плакунов в недоумении не нашелся, что ответить.

- Не понимаете, в чем дело?

- Не понимаю, товарищ комиссар.

- Не годится такая надпись. Понимать надо.

Кинжалом я соскоблил несколько букв, изменил содержание написанного.

Плакунов вслух прочел: "Здесь сражаются куниковцы за освобождение города".

- Ну, как? - выжидательно посмотрел я на Плакунова.

- Так-то лучше, - расплылся он в довольной улыбке, - точнее. Хотя, тоже вроде бы немножко не так...

Настала моя очередь выразить недоумение.

- Почему же так?

- Какого города, не ясно.

- Нет, братец, это каждый поймет. Ведь улица и дом где находятся?

- В Новороссийске.

- То-то, - торжествующе заключил я. - Придет время, когда и на берлинских стенах писать будем. Одно новое слово появится: вместо "освобождение", "взятие" напишем.

- Скорее бы уже, - мечтательно протянул Плакунов и тут же метнулся к окну напротив.

Мимо окна короткими перебежками проскальзывали немцы. Плакунов приложился и несколько раз подряд выстрелил. После этого возвратился ко мне

и, словно ничего не произошло, закончил фразу:

- Хочется поглядеть, как фрицевская нечисть последний дух испустит.

Несмотря на большие потери, немцы продолжали атаки. Отдельным вражеским солдатам порой удавалось проникнуть в здание клуба. Их уничтожали врукопашную, так как каждый патрон был на счету.

- Стрелять только в том случае, если не можешь дотянуться кинжалом, распорядился вчера командир батальона.

Его распоряжение стало законом.

Осажденные десантники понимали, что еще час-другой такого боя - и в живых не останется ни одного защитника нашей весьма примитивной в фортификационном отношении крепости.

- Пожалуй, выхода нет. Давай вызовем огонь нашей артиллерии на себя, тихо сказал мне Ботылев. - Из двух смертей следует выбирать наиболее почетную.

- Давай, - согласился я. В эфир полетела радиограмма.

Несколько минут все с нетерпением ждали ее результатов.

- Неужели не откроют? - ударил кулаком по футляру передатчика радист. - Да открывайте же, открывайте огонь!

Наконец на мостовой перед клубом разорвался один тяжелый снаряд. Второй упал в непосредственной близости от его воронки. Наступило короткое затишье. Оно резко оборвалось рокочущими ударами частых разрывов. Наши артиллеристы, пристрелявшись и, по всей видимости, выбрав удобную точку корректировки огня, вели беглый обстрел соседних с клубом кварталов, улицы и ближайшего перекрестка. В условиях уличного боя такую предельную точность артиллерийской стрельбы соблюдать трудно, почти невозможно. Однако наводчики орудий сумели выполнить невыполнимое. Лишь три снаряда угодили в здание клуба. Остальные ложились вокруг, образуя непреодолимое кольцо сплошных взрывов.

Вспыхнули еще два танка с крестами на приплюснутых башнях. Остальные попятились под прикрытие стен.

В ночь на 10 сентября к нам прибыл с Большой земли начальник штаба батальона капитан Преучель со взводом разведки. В предыдущую ночь им не удавалось высадиться, и теперь появление в нашей импровизированной крепости такого подкрепления оказалось как нельзя кстати. В нашем распоряжении появились силы, способные при умелом действии нанести ощутимый урон гитлеровцам, засевшим в здании напротив.

Вылазку решили совершить ночью. Краснофлотцы Алексей Громов, Михаил Овчаров и Серафим Труфанов возглавили диверсионную группу. Они получили задание незаметно подкрасться к немецкому штабу и снять часовых.

Потом проникнуть в помещение и действовать в зависимости от обстоятельств. С группой шла отважная разведчица Евгения Хохлова.

Диверсанты отправились в недалекий, но опасный путь.

Часовых сняли умело - без шума. Так же тихо справились с морскими пехотинцами врага, расположившимися на первом этаже. Стали подниматься выше. У лестничной площадки смельчаков обнаружили. Завязалась рукопашная схватка. В ней получили серьезные ранения Труфанов и Осипенко.

Евгения Хохлова переходила из комнаты в комнату. Большинство из них пустовало. Она уже было подумала, что гитлеровцев на этаже больше нет, как лицом к лицу столкнулась с тремя солдатами врага.

Девушка полоснула по ним автоматной очередью. Двое упали. Третий поднял руки. Разведчица шагнула к нему и неожиданно ощутила сильный удар. Натренированный гитлеровец выбил у нее автомат и одним рывком сбил Хохлову с ног. Завязалась жестокая борьба. Женя вцепилась врагу в горло. Тот изловчился и выдернул у нее кинжал. Женя почувствовала резкую боль.

- Жаль... гад, - вырвалось у нее.

Опоздай на секунду краснофлотец Громов, немец наверняка успел бы нанести ей второй удар. Но этого не случилось. Громов опустил приклад автомата на голову гитлеровца.

Светало. Выбраться из здания стало невыносимо. Тогда разведчики перенесли раненых товарищей в одну из очищенных от немцев комнат, забаррикадировали вход и приготовились к бою. Враги почему-то не изъявляли желания нападать. Скорее всего они просто-напросто не подозревали, что диверсанты, наделавшие столько шума ночью, расположились с ними под одной крышей.

Из окна краснофлотцы заметили высокого худощавого офицера. Он появился на крыльце внутреннего двора и, конечно, считал себя в полной безопасности. Прозвучал выстрел, и офицер свалился на ступени. К нему подбежали двое солдат. Их тоже сразили меткие пули.

В течение дня немцы несколько раз пытались убрать трупы. Каждая такая попытка увеличивала количества убитых на крыльце. К вечеру тут уже лежало одиннадцать мертвых гитлеровцев.

Когда стемнело, краснофлотцы ухитрились незамеченными выбраться из немецкого штаба. Они вынесли раненых товарищей и доставили их в санитарную часть. Только не могли обрадоваться друзья встрече с Женей Хохловой. От потери крови она умерла. В партийном билете отважной девушки лежала записка: "Иду в бой. Если погибну за Отчизну, то так, как подобает коммунисту."

Слово свое она сдержала.

На следующий день немецкие морские пехотинцы вновь предприняли попытку овладеть клубом. Они вызвали танки, подтянули для стрельбы прямой наводкой артиллерию. Однако и на этот раз черноморцы не впустили в здание ни одного вражеского солдата. Нас, как могли, поддерживали огнем артиллеристы Салуянова и Матюшенко. Иногда вражеские ряды рассеивали летчики-штурмовики Героя Советского Союза Ефимова. И все же держаться было трудно. Ведь даже в те недолгие моменты, когда гитлеровцы делали передышки между очередными штурмами, их артиллерия и минометы продолжали методически бить по стенам и крыше клуба.

Ночью мы перенесли всех раненых в соседний дом. Для обороны прежних позиций оставили подразделение пулеметчиков во главе с лейтенантом Александром Холодковым и парторгом батальона старшим лейтенантом Николаем Тетеревенке. Они блестяще справились с поставленной задачей и до последнего дня героически удерживали в своих руках здание клуба.

В период этих боев вместе со штабной группой отбивал натиск врага прославленный снайпер Филипп Рубахо. Он имел на своем счету двести семьдесят шесть уничтоженных солдат и офицеров врага. В канун новороссийской десантной операции Филиппа Рубахо приняли в партию.

- Теперь я обязан стрелять еще лучше, - заявил снайпер. - Я - коммунист!

И Филипп стрелял. Стрелял виртуозно, без единого промаха.

У развороченного снарядом окна второго этажа парторг роты Борис Беньковский, вооружившись биноклем, корректировал стрельбу снайпера, помогал ему в выборе целей. Особенно ловко бил Филипп Рубахо по маскирующимся вражеским снайперам. Стрелял он одинаково хорошо и днем и ночью. Для того, чтобы прицелиться и уложить наповал гитлеровца, Филиппу хватало отблеска отдаленного разрыва.

Так он и дрался до 14 сентября. В этот день осколки вражеского снаряда тяжело ранили Филиппа в ноги. Но воин не ушел с боевого поста. Специально выделенные два краснофлотца переносили снайпера на плащ-палатке от окна к окну, и он продолжал уничтожать врагов. Уже будучи раненым, он истребил двадцать семь вражеских солдат и офицеров.

Во второй половине дня 15 сентября на втором этаже разорвался тяжелый снаряд. Посыпалась штукатурка, обломки стены. В комнате стало темно от дыма. Когда пыль немного улеглась, Борис Беньковский увидел лежавшего на полу Филиппа Рубахо. Он крепко сжимал в руках свою знаменитую винтовку.

Филипп пришел в сознание не сразу. Когда открыл глаза, тихо проговорил:
- Кажется, временно отстрелялся.

На следующий день Филиппа отправили на Большую землю. Знаменитую снайперскую винтовку передали до выздоровления хозяина краснофлотцу

Ивану Казакову.

За время шестидневных боев в Новороссийске Филипп Рубахо уничтожил еще семьдесят фашистов и довел свой счет до трехсот сорока шести солдат и офицеров врага. За проявленные мужество и героизм в боях за освобождение Новороссийска Филипп Рубахо был представлен к званию Героя Советского Союза. Но не дождался отважный воин того дня, когда его поздравят товарищи. Он скончался в госпитале. А 22 января 1944 года мы узнали, что Филиппу Яковлевичу Рубахо посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Многочисленные ученики и боевые друзья прославленного снайпера продолжали громить немецко-фашистских захватчиков. И нередко звучала на огневых рубежах песня, сложенная самодеятельными авторами еще в 1942 году:

У снайпера Рубахо
С бойцами уговор:
Громить врага без страха,
Лупить его в упор.

Как-то не верилось, что нет больше среди нас этого доброго, всегда сосредоточенного парня. Нет, все равно Филипп продолжал находиться в боевом строю. Он незримо присутствовал там, где складывалась наиболее трудная боевая обстановка. И его опыт, так щедро когда-то переданный товарищам, помогал краснофлотцам в трудные минуты.

...Рота старшего лейтенанта Александра Райкунова, преодолевая мощное сопротивление гитлеровцев, продвигалась вперед. Два краснофлотца из взвода лейтенанта Ивана Цибисова подорвались на минах. Произошла заминка. Тогда вперед пополз опытный разведчик, участник целого ряда десантных операций Кирилл Дибров. Он под огнем врага нашел проход в минном поле.

- За мной, ребята! - крикнул Кирилл и вскочил во весь рост.

Взвод последовал его примеру и ринулся на позиции немцев. В это время соседний взвод младшего лейтенанта Ивана Щербакова атаковал вражескую батарею, завладел четырьмя орудиями и продолжал безостановочно продвигаться вперед.

В результате смелых, слаженных действий всех подразделений рота заняла башни элеватора, нефтебазу, железнодорожный вокзал. Тут образовался второй опорный пункт. Теперь мы не были одиноки. Башни элеватора удерживали подразделения лейтенантов Ивана Цибисова и Алексея Верхолаза, младшего лейтенанта Щербакова, вокзал - группа бойцов во главе с парторгом роты Романовым.

Немцы раздробили свои силы и начали одновременно штурмовать занятый нами клуб, элеваторные башни и вокзал.

Шли танки. Палили вражеские артиллеристы. Гулко ухали минометы. И трещали, трещали непрерывной скороговоркой пулеметы и автоматы.

- Форменное пекло, - проговорил Кирилл Дибров, сбивая метким выстрелом немецкого солдата, бегущего под прикрытием танка.

- На перекур и то времени нет, - с сожалением отозвался командир отделения сержант Писаренко. - Скорее бы уже истребить всю эту нечисть.

Тринадцать раз в течение дня гитлеровцы ходили на штурм позиций десантников и столько же раз откатывались назад, оставляя на поле боя десятки трупов.

С каждым штурмом становилось все меньше черноморцев. Таяли боеприпасы. Вот когда пригодилась старая куниковская выучка. Бойцы, в совершенстве владеющие оружием противника, захватывали его в бою и тут же обращали против врага.

В роте старшего лейтенанта Райкунова отважно сражался старшина 2 статьи Владимир Сморжевский. Весельчак и балагур, он всегда в часы досуга находился в центре внимания, умел насмешить бойцов острой шуткой. В самые трудные моменты боя Сморжевский оказывался там, где всего опаснее, где, казалось, нельзя ни выстоять, ни выжить. А он выстаивал. Он держался. Да еще увлекал за собой товарищей. Помнится, в канун высадки последнего десанта Георгий Никитич Холостяков спросил:

- Кому можно поручить установку флага на самом высоком здании в освобожденном Новороссийске?

- Старшине 2 статьи Сморжевскому, - ответили, не сговариваясь, командир батальона и я.

- Сморжевскому! - единодушно заявили краснофлотцы на митинге, посвященном этому событию.

Тогда Владимиру и вручили военно-морской флаг.

- Клянусь перед всем батальоном, перед вами, товарищ контр-адмирал, ответил польщенный доверием старшина, - что этот флаг установлю на самом высоком здании города на пути движения нашего батальона.

Холостяков крепко обнял юношу и трижды его поцеловал.

На рассвете 10 сентября, как только автоматчики Райкунова прорвались в район железнодорожного вокзала, Сморжевский оказался впереди. Он взобрался на крышу. Пули дырявили жесть вокруг отважного моряка. Но Владимир продолжал карабкаться вверх со знаменем в руках. Наконец он укрепил бело-голубое полотнище над зданием вокзала. С высоты донесся его громкий голос:

- Вперед, друзья! Мы победим!

Каждая минута битвы за Новороссийск отмечена подвигами патриотов.

Многим памятен случай, когда один "морской охотник" прорвался сквозь огненную завесу в гавань. Он вел за собой на буксире баркас. От разрывов мин и снарядов вода хлопотала словно в гигантском котле. Вот снаряд разорвался совсем рядом. Последовал резкий толчок. Над баркасом взметнулся столб воды. Лопнул буксирный трос. Тогда старший матрос Владимир Данилов выкрикнул:

- Разобрать весла! Весла на воду!

Баркас двинулся к берегу. Когда до него осталось несколько десятков метров, краснофлотцы начали прыгать в воду и вплавь добираться до полуразбитых причалов. На десантников обрушился огонь пулеметов и минометов. Погиб командир взвода. Командование принял старшина 1 статьи Александр Кузнецов. Он повел краснофлотцев на штурм электростанции.

Данилов с группой бойцов ворвался в машинное отделение. Там оказалось много гитлеровцев. Увидев десантников, офицер поднял руки. Вдруг из-за его спины кто-то выстрелил в Данилова. Советский воин упал. Медицинская сестра Лидия Верещагина бросила в немцев гранату. Тех, кто уцелел от ее взрыва, десантники скосили автоматными очередями.

Через три часа электростанция была полностью в наших руках.

Лидия Верещагина даже в такой обстановке сумела сшить несколько красных сигнальных флагов в одно полотнище и стала с ним пробираться по узким крутым лесенкам на крышу. Здесь за трубой притаился вражеский офицер. Он поднял пистолет, прицелился в девушку, однако выстрелить не успел. Смелая медсестра сразила его наповал выстрелом из автомата.

Над зданием электростанции взвился красный флаг. Между тем, плавсредства с подкреплением все подходили и подходили. Немцы, препятствуя высадке, яростно обстреливали водную акваторию. Порой снаряды и мины попадали прямо в катера, и тогда в воздух вместе с гигантскими столбами воды взлетали обломки бортов и судовых надстроек. Краснофлотцы прыгали в воду, помогали раненым держаться "а воде, всеми силами старались сохранить оружие. Добравшись до берега, они вливались в цепи штурмующих город и порт подразделений.

Сильно поврежденный мотобот, накренившись, с трудом подошел к причальной стенке. Спрыгнув с его палубы, десантники устремились к цементному заводу. Враг сосредоточил на этой группе ураганный огонь. Моряки вынуждены были залечь на совершенно открытой местности. Укрыться негде. Пальба усиливалась. Можно спастись только резким броском вперед. Но он неосуществим - перед бойцами минное поле. Каждая минута нахождения под огнем приносила все новые и новые жертвы. Казалось, всему конец... Вдруг десантники увидели старшину 1 статьи Ивана Прохорова. Он поднялся во весь рост и зычно крикнул:

- Пусть я погибну, ребята, но мы все равно победим! Уничтожайте проклятых врагов! Считайте меня коммунистом!

С этими словами он бросился прямо на минное поле.

Грянул взрыв. За ним - второй, третий... Близко установленные одна к другой мины детонировали. Минное поле взлетело на воздух. В этом месиве огня и дыма геройски погиб старшина 1 статьи Иван Прохоров, Ценой своей жизни он проложил дорогу подразделению.

Еще не рассеялся дым, а моряки уже ринулись вперед и овладели немецкими позициями.

Комсорг батальона лейтенант Гусейн Гусейнов вел подразделение черноморцев по окраине города. Гитлеровцы окружили горстку храбрецов. Сильный ружейно-пулеметный огонь не позволял поднять головы. И молодой лейтенант повторил подвиг Героя Советского Союза Михаила Корницкого. Он обвязался гранатами и бросился прямо на фашистских молодчиков. Комсомольский вожак погиб, пробив взводу путь из окружения. Бойцы вышли через образовавшуюся брешь и вскоре соединились с другими подразделениями нашего батальона.

...Шел шестой день кровопролитных боев черноморских десантников с превосходящими силами врага. Боезапас был на исходе. Кончалось и продовольствие. Авиаторы неоднократно делали попытки сбросить нам все необходимое на грузовых парашютах. Но, попробуй разберись в лабиринтах улиц, куда сбрасывать. Да еще попытайся попасть в нужное место. Как ни старались летчики, сброшенные грузы попадали к десантникам далеко не всегда.

Наш медицинский персонал едва успевал оказывать раненым самую неотложную помощь.

Но, пожалуй, основная трудность состояла в том, что мы не имели единой линии обороны, постоянной устойчивой связи с разрозненными, ведущими самостоятельные боевые операции подразделениями. Этим-то и пытались воспользоваться враги. Они непрерывно предпринимали атаку за атакой, вводили в действие танки, самоходные орудия, полевую артиллерию и минометы.

Земля стонала и дымилась.

С нашей стороны стреляли редко, но наверняка. Изредка летели гранаты. Их бросали только по скоплению гитлеровцев и то в самые напряженные моменты. И только один, вид оружия десантники применяли без ограничения - кинжалы. Они шли в ход всякий раз, как враг приближался на расстояние, удобное для рукопашной схватки. Тогда черноморцы выскакивали из своих укрытий и самоотверженно вступали в единоборство с гитлеровцами, не раздумывая о том, много их или мало.

Через два дня, 16 сентября 1943 года, отважные советские воины овладели городом.

Радость победы омрачилась трудными минутами прощания с боевыми друзьями, павшими смертью храбрых в неравном бою. На поляне неподалеку от управления порта вырыли братскую могилу. Сюда бережно сносили тела героев.

Прощайте, боевые товарищи!

Десантники с трудом узнают лица отважных парней Зинченко, Курбатского, Прынцовского... Они больше никогда не поднимутся в атаку.

А какие были ребята!

Группа бойцов, сопровождаемая Надеждой Лихацкой и Галиной Ворониной, несет тело отважной девушки Жени Хохловой.

Горе. Скорбь. Непривычная тишина.

Вдруг откуда-то доносится гул голосов. Он удивляет. Что могло произойти? В такой момент шуметь?..

Во дворе управления порта около небольшого сарая собралась группа десантников. Отсюда раздаются громкие, негодующие возгласы.

Из темноты затхлого сарая краснофлотцы выносят тела бойцов, зверски замученных фашистами. Их кладут рядом на опаленную огнем траву. Все снимают головные уборы.

- Ну, погодите! - грозит автоматом краснофлотец с перевязанной головой. Гады! Изверги! Что натворили....

Крупная слеза скатилась по его обветренной, в глубоких ссадинах щеке.

Составляем акт. Пусть его прочитают наши потомки. Пусть они узнают, с каким лютым, бесчеловечным врагом боролись люди - участники Великой Отечественной войны.

АКТ

16 сентября 1943 года

гор. Новороссийск

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что во время десантной операции в ночь на 10 сентября 1943 года и последующих ожесточённых боев за Новороссийск немцы захватили в плен тяжело раненных помощника начальника штаба 393-го Новороссийского отдельного батальона морской пехоты лейтенанта Алексея Николаевича Рыбнева, его ординарца краснофлотца Иващенко и сержанта, фамилия которого еще не установлена.

Во дворе здания, в котором находились немцы, были обнаружены обгоревшие трупы лейтенанта Рыбнева, краснофлотца Иващенко и неизвестного сержанта. На телах зверски замученных немецкими извергами товарищей имеются многочисленные штыковые раны. Тела облиты керосином, сильно обгорели. Это свидетельствует о том, что немецкие палачи зверски пытали

попавших в их руки тяжело раненных воинов.

По документам, взятым у убитых на территории указанного дома немецких солдат, установлено, что зверская расправа была произведена солдатами 16-й немецкой портовой команды, находившейся в распоряжении немецкого командира Новороссийского порта.

Заместитель командира 393-го Новороссийского отдельного батальона морской пехоты капитан Старшинов, краснофлотец Лебаков, старшина 1 статьи Мосейчук, старший сержант Липманов, старший инструктор политотдела Новороссийской военно-морской базы капитан Розенфельд.

...Стройными рядами стоят у братской могилы десантники.

Идет траурный митинг.

Выступают люди, каждый из которых совершил немало воистину героических подвигов, люди стойкие и мужественные. Но здесь их голоса дрожат.

Трудно, бесконечно трудно побороть душевное волнение в эти скорбные минуты.

Надежда Лихацкая стоит бледная. По ее Щекам текут слезы. Девушка их не вытирает. Она ничего не сознает и не чувствует, кроме бесконечно тяжелого горя.

- Мы будем помнить вас всегда, - говорит тот самый краснофлотец с окровавленной повязкой на голове, который уронил скупую искреннюю слезу над телами замученных фашистскими палачами товарищей. - Вы, дорогие друзья, будете в наших рядах, когда нам доведется участвовать в новых боях... Герои не умирают! Выступающие говорят коротко, предельно ясно. Каждое слово - как метко выпущенная пуля.

К концу дня весь личный состав собрался еще на один митинг. Таковы уж законы войны. Тут скорбь о погибших идет рядом с торжеством победы.

На митинг в освобожденный Новороссийск прибыли командующий Черноморским флотом вице-адмирал Владимирский, член Военного совета флота контр-адмирал Кулаков, командир Новороссийской военно-морской базы контрадмирал Холостяков, начальник политотдела базы капитан 1 ранга Бакаев.

Вечером командующий Черноморским флотом вручил наиболее отличившимся в боях десанникам ордена и медали Советского Союза. Среди награжденных были имена капитан-лейтенанта Ботылева, главного старшины Кириллова, старшего сержанта Диброва, старшин 1 статьи Колота и Колесникова, старшин 2 статьи Сморжевского и Романова, майора медицинской службы Лаптева, старших лейтенантов Воробьева и Шарова, лейтенанта Тетеревенке, медицинской сестры Лихацкой и многих, многих других - всего 431 человек.

За шесть суток боевых действий личным составом нашего батальона было захвачено у врага четыре орудия, три миномета, двадцать семь пулеметов, большое количество автоматов и различного военного имущества. Взято в плен шестьдесят три солдата и офицера. Противник потерял более полутора тысяч человек.

Десантники уничтожили четыре танка, пятнадцать артиллерийских орудий, семь минометов и более тридцати пулеметов.

- Интересно, сколько еще осталось у фрицев солдат и военной техники? вслух любопытствовал с присущим ему юмором Кирилл Дибров. - Надо бы и до остальных добраться... Знаете, друзья, очень хочется вернуться в Севастополь. У меня там есть свои счета с гитлеровцами.

- Обязательно вернемся, - сказал ему кто-то из краснофлотцев. - Теперь, брат, все к этому идет.

Да, события войны приближались к тому, что еще совсем недавно казалось мечтой. Предстояло гнать захватчиков из Крыма. И люди, еще не отдохнувшие от тяжелейших боев, уже строили планы на будущее, думали о скорейшем осуществлении новой десантной операции.

В Новороссийске то в одном, то другом месте слышались глухие взрывы, рушились стены жилых домов и административных зданий. Советские минеры без сна и отдыха обследовали квартал за кварталом, выявляя и обезвреживая мины замедленного действия, оставленные немцами.

Но для нас боевые действия на этом участке пришли к концу. Наступила разрядка - время, когда наиболее отчетливо вспоминаются детали боев, когда острее ощущаешь ту опасность, которой подвергался совсем недавно. Порой в минуты таких раздумий не верится, что ты жив, что вырвался из пекла и хоть на время можешь считать себя в безопасности.

- По этому поводу нам причитается, - сказал мне капитан-лейтенант Ботылев. - Так сказать, за прошедшее и за грядущее.

- Не возражаю, - согласился я. - Сегодня 17 сентября, давай отметим этот день.

Мы выпили. Закусили консервами.

- За нашу победу, - проговорил Ботылев, - и за тех, кто не увидел ее... Выпьем еще?

- Пожалуй.

Выпили, но веселей от этого не стало. Неподалеку от дома, где мы "пировали", резко затормозил серый от пыли "виллис".

- Вас вызывает нарком Кузнецов, - обратился к нам незнакомый старший лейтенант.

- Удобно ли в таком виде? - растерянно спросил Ботылев, намекая на наше

не совсем трезвое состояние. - Впрочем, выбора у нас все равно нет.

Отправились по вызову.

Вскоре мы стояли перед адмиралом флота СССР Николаем Герасимовичем Кузнецовым и членом Военного совета флота контр-адмиралом Николаем Михайловичем Кулаковым.

Ботылев представился.

- Вопрос к вам, командир, - сказал нарком, - как отдыхаете?

- Хорошо.

- Где семья?

- В Подмосковье, товарищ адмирал флота.

- Что ж, - улыбнулся Кузнецов, - если есть желание, поезжайте в отпуск.

Заслужили.

Он прошелся по комнате. Остановился передо мною.

- Теперь вопрос к вам, комиссар: как отдыхаете?

- Плохо, товарищ адмирал флота.

- Странно... Нет согласия, - обернулся Кузнецов к Кулакову. - Командир говорит одно, комиссар - другое. Слышал я, что в бою они действовали иначе.

- Так чем же это объяснить? - спросил меня контрадмирал Кулаков.

- Мы отдыхаем от боя и это само по себе, конечно, отлично, - ответил я. Но наши люди шесть суток без горячей пищи...

- Правильно, - не дал мне договорить адмирал флота СССР, - о людях следует подумать. Этот вопрос уладим незамедлительно.

Он побарабанил пальцами по облупившейся штукатурке и неожиданно спросил:

- Вы женаты?

- Так точно. Жена в Горьковской области.

- Дать отпуск, - обратился Кузнецов к Кулакову. - Люди заслужили. И еще следует выяснить, у кого из отличившихся в бою за Новороссийск бойцов и командиров семьи, конечно, не особенно далеко... Чтобы они могли повидаться с родными и близкими.

Когда мы вышли на улицу, Ботылев облегченно проговорил :

- Не заметили, что мы навеселе.

- Хорошая веселость, - отозвался я, - когда беда с радостью вперемежку.

- И все же победа большая, - строго заметил он. - Пусть тяжелой ценой, но она достигнута.

Больше по пути до расположения нашей части мы не проронили ни слова. Каждый думал о своем. Радовала возможность повидаться с семьей. Но все омрачалось недавними событиями. Перед глазами стоял веселый лейтенант Рыбнев. И вот его изуродованный, опаленный труп... Какими же извергами надо

быть, чтобы поступить так с раненым человеком! Хотелось сейчас, немедленно встретиться с палачами, отомстить им за все. Только есть ли мера отмщения за зверства гитлеровцев? Нет! Мы мстить не будем. Пусть врага ждет не месть, а справедливая кара. Этот час приближается с каждым днем.

Даешь Крым!

Каждый новый день был наполнен радостью, которую не высказать словами. Ее надо осознать, прочувствовать, выстрадать. Сколько позади тревожных дней и ночей, сколько напряженных боевых моментов... И братских могил с простыми деревянными обелисками, с короткими надписями и без них.

...Отгремели последние выстрелы в кварталах Новороссийска. Части Красной Армии за несколько дней освободили от гитлеровцев Таманский полуостров. Наши войска вышли на побережье Керченского пролива. За ним в голубой дымке лежал крымский берег, на котором хозяйничал враг.

Волны медленно набегали на скалистые выступы береговой черты, рассыпались каскадами белопенных брызг. Глухо шуршала потревоженная накатом воды галька. Краснофлотцы прислушивались к ее своеобразному шепоту и, не сговариваясь, понимали затаенные мысли товарищей по оружию.

- Скорее бы, - вздыхал Кирилл Дибров. Все знали, какие события он хотел бы поторопить. Морские пехотинцы с нетерпением ожидали приказа погрузиться на плавсредства и пересечь этот небольшой пролив, ступить на израненную, многострадальную землю Крымского полуострова, на котором многие из них приняли боевое крещение, познали невзгоды и редкие радости трудной солдатской судьбы. Как обычно, с интересом слушали зачитываемые агитаторами сводки Совинформбюро. Узнавали об освобожденных Красной Армией городах и поселках, и все чаще повторяли:

- Даешь Крым!

Время шло, а долгожданного приказа не поступало.

Сильно измотанные в боях на кавказском побережье подразделения пополнялись свежими силами, вооружением. Легко раненные возвращались из госпиталей. Они тут же входили в привычную обстановку окружающей среды, учили молодых бойцов из нового пополнения.

Как обычно, в преддесантный период полным ходом шла повседневная подготовка. Подразделения тренировались в посадке на катера, в разное время суток высаживались в незнакомых местах, отрабатывали организацию боя и взаимодействие, учились блокировать и штурмовать доты и дзоты. В основе занятий находился опыт, приобретенный в десантных операциях на Малую землю и в Новороссийск.

Самое серьезное внимание уделялось изучению основных видов оружия с

тем, чтобы в случае надобности, могущей сложиться в боевой обстановке, люди могли заменить друг друга. Конечно же, снова отводились часы для изучения трофейных пулеметов, карабинов, автоматов, пистолетов, гранат и мин. На этот раз мы значительно расширили программу и обучали моряков стрельбе даже из немецких полевых орудий и минометов.

Более двух третей воинов составляли коммунисты и комсомольцы. Они возглавили соревнование в отделениях и взводах, способствовали повышению боевого мастерства, политической подготовки бойцов, передавали всем свое мастерство громить врага. Неоценимое значение приобрела популяризация подвигов, совершенных десантниками в тылу врага, в боях на Малой земле и на улицах Новороссийска. Кирилл Дибров, Владимир Смержевский, Сергей Колот, Николай Кириллов и другие в часы досуга, а то и просто на политических занятиях рассказывали молодежи о ратных эпизодах, о том, как бились с врагом коммунисты и комсомольцы. Они учили еще не умудренных опытом черноморцев, как лучше подогнать обмундирование и снаряжение перед десантной операцией.

Оживленные беседы проводили в подразделениях агитаторы. В них чаще всего шла речь о наших Героях Советского Союза, о бессмертных подвигах Михаила Корницкого, Филиппа Рубахо, Ивана Прохорова, Евгении Хохловой и многих, многих других людей нашей части.

В моем блокноте сохранились записи о проводимых тогда беседах. Вот некоторые наиболее популярные темы: "Как мы действовали на Малой земле", "Что нужно знать десантнику", "Как использовать трофейное оружие", "Зверская расправа фашистов над лейтенантом Рыбневым и краснофлотцем Иващенко в Новороссийске".

Личный состав слушал лекции о внутреннем и международном положении Советского Союза, о наступательных операциях Красной Армии, о традициях Вооруженных Сил Страны Советов. Так проходил день за днем.

Наконец, поступил долгожданный приказ. 15 октября из нашего батальона ушла в десант первая группа коммунистов. Да, пока только группа. Но ее отправка свидетельствовала о высоком доверии к воинам, побывавшим в трудных боях, многому в них научившимся. Коммунисты нашего батальона шли в качестве представителей политотдела Новороссийской военно-морской базы непосредственно на катерах, чтобы обеспечить высадку передовых десантных частей на Крымском полуострове. Среди отбывающих были Белинский, Задорожный, Труфанов, Потеря, Толстых и другие. Они на катерах и мотоботах по несколько раз пересекали Керченский пролив, личным примером воодушевляя десантников, помогали им в наиболее трудные моменты выхода на берег и сражений за исходные десятки метров земли будущих плацдармов.

Тогда, как, впрочем, и всегда на фронтах Великой Отечественной войны, коммунисты выполняли самые трудные, самые опасные и ответственные задания. Звание члена партии Ленина обязывало их быть там, где, казалось бы, невозможно вести бой с превосходящими силами противника, где надо держаться не столько силой оружия, сколько силой собственной убежденности в правоте дела борьбы с жестокими поработителями.

Итак, первая группа коммунистов ушла в десант.

Дней десять спустя еще два взвода из подразделений старшего лейтенанта Воробьева и лейтенанта Ткаченко отправились для обеспечения десантных частей, высадившихся в поселке Эльтиген. На этот отряд легло очень и очень сложное задание командования. Под непрерывным огнем противника моряки доставляли на крымское побережье продовольствие и боеприпасы, снабжали ими тех, кто находился в самом пекле боя.

За безукоризненное выполнение заданий командования, проявленные при этом мужество и героизм семьдесят восемь моряков из нашего батальона были награждены орденами и медалями Советского Союза. Старший лейтенант Иван Цибисов, сражавшийся в составе 386-го батальона, был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Конец 1943 и начало 1944 года ознаменовались новыми замечательными победами Красной Армии на всем протяжении фронта от Белого до Черного моря. Войска Ленинградского фронта соединились с войсками Прибалтийского фронта. Взломав долговременную оборону немцев под Ленинградом и Новгородом и отбросив противника в Прибалтику, советские воины освободили Ленинградскую область. Соединения 1-го и 2-го Украинских фронтов нанесли ряд последовательных ударов по позициям гитлеровцев на правом берегу Днепра. Войска 4-го Украинского фронта заперли немцам выход из Крыма. К этому времени на Керченском полуострове уже появился мощный плацдарм для сосредоточения сил и последующего наступления в глубь Крыма. Вот почему немцы прилагали все силы для того, чтобы любой ценой сбросить Приморскую армию в Керченский пролив.

Город Керчь немцы превратили в самую настоящую крепость: Каждая улица стала системой непреодолимых инженерных сооружений, каждый дом - опорным пунктом. По всей линии обороны были прорыты глубокие траншеи и ходы сообщения, сооружены многочисленные доты и дзоты. Повсюду тянулись хитроумные проволочные заграждения, простирались ловко замаскированные минные поля.

Такие же огромные минные поля и лабиринты "колючки" покрывали все побережье.

В городе и его окрестностях сосредоточилось большое количество

вражеских войск и техники.

Все готовились к предстоящей схватке.

В батальоне своим чередом шла не прекращающаяся ни днем, ни ночью боевая учеба.

17 января 1944 года личный состав был поднят по тревоге, посажен на корабли и переброшен в Новороссийск. Отсюда мы попали на станцию Сенная, а через несколько дней с косы Чушка на тендерах и морских паромов переброшены на Керченский полуостров в район селения Глейка. Здесь с ноября 1943 года держались десантники - моряки Черноморского флота и части Приморской армии.

К моменту прибытия нашего батальона на полуостров готовилась новая десантная операция непосредственно в Керченский порт.

Сразу же после высадки нам пришлось не особенно легко. Все уцелевшие строения были заняты, и нам ничего не оставалось, как разместиться прямо на берегу пролива под открытым небом. На рассвете выпал обильный январский снег. Люди продрогли. К тому же хозяйственники умудрились отстать вместе с запасами десантного продовольствия. Следовало принимать срочные меры. Но какие?

Я посоветовался с временно исполняющим обязанности командира батальона начальником штаба майором Георгием Ларионовым. Командир батальона капитан-лейтенант Ботылев находился в это время в Москве.

- Придется бить челом начальнику тыла Приморской армии, - сказал после недолгого раздумья Ларионов. - Иного выхода нет.

- Что ж, попытка - не пытка, пойду, - согласился я и, не медля, отправился в недалекий, но весьма неприятный путь.

Генерал внимательно меня выслушал, уточнил, что именно нужно.

- На первый случай, - без запинки ответил я, - на трех человек - буханку хлеба, пару банок консервов и бутылку водки.

- Для сугреву? - подмигнул генерал.

- Так точно!

Мы тут же сообща подсчитали, сколько потребуется хлеба, консервов и, конечно, водки. Генерал приказал своим интендантам немедленно погрузить все на машину и отправить на берег в расположение батальона моряков.

Когда я собирался уходить из землянки, генерал улыбнулся и спросил: - Вы, майор, доложили, что ваши тылы отстали. А вы-то кто?

- Заместитель командира батальона по политической части, - не догадываясь о смысле вопроса, ответил я.

Генерал рассмеялся:

- Ясно, товарищ майор, ясно! Сейчас, когда бойцы находятся на берегу под

открытым небом и мерзнут, лучшей формы политработы не придумаешь. Желая успеха!

На прощанье он "по секрету" сообщил, что снабженцы Приморской армии получили для нас специальные американские десантные пайки в водонепроницаемой упаковке.

Я поспешил на берег.

Через несколько минут уже прибыла машина с драгоценным грузом, и мне еще раз пришлось заняться, казалось бы, не свойственным политработнику делом организовать раздачу продуктов.

Роты, построенные в цепочку по одному, подходили к машине. Люди получали положенное и тут же располагались на немудреный завтрак. Эта процедура много времени не заняла. Как только цепочка кончилась, мы с майором Ларионовым и помощником начальника штаба лейтенантом Морозовым тоже решили перекусить. Но не успели.

- Срочно на командный пункт - послышался голос адъютанта генерал-полковника Петрова. - Вызывает командующий.

Мы с Ларионовым тотчас отправились к расположенной неподалеку землянке командного пункта. Там, кроме высокого начальства, мы застали вызванного несколько раньше командира 369-го батальона морской пехоты майора Сударикова.

- Так, - сказал и прошелся по просторной землянке Иван Ефимович Петров. Все в сборе. Начнем, пожалуй.

Он объявил, что Военный совет флота временно передал наш и Сударикова батальоны в распоряжение Военного совета Приморской армии для проведения десантной операции в Керченский порт и непосредственно в город.

Операция предполагалась на 22 января 1944 года. В составе десанта должны находиться 369-й и 393-й отдельные батальоны морской пехоты, 1133-й полк 339-й стрелковой дивизии. В качестве транспортных средств выделены корабли Азовской военной флотилии в составе шестнадцати тендеров, четырех бронекатеров, трех торпедных катеров, трех тральщиков и одного "морского охотника". Посадка на корабли намечалась с пристани Опасной.

Замысел операции состоял в том, чтобы в ночь с 22 на 23 января 369-й отдельный батальон морской пехоты высадился непосредственно в порту. Он захватит причалы и обеспечит плацдарм для второго эшелона - 1133-го стрелкового полка. Потом совместными действиями предстояло нанести удар по врагу в центре города и выйти к горе Митридат.

Одновременно с 369-м батальоном в районе защитного мола должен произвести высадку наш 393-й батальон морской пехоты. Он нанесет по вражеской обороне удар с тыла, осуществит прорыв всех ее линий, выйдет к

заводу им. П. Л. Войкова на соединение с находящимися в обороне частями 339-й стрелковой дивизии и, соединившись с ее передовыми подразделениями, возвратится обратно в город. В образовавшийся прорыв войдут части 339-й стрелковой дивизии и совместными действиями с 369-м батальоном и 1133-м стрелковым полком нанесут более ощутимый удар по Керчи. Общее руководство этой операцией должен осуществлять командир стрелковой дивизии. Морские десантники в оперативном отношении полностью входили в его подчинение.

В то же время другие части Приморской армии будут развивать успех 339-й стрелковой дивизии и десантников. Совместными ударами они должны полностью освободить Керчь.

На совещании мы уточнили все вопросы взаимодействия между десантными частями и войсками Приморской армии.

Генерал Петров объявил, что по согласованию с командующим флотом я назначаюсь командиром 393-го отдельного батальона морской пехоты, а майор Ларионов возвращается к исполнению своих прежних обязанностей начальника штаба. Заместителем командира по политической части к нам в батальон назначен один из работников политотдела Азовской военной флотилии. К вечеру этого же дня прибыл новый заместитель командира по политической части майор Голубь.

До высадки оставались считанные дни. Матросы готовились к бою; приводили в порядок личное оружие, боевое снаряжение. Как издавна повелось в батальоне, в кануне наиболее трудных испытаний в подразделениях проводились партийные собрания. На них рассматривались заявления о приеме в партию. Комсомольцы и беспартийные моряки хотели идти в десант коммунистами. Лишь за три дня в партийные организации подразделений нашего батальона было подано свыше восьмидесяти заявлений с просьбой принять в ряды партии Ленина. В этих заявлениях люди выражали свою преданность Родине, готовность сделать все для победы над врагом.

Вот что писала медицинская сестра Валентина Пшеничная:

"Хочу идти в бой за освобождение родного Крыма только коммунистом. Прошу партийную организацию принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Высокое звание и доверие родной нашей партии оправдаю".

Особенно ярко проявилась любовь к Родине, готовностью отдать свои силы всенародному делу разгрома врага, в клятвах, которые принимали моряки. В нашем батальоне это стало незыблемой традицией. Клятвы принимались по ротам, взводам, отделениям, расчетам и лично каждым десантником.

Парторг роты противотанковых ружей Варжаинов писал:

"Впереди пылающий город, истерзанные невзгодами люди, ждущие

освобождения. Клянусь, что всю энергию, силу, а если потребуется, и жизнь отдам за наш народ, за любимую Родину, за большевистскую партию".

Матрос Козловский давал клятву:

"Народ мой! Земля русская! Я - воспитанник комсомола, воспитанник Страны Советов, идя сегодня в бой, клянусь, что бы ни случилось, и где бы я ни был, все мои силы, вся ярость души моей, будут направлены на разгром врага. Нет ему пощады! Впереди Керчь, и нет преграды для нас - моряков-куниковцев! Страшная смерть коричневой чуме!

Вечная слава сынам советского народа, павшим в боях с лютым врагом!"

...Настало утро 22 января.

В батальон привезли и раздали личному составу американские десантные пайки. Матросы с некоторым недоверием рассматривали их.

- Не похожи ли эти слишком уж красивые конвертики на второй фронт? - будто бы вскользь спрашивал неисправимый остряк Владимир Сморжевский.

Я погрозил ему пальцем.

Володя покосился на свои новенькие офицерские погоны. Ничего, дескать, не поделаешь. Когда был старшиной, мог позволять себе шуточки и посолоней, а теперь - младший лейтенант... Пора вроде бы отрешиться от былых одесских привычек. Только вряд ли удастся. И я, и сам Сморжевский отлично понимали, что не всякий характер можно изменить да еще в такой короткий срок.

- Так почему, собственно, пайки могут походить на второй фронт? - не удержался я от вопроса.

- Сверху все красиво, - усмехнулся Сморжевский, - а вот содержание - кто знает. Как говорят у нас в городе, еще посмотреть надо.

Мы оба рассмеялись, рассматривая изящную водонепроницаемую упаковку заморских десантных пайков. Тем же занимались и остальные морские пехотинцы. Вертели в руках загадочные пакеты, словно хотели проникнуть взорами через плотную лоснящуюся обертку и удостовериться в полезности невидимого содержимого. Однако всех сдерживал строгий приказ: упаковку не разрывать. Иначе продукты могут подмокнуть в соленой воде и испортиться.

Но настолько было велико любопытство к содержимому этого изящного пакета, что один из самых нетерпеливых матросов не удержался, открыл его и заглянул внутрь.

Не знаю, что нашел в пакете любопытный матрос, но вид у него был явно разочарованный. А может, и виноватый...

Не успел еще по всему батальону распространиться слух о содержимом пакетов с американскими десантными пайками, как прибыл командующий Приморской армией генерал Петров. Он приказал выстроить батальон в полном боевом.

- Хочу посмотреть на ваших орлов, как они выглядят в боевом снаряжении, бодро заметил командующий Приморской армией.

Батальон построился.

Мы прошли вдоль рядов десантников.

Генерал задавал различные вопросы, непринужденно шутил. Он знал многих матросов в лицо еще по новороссийскому десанту.

О десантных пайках пока речь не заходила. Но я чувствовал - зайдет обязательно.

Когда мы проходили мимо роты автоматчиков, один из матросов попросил разрешения обратиться к генералу. Получив утвердительный ответ, он снял с себя вещевой мешок, нагруженный "по завязку" боезапасом, достал десантный паек и доложил генералу, что нарушил приказ о запрещении вскрывать пакеты.

- Что же станем делать? - строго посмотрел генерал на провинившегося. Небось уже успел съесть добрую половину?

- Никак нет! - без тени смущения ответил матрос. - Харч, по моему мнению, не съедобный.

Петров едва заметно усмехнулся и попросил вытряхнуть из пакета все содержимое.

Матрос стал деловито вытряхивать содержимое пакета. Мы увидели всевозможные таблетки, неизвестно для какой цели предназначенные порошки, жевательную резинку и какую-то незнакомую, но на наш взгляд, совершенно бесполезную в десанте ерунду.

Генерал хитровато сощурился и испытующе посмотрел на матроса.

- Все достал, или осталось еще что?

Матрос замешкался с ответом, а генерал продолжал:

- Ты ведь вытряхнул только содержимое аптечки. Эти порошки и прочая, как вы говорите, ерунда очень пригодятся вам в походе, хоть они и "не съедобны". А съедобное ты все-таки упрятал в желудок. - Матрос виновато потупился, а строй грохнул дружным смехом. Хохотали все, забыв о различии в чинах. Забыв, о том, что впереди жестокие кровопролитные бои.

Когда оживление улеглось, командующий продолжал обход строя. Он поинтересовался, почему у некоторых матросов слишком большие вещевые мешки.

Я доложил, что у нас общая норма груза десантника составляет тридцать килограммов. Некоторые моряки, что покрепче, берут боезапаса больше установленной нормы. В этом мы людей не ограничиваем.

Генерал нарочно громко, чтобы все слышали, сказал:

- Похвально! Патроны и гранаты в бою никогда еще помехой не считались.

Вечером за несколько часов до посадки на корабли в батальон прибыл

временно исполняющий обязанности командующего Азовской военной флотилией контр-адмирал Г. Н. Холостяков. Состоялся общепатальонный митинг. Он как бы стал кличем к победе в предстоящей операции.

Матросы выступали охотно. Все, как один, выражали чувство гордости за свой народ, стремление скорее идти в бой и отдать все силы, а если потребуется, и жизнь для выполнения задания командования. В конце митинга контр-адмирал Холостяков обратился ко всем с вопросом:

- Кому личный состав батальона доверит установить флаг в Керчи?

Взоры большинства устремились в сторону автоматчиков, где в строю стоял подтянутый, еще совсем молодой офицер. Командующий моментально все понял. Георгий Никитич Холостяков вспомнил, что этому самому человеку, вот так же на митинге перед посадкой на корабли 9 сентября 1943 года он вручил по просьбе матросов военно-морской флаг Советского Союза, который после развеялся над освобожденным Новороссийском. Смелому разведчику, любимцу отряда, тогда еще старшине 2 статьи Владимиру Сморжевскому выпала честь, которой гордился бы каждый воин. Он блестяще справился с нелегкой задачей. Ныне командиру взвода младшему лейтенанту Сморжевскому батальон доверил водрузить флаг в Керчи.

- Добро, - удовлетворенно кивнул контр-адмирал. - Кандидатура вполне подходящая.

Младший лейтенант Сморжевский принял из рук контр-адмирала Холостякова заветный флаг.

- Клянусь, товарищ контр-адмирал! Клянусь, мои боевые друзья! Клянусь тебе, любимая Родина, что оправдаю оказанную мне честь, оправдаю ваше доверие!

Вечером 22 января 1944 года мы погрузились на подошедшие корабли. Они взяли курс через пролив на Керчь.

В ночной мгле был слышен только рокот моторов да шум накатывающихся на борты волн.

С берега, занятого противником, рыскали лучи прожекторных установок. Но неприятельские наблюдатели явно нас не замечали. Перегруженные тендеры и бронекатера с десантом глубоко сидели в воде, и прожекторные лучи скользили выше, рассеиваясь где-то далеко над покрытым сумраком морем.

В 23 часа 37 минут мы прибыли в район тактического развертывания. По сигналу командира десанта начался мощный артиллерийский налет на береговую черту и оборону противника. Сотни снарядов летели над головами десантников, неся смерть врагу.

За несколько минут до окончания артиллерийской подготовки корабли двинулись к берегу, в районы, предусмотренные планом высадки подразделений

морской пехоты.

Нанеся ошеломляющий удар по береговой черте, наша артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны.

Плавсредства все ближе продвигались к берегу. До него уже оставалось метров триста-четыреста. И тут нас заметили. Ударил немецкая береговая артиллерия, минометы. В паузах между разрывами снарядов слышалась торопливая дробь крупнокалиберных пулеметов. Казалось, все побережье оцетинилось разящим огнем. Прожекторы и сотни ракет осветили окрестности.

От прямого попадания снаряда загорелся один наш тендер. Он, словно огромный факел, сразу осветил прибрежные воды. Мятущиеся сполохи багрового пламени зловещими отблесками плясами на волнах. Я заметил номер горящего судна - "31". Рядом с ним и дальше отсветы огня вырывали из мрака силуэты тендеров и других плавсредств, делая их хорошо видимыми мишенями.

Зарево полыхало над волнами, освещая фигуры выходящих из воды на берег десантников. На волнах в залитом светом пространстве виднелись черные точки. Это наши бойцы с горящего судна добирались вплавь до отмели, держа высоко над собой автоматы и ручные пулеметы. Люди словно не ощущали знобящего холода зимних волн. Все упрямо двигались в одном направлении - к берегу.

Перегруженные свыше всяких норм и пределов плавсредства не могли особенно близко подойти к отмели. Но это не смущало бывалых воинов.

- Десантники, за борт! - слышались короткие команды.

- Вперед!

Немцы не ожидали такого стремительного натиска. Их сопротивление носило явно нервозный, беспорядочный характер.

К 24 часам наш батальон достиг береговой черты в районе защитного мола. Выходя на берег, десантники тотчас вступали в бой с подразделениями немецкого заслона и постепенно вклинивались во вражескую оборону. В ход пошли ручные гранаты. Они летели в огневые точки, в амбразуры дзотов и блиндажей. Специально выделенные краснофлотцы делали проходы в минных полях и проволочных заграждениях. В них с ходу устремлялись бойцы атакующих подразделений.

В первые предрассветные часы 23 января мы уже владели довольно большим плацдармом и через расчлененную линию обороны гитлеровцев соединились с частями 339-й стрелковой дивизии, которая должна была следовать за нашим батальоном в город.

- Даешь Крым! - раздавались громкие выкрики.

Отовсюду гремели выстрелы и несло, несло над керченским побережьем традиционное русское "ура"!

- Даешь Крым!

Керченский десант

Обычно те, кто наблюдает за боем издалека, кто отдален от военных событий расстоянием и временем, могут писать о сражении обобщенно, сообщая читателю лишь основные тактические моменты и так или иначе суммированные результаты. Человеку же, самому находившемуся в бою, все видится в деталях, в многочисленных, по-своему неповторимых эпизодах. А они, эти боевые эпизоды, в период сражения за Керчь молниеносно возникали повсюду, сменяясь, словно кадры в кино. Только за ними никто не наблюдал спокойно. Тут не было зрительного зала, не было ближних и дальних рядов. Каждый находился в центре событий, каждый видел эти события в большинстве случаев через узкую прорезь прицела.

Батальон шел на сильно укрепленные рубежи. Глубокие траншеи ошетинились сотнями ружейно-пулеметных стволов. Казалось, пули вспахивали перед нами каждый сантиметр твердой керченской земли. По наиболее опасным огневым точкам врага били наши пэтээровцы. Так называли десантники бойцов роты противотанковых ружей, именуемых ПТР. Взвод этой роты во главе с лейтенантом Пономаренко одним из первых ворвался в немецкие траншеи. При вспышке ракеты вражеские солдаты увидели перед собой советского офицера и бросились на него. Пономаренко очередью из автомата свалил одного гитлеровца. Другой приблизился на расстояние штыкового удара и уже занес винтовку с примкнутым к ее стволу кинжалообразным лезвием. Тут, как назло, кончились патроны в диске автомата. Пономаренко не растерялся. Он перехватил автомат за кожух, отбил в сторону чужой штык и с силой опустил приклад на голову немецкого солдата. Вгорячах лейтенант не рассчитал силы удара, и приклад разлетелся, как, впрочем, и голова фашиста.

- Эх, беда, такое оружие загубил! - пожалел Пономаренко, разглядывая оставшийся в его руках кожух автомата.

Тут на него набросились еще два гитлеровца. Пономаренко схватил оставленную убитым винтовку. Выстрелом в упор сразил ближнего к нему немца. Второй поспешно застрочил из автомата, но впопыхах промахнулся. Его судьбу решил резкий удар штыком в грудь. Все это произошло в течение каких-нибудь трех-четырех минут. Подоспевшие краснофлотцы увидели своего командира прислонившимся к брустверу. В руках он держал немецкую винтовку с примкнутым кинжалообразным штыком. У ног лейтенанта лежало четыре трупа вражеских солдат. Бойцы ринулись вперед и в короткое время овладели всей траншеей.

Чуть левее продвигался взвод младшего лейтенанта Щербакова. Он

приближался к консервному заводу. На пути встал сильный дзот. Его пулеметный огонь не позволял ни подняться для броска, ни отойти в укрытие. Оценив обстановку, командир вызвал добровольцев.

- Кто пойдет на подавление дзота? - спросил он.

- Разрешите мне? - вызвался матрос Стулов. - И мне, - присоединился к товарищу Будаков.

- Я тоже пойду, - поддержал его Новожилов.

- Добро, - согласился младший лейтенант. - Обходите дзот с тыла. Не спешите. Напрасный риск повредит делу. Нужно действовать только наверняка.

Матросы отползли в сторону и стали скрытно подбираться к дзоту. Им удалось незамеченными доползти до его заднего люка. Не ожидая такого немислимо дерзкого нападения, немцы вовсе не охраняли тыловые подходы. Матросы проникли внутрь и, подняв гранаты, потребовали:

- Руки вверх!

Гитлеровцы растерялись.

В дзоте и в прилегающей к нему землянке оказалось более тридцати солдат. Лишь немногие из них пытались оказать сопротивление и, разумеется, были немедленно уничтожены. Остальные сдались в плен.

Путь был расчищен.

Взвод Щербакова двинулся вперед, миновал еще недавно такую грозную огневую точку и вышел на новые рубежи. Матросы захватили склад боеприпасов и радиостанцию, уничтожили около сотни гитлеровцев и взяли в плен двадцать семь вражеских солдат и офицеров.

Тем временем взвод пэтэровцев продолжал свое продвижение в глубь неприятельской обороны. Противотанковые ружья заставили умолкнуть огневые точки многочисленных дзотов. Перед самой траншеей произошла заминка. Немцы плотным огнем отсекали наших воинов от цели.

- Эх, была не была! - выкрикнул известный в подразделении силач матрос Георгий Кадыгроб. - Тут, братцы, по всему видно, долго не пролежишь... Я пошел!

Он пополз к траншее. На короткий миг остановился, ударил из противотанкового ружья по пулемету и снова пополз. Матрос перевалился через бруствер и оказался на дне глубокой траншеи. Прямо перед собой увидел группу немцев. Они, мешая друг другу, лихорадочно палили в смельчака. Кадыгроб поднял тяжелое ружье и словно из обыкновенной винтовки выстрелил в гитлеровцев. Двое или трое упали. Матрос ринулся на остальных, размахивая над головой противотанковым ружьем, как дубинкой. Несколько пуль вырвали клочья ваты из рукава куртки. А Кадыгроб крушил и крушил немецких солдат. Вот свалился еще один, еще двое. В узкой траншее было трудно орудовать

длинным и довольно увесистым противотанковым ружьем. Матрос вырвал автомат из рук одного гитлеровца, свалил его бывшего владельца ударом приклада и приготовился встретить вражеских автоматчиков, спешивших к месту происшествия с другого конца траншеи. Те, увидев несколько трупов и оценив обстановку, подняли руки.

- Рус, сдаюсь! - услышал матрос нестройный хор дрожащих голосов.

"Ишь ты, заранее усвоили, как следует разговаривать с нашим братом, мысленно отметил Кадыгроб. - Обучились на нашей земле".

Эта же мысль и в это же самое время пришла в голову Владимиру Сморжевскому. Его взвод наткнулся на огневую точку, брать которую штурмом не пришлось. Немецкие солдаты дружно повторили ту самую фразу, которую слышал из уст гитлеровских вояк матрос Кадыгроб.

- Рус, сдаюсь!

Однако так происходило далеко не везде. Чаше неприятель оказывал упорное сопротивление порой доходившее просто до форменного фанатизма. Видно гитлеровская пропаганда основательно позаботилась об их психологической обработке. Позднее пленные рассказывали, что немецкие офицеры запугивали солдат "ужасами большевизма", вдалбливали им в головы, что русские истребляют пленных, учиняют над ними зверские расправы. Вот почему многие вражеские подразделения сопротивлялись там, где всего разумнее было сложить оружие.

Отправив пленных в тыл, которым сейчас стало освобожденное нами побережье, взвод младшего лейтенанта Владимира Сморжевского быстро продвигался вперед. Командир заранее изучил по схематическому плану города расположение улиц и узнавал многие дома. На пути движения за перекрестком возвышалось белое здание.

- Школа, - определил младший лейтенант. - Берем!

Матросы поняли его с полуслова. В глубине души все они гордились поручением, данным их командиру, и каждый считал себя полноправным участником операции по установлению флага над освобожденными кварталами Керчи.

До здания школы оставалось несколько десятков самых трудных метров. Младший лейтенант Сморжевский достал спрятанный на груди флаг. Вдруг с правого фланга полоснула длинная пулеметная очередь.

Взвод залег.

- Подавить! - прозвучала команда.

- Есть подавить! - откликнулось несколько голосов.

Смельчаки пробирались к пулемету.

Послышались автоматные скороговорки, взрыв гранаты и крик:

- Путь свободен!

Сморжевский вскочил и короткими перебежками двинулся к школе. За каждым его шагом зорко следили матросы, готовые в любую минуту прикрыть своего командира огнем из автоматов.

В коротком мгновении наступившей на этом участке тишины неожиданно звучно пророкотала прерывистая очередь крупнокалиберного пулемета. Младший лейтенант остановился, поднял руку с полотнищем военно-морского флага Советского Союза и упал на брусчатку.

Подбежали матросы.

- Флаг установить! - слабеющим голосом приказал Сморжевский.

- Медсестру! - крикнул кто-то.

- Поздно, - сокрушенно вздохнул пожилой матрос. - В самое сердце... Бойцы отнесли в укромное место тело любимого командира и продолжили его путь к занятому немцами зданию школы. С другой стороны дом атаковал взвод младшего лейтенанта Кириллова. Его бойцы, продвигаясь с боем от самого берега, уже уничтожили более полусотни вражеских солдат и офицеров и теперь вели схватки на улицах города. Несмотря на упорное сопротивление, они выбили гитлеровцев из школьного помещения, и над его высокой крышей взвился военно-морской флаг Советского Союза. Флаг видели подразделения, очищающие от врага соседние кварталы. Видели и с еще большей настойчивостью продолжали бить противника, освобождая дом за домом, улицу за улицей. Убит командир роты.

Молодой офицер Николай Кириллов принял на себя командование.

Рота умело действовала на трудном участке и действовала весьма успешно. Достаточно сказать, что ее личный состав в этом бою уничтожил более двухсот немецких солдат и офицеров, подавил 25 огневых точек врага, захватил 15 пулеметов, 70 винтовок, 28 автоматов, 5 пушек и 3 миномета. Сам Кириллов лично уничтожил более 20 гитлеровцев, забросал гранатами три вражеских блиндажа и заставил навсегда умолкнуть сильную пулеметную точку.

Тогда мы еще не знали, что части 339-й стрелковой дивизии не вошли в город, что сорвалась высадка второго эшелона десантных войск. В трудных условиях оказался и отдельный батальон морской пехоты майора Сударикова. Впрочем, легких участков в этом бою не было ни у кого. А обстановка на нашем участке оказалась и вовсе плохой.

К утру 23 января мы достигли улицы Карла Маркса и вынуждены были приостановить наступательные действия. Чтобы выровнять линию боевых порядков батальона, морские пехотинцы сосредоточили силы вдоль Булганакской улицы. К этому времени немцы начали восстанавливать утраченные позиции.

На рубежах нашего батальона возникла новая линия обороны.

К нам подошло подкрепление. Матросы и пехотинцы стойко держались на своих позициях до 11 апреля 1944 года - до победы на этом участке фронта. Но легко сказать "держались". Куда труднее было вести непрерывный бой в течение всего этого времени, отбивать атаку за атакой, совершать рискованные, но необходимые вылазки в расположение немецких подразделений.

В этот период наш батальон, находившийся в подчинении командования 339-й стрелковой дивизии, вел бои в районе станции Керчь-первая. Здесь противник сосредоточил большое количество крупнокалиберных пулеметов, установил артиллерийскую и минометную батареи.

Мы предпринимали частые атаки, но, не имея артиллерийской поддержки и резервов, не могли закрепиться на новых рубежах. Решили перейти к обороне.

Приказ о прекращении наступательной операции люди восприняли с явным недовольством.

- Мы поклялись истреблять врага, - прямо заявил командиру взвода матрос Константин Мосенин. - Так где же, скажите, возможность для выполнения этой клятвы?

- Действительно, получается, что мы пришли в Крым не наступать, а обороняться, - поддержал товарища старшина 2 статьи Александр Иваншицов. - Как хотите, а ребятам трудно сидеть без дела.

Томились матросы Поляков, Николаев и многие другие. Всем не терпелось увеличить личный счет истребленных гитлеровских захватчиков.

Мы обсудили с командным составом создавшееся положение. Было очевидно, что трудно держать в бездействии морских пехотинцев, которые стремились в бой, чтобы выполнить свою клятву и нанести противнику как можно больший урон.

Пришлось учесть моральное состояние личного состава. Я разрешил командирам рот и взводов время от времени совершать нападения на узлы сопротивления врага.

По всему рубежу, занимаемому нашим батальоном, стали вспыхивать недолгие, но жаркие схватки с противником.

Однажды, ведя бой в районе консервного завода, взвод соседней с нами стрелковой роты наткнулся на немецкое орудие, простреливавшее улицу. Обойти его пехотинцы не могли. Заметив замешательство у соседей, старшина 1 статьи Никитюк с пятью противотанковыми гранатами подполз к опасному месту.

- Дело это, братцы, мне хорошо знакомо, - кивнул он головой в сторону орудия. - В лучшем виде сниму пушечку.

Словно ящерица, он заскользил на животе между камнями и обломками

рухнувших стен. Проскользнул по полужасыпанному землей кювету... Все напряженно следили за ним. Смелчак скрылся за остатками кирпичного забора. Дальше ничего не было видно.

- Дойдет или нет? - задавали бойцы друг другу один и тот же вопрос, ответа на который дать никто, естественно, не мог.

- Может, все... в живых нет человека? Со стороны завода изредка доносились нечастые одиночные выстрелы.

- Не в морячка ли попали?

Судьба отважного старшины тревожила всех.

А ведь как почувствовали. Одна пуля достала-таки Никитюка. Попала в ногу. Ползти стало труднее. Боль туманила взор, тупыми ударами колотила в затылок. Но старшина не повернул назад. Собрав всю свою волю и терпение, он дополз до орудия на близкое расстояние и стал метать в него одну за другой противотанковые гранаты. Бросил четыре. Поднял последнюю. И тут бронебойная пуля угодила прямо в нее. Над местом, где лежал Никитюк, прогремел взрыв...

Матросы ринулись к смолкшему орудью. Его позиция представляла страшную картину разрушения. Искореженный металл, трупы немецких артиллеристов, разбросанные взрывом снарядные ящики... И только самого Никитюка обнаружить нигде не удалось.

На следующий день наши бойцы нашли опаленную, всю в крови флотскую шапку. На подкладке сохранилась надпись: " Никитюк " .

Вот все, что осталось от героя. Хотя нет, в памяти морских пехотинцев остался он сам - мужественный и энергичный, всегда готовый прийти на помощь товарищам. Остался его подвиг - замечательный пример доблести советского воина.

Кажется, не счесть всего, что хранят воспоминания о тех огневых днях. Как живого, и сейчас вижу перед собой совсем еще молоденького бойца. Он невысокого роста, коренастый, чем-то едва уловимо напоминает туго скрученную пружину. Тронь - и она тут же упруго распрямится. Боец увешан гранатами. За поясом ракетница. В руках автомат. Он быстро перескакивает из воронки в воронку, словно не придавая значения непрерывной пальбе и частому взвизгиванию пуль.

Это связной командира пулеметной роты Николай Долбня. Он направляется в одно из наших подразделений, расположенное на правом фланге.

Внимание связного привлекла едва заметная в наступающих сумерках полоска неяркого света, исходящая откуда-то из-под земли. Осмотрелся. Перед ним вражеский блиндаж с пулеметным гнездом.

Находившиеся в соседнем окопе немецкие солдаты заметили матроса. Они

притаились, намереваясь взять Николая живым. Долбня метнул гранату. Она зацепилась за нависшие над землей ветви софоры и отскочила в сторону. Ударил немецкий пулемет. Матрос ответил очередью из автомата. Потом отбежал в угол сада и остановился перед высоким каменным забором. Пути к отходу не было. Долбня вернулся и решительно пополз прямо на пулемет. Его уничтожение стало теперь единственным выходом. Иначе - смерть. Иначе он не выполнит приказа своего командира и не сможет передать распоряжение, с которым уже проделал такой опасный путь.

Залег за большим валуном. Приготовил гранаты.

Первая из них разорвалась у цели. Несколько гитлеровцев полегло от автоматной очереди.

Нелегко одному вести сражение с большим количеством вражеских солдат. А что делать? Так или иначе, иного выбора у Долбни не оставалось.

В диске автомата кончились патроны. Перезаряжать некогда. Дорога каждая секунда, каждое мгновение. К счастью, есть еще наган! Из него матрос застрелил троих солдат. Потом, взвалив на плечи трофейный пулемет, связной двинулся по заранее намеченному маршруту выполнять приказ.

Часом позже он докладывал своему командиру:

- Ваше приказание выполнено. Попутно уничтожил семь, а может и больше фашистов и прихватил на память вот этот пулеметик. Стреляет отменно. На себе испытал.

В одной из атак серьезное ранение получил командир стрелковой роты. Командование принял, на Себя младший лейтенант Кирилл Дибров. Участник многих десантных операций, он без колебания взял на себя всю ответственность за исход сражения. Молодой офицер блестяще справился с задачей - повел роту вперед, личным примером вдохновляя бойцов на подвиг. Враг не выдержал, дрогнул и оставил занимаемый рубеж обороны.

В результате смелых действий в период керченской десантной операции лишь с 23 по 31 января 1944 года личный состав нашего батальона уничтожил более 2200 вражеских солдат и офицеров, 18 орудий разного калибра, 14 тяжелых минометов, 37 пулеметов и подавил около ста огневых точек. В плен попало около 170 гитлеровцев. Захвачено 23 орудия, 13 минометов, 41 пулемет, пять крупных складов с военным имуществом и боеприпасами, а также почти не поддающееся учету количество автоматов, винтовок и другого оружия.

Многие воины в этих боях были отмечены орденами и медалями СССР. А младшие лейтенанты Кирилл Дибров и Николай Кириллов удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В битве за Севастополь

В апреле 1944 года, когда Советская Армия стремительно преследовала гитлеровцев, отступавших на южную оконечность Крымского полуострова, мы отобрали из состава своего батальона наиболее проверенных в боях морских пехотинцев. Они составили специальную сводную роту, предназначенную для участия в штурме Севастополя. Возглавил роту старший лейтенант Вишнеvский.

Здесь, на рубежах, где в свое время мужественно сражались защитники черноморской твердыни, немцы соорудили еще более мощные укрепления, сконцентрировали вокруг города огромное количество войск, оснащенных всеми видами современного вооружения.

Двести пятьдесят героических дней сражались советские моряки и пехотинцы, сдерживая вражеские полчища на подступах к Севастополю. Двести пятьдесят дней, предпринимая штурм за штурмом, противник не мог сломить сопротивление отважных воинов. То было невероятно тяжелое время. Военная обстановка сложилась так, что враг все же вошел в город. Но ни один гитлеровский военный стратег не мог похвастаться, что сопротивление защитников Севастополя сломлено. Они держались до последнего.

И вот теперь нам предстояло снова встретиться с севастопольскими укреплениями, но уже находясь в боевых порядках штурмующих войск.

Наша сводная рота влилась в бригаду морской пехоты, перед которой стояла задача ворваться в город вместе с передовыми подразделениями наступающей Красной Армии, водрузить военно-морской флаг СССР на здании водной станции и организовать охрану материальных ценностей в освобожденном Севастополе.

Вот где сказался наступательный порыв, вот где со всей наглядностью проявились лучшие душевные качества людей, стремящихся к победе!

На вражеские позиции обрушился ураганный огонь нашей артиллерии и минометов всех калибров. И если немцы в свое время не могли за двести пятьдесят дней пробить брешь в советских укреплениях, то теперь исход боя решил один могучий, все сокрушающий удар.

Еще над полосами разгромленных вражеских укреплений не рассеялся дым от тысяч и тысяч разрывов, а бойцы с красными звездами на касках уже ринулись в предместья Севастополя, штыком и гранатой расчищая дорогу к центру города.

Вот мелькнула в дымной пелене знакомая фигура фотокорреспондента центральной флотской газеты "Красный флот" мичмана Бориса Шейнина. Перебегая от укрытия к укрытию, он выискивает с его точки зрения самые интересные моменты боя, чтобы запечатлеть их на пленку. Чувство меры, как всегда, изменяло Борису.

В погоне за наиболее выразительным и ярким кадром он готов встать под огнем во весь рост или, как подшучивают над ним друзья, оказаться на месте падения снаряда за минуту до взрыва.

Ох, уже эти неумные корреспонденты! И в боях за Новороссийск, и в керченском десанте, и тут, в Севастополе, они оказывались и оказываются на самых напряженных участках боя. Могли бы ведь и отсидеться в укромном месте. Так нет - лезут в самое пекло. Еще бы! Им нужны непосредственные впечатления.

Борис Шейнин делает снимок и спешит к горящим развалинам, у которых идет поединок советских автоматчиков с засевшими за каменным барьером гитлеровцами.

- Поберегись, мичман! - кричит кто-то фотокорреспонденту. - Убьют!

- Некогда, - отвечает тот на ходу и скрывается в дымящейся воронке.

Морские пехотинцы хорошо знают этого неутомимого труженика, влюбленного в свою профессию. Раз Шейнин тут, то в завтрашних газетах наверняка появятся снимки боя, вся страна узнает о подвигах, совершенных сегодня на славной земле легендарного Севастополя. Только бы глупая пуля не сразила отчаянного мичмана... Впрочем, о его судьбе сейчас думать не время. Мы в ответе за судьбу штурма, за освобождение города от ненавистных фашистов.

На броне танков и самоходных орудий десант морских пехотинцев врывается на знакомые улицы. Когда-то тут сражались Филипп Рубахо, Николай Кириллов и многие, многие бойцы и командиры нашего батальона. Только нынче улиц не узнать. На месте красавцев-домов лежат почерневшие от огня и копоти руины. Мостовая изрыта воронками. С уцелевших кое-где столбов свисают обрывки телефонных и электрических проводов. Безжалостный смерч войны прокатился по Корабельной стороне, Приморскому бульвару, по всем площадям и скверам. И все же Севастополь даже в эту пору был по-своему красив и величествен, несмотря на запустение и страшные руины.

Моряки прорвались на улицу Ленина. Сориентировались и стали пробивать себе дорогу к водной станции. Приходилось штурмовать каждый дом, каждый подвал. То здесь, то там в развалинах оказывались доты и дзоты. Их забрасывали гранатами, применяли уже отработанную тактику обхода с тыла.

Вот и улица имени Лермонтова. Отсюда до намеченной цели всего лишь один квартал. Но какой! Его не пройдешь, не проползешь на животе. Этот квартал можно только преодолеть с боем.

Старший лейтенант Василий Вишневский высылает два отделения в обход по берегу моря. Они помогут роте, когда начнется штурм городской водной станции со стороны площади. Однако в лоб, кажется, водную станцию не взять.

Перед ней два мощных дота. На их огонь идти бесполезно и бессмысленно.

На помощь морякам пришли артиллеристы-самоходчики. Грянуло несколько орудийных залпов, и вражеские доты прекратили стрельбу.

- Вперед!

У самого здания водной станции произошла короткая схватка. В окна и в амбразуры, проделанные в стенах, полетели гранаты. Моряки спрыгнули в траншею, быстро расправились с засевшими там немецкими пехотинцами и приступили к "очистке" двора и служебных построек.

Тем временем бойцы отделения главного старшины Ершова уже взбирались по крутой пожарной лестнице на крышу, над которой в дни торжеств когда-то развевались флаги расцвечивания.

В стену, в конек крыши впивались частые пули. Немцы заметили храбрецов и вели по ним сосредоточенный ружейно-автоматный огонь.

Очередь резанула по мачте, пересекла свисающий с нее фал. Тогда матрос Пивоваров подтянулся на руках и полез на мачту. Товарищи, как могли, пытались огнем из своих автоматов подавить неприятельских стрелков и хоть чуть-чуть обезопасить путь Пивоварову вверх.

Пивоваров схватил конец перебитого пулей фала и прикрепил к нему заветное полотнище.

Все готово. Главный старшина Ершов, строго соблюдая флотскую традицию, зычно подал команду:

- На флаг - смирно!

Матрос Пивоваров быстро перебирает руками фал, и военно-морской флаг СССР поднимается на иссеченную пулями и осколками мачту.

Моряки стоят под пулями, не шелохнувшись.

Флаг поднят.

Возле него остается часовой. Остальные спускаются вниз.

Главный старшина Ершов подходит к командиру роты и четко докладывает:

- Товарищ старший лейтенант, задание командования выполнено: военно-морской флаг Советского Союза поднят!

Где-то в стороне Херсонеса слышались частые раскаты взрывов, неумолчно тарахтели пулеметы и автоматы. То советские воины продолжали очищать последние километры Крымского полуострова от коричневой чумы.

Морские пехотинцы направились на звуки выстрелов.

Из оконца полуобвалившегося подвала несмело высунулась детская головка с всклокоченными русыми волосенками.

- Смотрите, пацан! - недоуменно и радостно воскликнул матрос с лихими казацкими усами. - Ишь куда запрятался. Как звать-то тебя?

- Свой! - вместо имени обрадованно выкрикнул мальчишка. - Свой я, дяденька... Понимаете, свой!

- Понимаю, - и крупная слеза скатилась по обветренной щеке черноусого матроса. - Все я, дорогой ты мой, понимаю. Вот добьем фрицев, приходи в гости... А пока - на, держи!

Матрос протянул мальчишке плитку шоколада из неприкосновенного запаса, десантника.

- Спасибо.

- Ешь на здоровье.

Постепенно грохот боя стихал. Лишь издалека доносились одиночные выстрелы да редкие хлопки гранатных разрывов.

Флаг свободы реял над городом моряков, городом мужественных тружеников, городом славы русского оружия.

Из Ялты сюда прибыла остальная часть нашего батальона морской пехоты. Личный состав немедленно приступил к детальному осмотру развалин и подвалов, "выковыривал" оттуда притаившихся, насмерть перепуганных гитлеровских молодчиков.

И верилось и не верилось... За отличное выполнение заданий командования на фронте, за ратные подвиги личного состава в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 29 мая 1944 года наш батальон награжден орденом Красного Знамени.

Все подразделения выстроились у штаба. Любо-дорого посмотреть на храбрых парней. Подтянутые, начищенные. Ярко сверкают на весеннем севастопольском солнце ордена и медали. Попробуй сосчитай их!

Торжественная тишина. В ней гулко звучит команда:

- Смирно! Равнение налево!

С трудом преодолеваю волнение. Выхожу вперед и отдаю рапорт командиру военно-морской базы капитану 1 ранга Андрею Михайловичу Филиппову.

Подразделения батальона, чеканя шаг, проходят перед развернутым полотнищем знамени.

Филиппов зачитывает Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении батальона орденом Красного Знамени.

- От имени Военного совета флота поздравляю вас с высокой правительственной наградой, - говорит капитан 1 ранга. - Выражаю уверенность в том, что в предстоящих боях батальон умножит свою славу.

Он прикрепляет к знамени орден.

Становлюсь на колени. Целую шелковое полотнище. Чувствую себя

скованно. Волнуюсь необычайно. А грудь так и распирает от радости. Хочется схватить знамя, поднять его высоко над головой и ринуться впереди батальона в пекло самого жаркого боя. По лицам моряков догадываюсь, что все они разделяют мои чувства, что они готовы, не медля ни секунды, идти на новые схватки с врагом.

Все происходит словно в тумане.

Гремит дружное "ура". В нем звучит радость за свой 393-й отдельный Новороссийский Краснознаменный батальон морской пехоты.

Да, с такими людьми можно смело идти в самые жаркие бои, сражаться до полной победы над черными силами гитлеровской нечисти.

Гибель тральщика

Далеко на западе гремела война. До нас ее отзвуки до- ходили вместе со сводками Совинформбюро. Разрушенный Севастополь жил относительно спокойно, если, конечно, так можно назвать будни города, в котором днем и ночью продолжалось своеобразное наступление на развалины. Люди разбирали завалы, ремонтировали дома, по мере сил и возможностей создавали нехитрый уют, который сродни фронтовому.

Отголосками недавних боев время от времени раздавались глухие взрывы саперы обезвреживали оставленные гитлеровцами мины и фугасы. Водолазы очищали фарватер и бухты от многочисленных взрывных устройств акустического и магнитного действия.

Наш батальон нес охрану побережья. Хотя сама война и далеко, но в водах Черного моря рыскали вражеские подводные лодки и другие корабли, базировавшиеся в Констанце, Варне и Бургасе.

- Скучновато, нести гарнизонную службу, - признался мне младший лейтенант Николай Кириллов. - Хотя и люблю я всей душой Севастополь, сражался здесь еще во время обороны, да хочется скорее покончить с этой трижды проклятой войной.

Не понять его было нельзя. Я сам тяготился длительным нахождением в глубоком тылу. Со дня на день ожидал приказа отправиться в новый десант. Только с приказом кто-то медлил, и мы продолжали скучную службу вдали от настоящих событий. Конечно, скука была понятием относительным. Моряки, улучив свободное время, спешили в город, помогали местным жителям и прибывшим со всех концов страны строителям восстанавливать свой любимый город. Работали до изнеможения. Но иначе не могли. Каждая пара рук в ту пору была нужна.

Несли сторожевую службу, трудились на строительстве и ждали, ждали приказа.

Он поступил 27 августа 1944 года. Радость охватила каждого бойца, каждого офицера.

Слышались бодрые возгласы:

- Вперед - на запад!

- Даешь Берлин!

На следующий день все подразделения батальона погрузились на корабли.

Матросы пытались угадать маршрут следования. Одни предполагали, что нас прямым ходом доставят куда-либо на побережье, занятое врагом. Другие торопили события и хотели видеть в рядах войск, штурмующих Берлин, бойцов в форме морской пехоты и обязательно при развернутом знамени... Одним словом, догадкам не было конца.

Прибытие в Одессу разочаровало всех.

- Как бы не снова на гарнизонную службу, - горько усмехнулся Кирилл Дибров.

- Не вешай носа! - ободрил я младшего лейтенанта. - Тебе, Герою Советского Союза, сентиментальничать не положено.

Кирилл ничего не ответил.

- Будем еще в бою, не горюй преждевременно.

- Это точно? - оживился Дибров.

- Раз говорю, значит, точно. И больше ни о чем не расспрашивай.

- Есть не расспрашивать! - широко улыбнулся Кирилл и заспешил к своему взводу.

Мы временно разместились в одесском парке имени Тараса Шевченко.

Велась обычная в данных условиях политико-массовая работа. В партийную организацию батальона поступали десятки заявлений о приеме в партию Ленина. Обращало внимание, что содержание заявлений несколько изменилось. Если раньше морские пехотинцы писали лишь о том, что хотят бить врага, находясь в рядах партии, то теперь все чаще и чаще встречались ссылки на конкретные примеры, достойные подражания. Моряки хотели быть в бою похожими на лучших воинов-коммунистов. "Идя в бой, - говорилось в одном из заявлений, - хочу быть коммунистом и бить ненавистных гитлеровцев так, как подобает члену партии большевиков, как били их герои нашего батальона..." Приводились эпизоды боев, имена прославленных воинов. Это отлично! Значит, в батальоне появились свои традиции, ставшие непреложным законом воинского поведения, понимания своей роли и места в любой из предстоящих схваток с врагом.

Команду о погрузке все встретили с небывалым энтузиазмом. Не спрашивали, куда? И бойцы, и командиры хотели лишь одного - скорее встретиться с врагом.

Представитель штаба сообщил мне, что конечный пункт следования Констанца, довольно крупный румынский порт, недавно освобожденный советскими войсками. Там уже сосредоточено большое количество наших торпедных катеров, "морских охотников" и других быстроходных плавсредств, на которых подразделения морской пехоты должны ворваться в порты Варна и Бургас, взять на abordаж стоящие там немецкие корабли и развивать операцию по захвату портовых сооружений.

- Люди вашего батальона наиболее опытны в делах такого рода, - заметил в конце представитель штаба. - Поэтому вам и поручается это задание.

Он собрался было уходить, но помедлил и добавил:

- Штабу рекомендуется разместиться не на флагманском корабле.

- Почему?

- Видите ли, вокруг рыщут вражеские подлодки... Во всяком случае не привлекать к себе внимания намного лучше.

- Благодарю за совет.

- Считайте его распоряжением.

- Есть.

Без спешки и суеты погрузились на корабли. Штаб батальона, разведывательный и саперный взводы, связисты и санитарная служба разместились на тральщике "Взрыв". Он шел в кильватерном строю третьим.

Истосковавшиеся по настоящему делу люди собирались на верхней палубе, оживленно переговаривались.

Вот послышался басистый перебор ладов. Баян разнес над морем знакомую всем мелодию песни о Цезаре Куникове.

По одному, а потом дружно зазвенели молодые голоса:

Море за кормою яростно ревет,

Катера с десантом держат куре вперед.

Ночью над Мысхако шел девятый вал

Куников с отрядом берег штурмовал.

И весь корабль подхватил бодрые слова припева:

Вперед! Смелее, хлопцы!

За мною, черноморцы!

В атаку краснофлотцев

Герой-майор, ведет.

Орлы-новорооссийцы,

Народ вами гордится,

И слава боевая десанта не умрет.

Песня лилась, набирая, силу. Она повествовала о трудных боях, о самом дорогом и заветном.

Перед жарким боем сам майор вручил

Моряку Потере пулемет "максим".

С ним героически дрался в октябре наш флот,

Из Ростова фрицев гнал тот пулемет.

Снова припев - боевой, решительный. Он оборвался на высокой ноте, уступив место песенному повествованию об истории батальона:

Мы давали клятву партии родной

Биться беспощадно с черною ордой.

И в огне жестоких, яростных атак

Вел вперед матросов коммунист-моряк.

Песня напоминала о незабываемом, звала на новые подвиги, наполняла молодые сердца мужеством и отвагой.

Под Новороссийском жаркий бой идет.

Куников отряд свой в этот бой ведет.

Там в огне пылает Малая земля,

Но остановиться нам, матрос, нельзя!

Пели не только на тральщике "Взрыв". С палубы следовавшего впереди корабля морской ветерок доносил волнующие своей простотой и правдой слова:

Вперед! Смелее, хлопцы! За мною, черноморцы!

Наверное, в эти минуты каждый из нас вспоминал всегда спокойного, отзывчивого и очень храброго майора Куникова.

Вспоминал бои за Станичку, схватки с немецко-фашистскими извергами на улицах Новороссийска. Керчь-Феодосия... Севастополь... Все прошло перед мысленным взором людей, не знающих страха, беспощадных к врагу.

"Вот и дождались счастливого времени, - подумал я. - Можно считать, что самое страшное позади... Скоро, очень скоро наступит долгожданная победа".

Переход много времени не занял. Рассвет 2 сентября застал нас на траверзе Констанцы в пятнадцати милях от берега. Отряд советских судов встретил румынский эсминец "Фердинанд", который в соответствии с инструкцией должен был сопровождать наши корабли в порт.

Все казалось спокойным. Сигнальщики обменивались приветствиями, матросы махали друг другу руками и бескозырками. И вдруг произошло нечто неожиданное. Два сильнейших удара сотрясли тральщик. По палубе и корабельным надстройкам метнулось жаркое дыхание пламени. Все затряслось, закачалось, стало рушиться. От резкого толчка я потерял ориентировку. Стало невыносимо душно и жарко. Голова кружилась. На какое-то мгновение все провалилось, исчезло. Потом резкая боль пронзила тело. Эта боль почему-то казалась холодной. Да, да - холодной... Такое непонятное ощущение пришло как-то сразу. Я понял, что оказался в воде и медленно погружаюсь в пучину.

Превозмогая туманящую сознание боль, сделал несколько отчаянных гребков руками. Тиски, сжимавшие голову, ослабли. Я вдохнул воздух и осмотрелся.

В нескольких десятках метров от меня горел изувеченный тральщик. Линия пожара все приближалась к воде. Значит, судно тонуло. У его бортов и поодаль плавали дымящиеся обломки. Между ними виднелись головы людей. Одни сильными взмахами разгребали волны, стремясь быстрее отплыть от опасного места, другие беспомощно хватались за плавающие предметы. Видимо, среди этих людей было немало раненых и контуженых.

Понимая, что вот-вот гибнущий тральщик совершенно уйдет под волны, и на месте его затопления неминуемо появится гибельная воронка гигантского водоворота, я рванулся в сторону и успел проплыть метров пятьдесят прежде, чем "Взрыв" окончательно погрузился на дно. С болью в сердце я видел, как в пенистой круговерти воды исчезают раненые товарищи. Уцелели лишь те, кто успел отдалиться от места катастрофы.

Силы окончательно покидали меня. Попробовал пошевелить в воде ногами - не слушаются. Руки и лицо, по всей видимости, слишком сильно опалил огонь. Соленая морская вода, попадая на жженные раны, причиняла резкую боль.

Неподалеку покачивались на волнах куски дерева, разные ящики, сброшенные взрывной волной с палубы тральщика. Попробовал доплыть до них - сил не хватило.

Слева глухо рокотали фонтанные брызги. Это наши катера бросали глубинные бомбы, пытаясь поразить подводную лодку врага, которая торпедировала советский корабль.

Пытаюсь сосредоточиться, оценить обстановку. Тут сказалась давняя привычка разведчика в любых условиях осмыслить создавшееся положение.

По всей вероятности, подводная лодка намеревалась дать торпедный залп по флагману. Минный заградитель "Фердинанд", наверное, перекрыл его своим корпусом, и тогда немецкие подводники направили удар на второе по величине судно.

Впоследствии стало известно, что в наведении подводной лодки на цель большую роль сыграла немецкая военная разведка. Что ж, надо отдать должное противнику. На протяжении всей войны мы имели дело не с наивными новичками, а с вполне подготовленным, сильным и хитрым врагом. И это требовало от нас бдительности, неуклонного повышения боевого мастерства, совершенствования приемов и методов борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Тем почетней и дороже достигнутая победа.

Но в ту пору, еще не зная ничего определенного, я мог лишь теряться в догадках.

Ко мне медленно подплывал раненый матрос. Почему-то запомнились только его глаза - голубые, полные ужаса. Он смотрел не на меня, а в сторону на воду за моими плечами. Что он там видит? Я обернулся. Вода была багровой от крови.

- Товарищ командир, здорово задело? - осведомился матрос. - Крови-то сколько!

- Может, не моя? - усомнился я. - Ног вот совсем не чувствую.

- А меня в грудь бабахнуло, - сказал матрос, помогая мне ухватиться за переплет деревянного ящика. - Печет сильно.

Подтянувшись, я поднял руки, чтобы хоть на минуту облегчить боль.

Кисти моих рук почернели. Из многочисленных трещин в коже сочилась кровь. Матрос бледнел прямо на глазах.

- Плохо тебе? - спросил я.

- Хуже стало, - хрипло проговорил тот. - Грудь, грудь печет... Сил больше нет.

Его ослабевшая рука сорвалась с ящика. Матрос скрылся под водой, но тотчас появился на поверхности. Я помог ему получше взяться за доску.

- Держись.

- Держусь...

Вскоре он вновь выпустил доску и погрузился под воду. Я мог только ждать его появления на поверхности - нырнуть за ним не было сил. Однако матроса я так больше и не увидел.

Осмотрелся вокруг. Поблизости ни души.

Прибывшие из Констанцы катера вылавливали плавающих. В мою сторону никто даже не смотрел. Я очутился вдалеке от общей массы людей, покинувших гибнущий тральщик.

Корабли нашего отряда под прикрытием "морских охотников" быстро уходили в направлении берега.

Один из катеров описывал круги над местом гибели "Взрыва". С его бортов матросы вглядывались в плавающие обломки, видимо, пытались разглядеть, нет ли где среди них человека. Меня не замечали.

Катер прошел еще раз-другой взад и вперед, развернулся и, кажется, намеревался уйти. Я не сводил с него глаз. Ведь с катером уходила последняя надежда на спасение. Крикнуть, позвать на помощь... Но где взять сил?

На счастье, меня заметили. Обходя плавающие ящики и бочки, катер медленно приблизился. С борта мне подали длинный шест. Я ухватился за него окровавленными руками, но шест выскользнул. Я погрузился, хлебнул воды и почувствовал, что больше выплыть на поверхность уже не смогу.

Сознание вернулось, когда меня поднимали на борт.

До слуха доносились незнакомые и в то же время такие родные голоса:

- Осторожнее!

- Держи за поясной ремень.

- За ноги удобней...

- Где они, те ноги, не видишь, что ли?

Никак не мог понять смысла слов. Наверное, говорили не обо мне... Лежал на палубе и радовался окончанию самой страшной из мук - неизвестности. Теперь я среди своих. Не погибну! Свои... Тот мальчишка в Севастополе тоже считал это слово самым главным в жизни. Теперь я понимал, почему он забыл свое имя, почему не мог ничего произнести, кроме этого короткого, но такого значимого слова.

Слышу:

- Слева по борту перископ!

Раздаются какие-то команды. Частый топот ног. Гулко застрочили крупнокалиберные пулеметы. По содроганию корпуса и тяжелым ударами воды, поднимаемой взрывной волной, догадываюсь, что в ход пошли глубинные бомбы.

Встреча с подводной лодкой врага меня больше не страшила. "Буду жить! Буду жить! - мысленно твердил я. - Кругом свои. Теперь ничего не страшно".

Уже будучи в госпитале, я узнал много деталей трагической гибели тральщика. На его борту находилась и отважная разведчица Зина Романова. Когда корабль стал погружаться, матросы ринулись с его бортов в воду и поплыли подальше от опасного места. Зина же стояла на палубе и лишь смотрела на происходящее.

Ей крикнули:

- Зина, прыгай! Девушка не шелохнулась.

- Да прыгай же ты!

Она безнадежно махнула рукой.

Только тут товарищи вспомнили, что бесстрашная разведчица, участница многих смелых операций в тылах гитлеровских войск совершенно не умела плавать.

Михаил Фомин подбежал к Романовой и поднял ее на руки.

- Ребята, держите! - выкрикнул он и бросил Зину за борт.

Сильные руки удержали ее от погружения. Матросы окружили в воде девушку и, поддерживая ее, поплыли в сторону.

До подхода катеров более выносливые моряки помогали товарищам, отыскивали слабых и раненых, подтягивали их к плавающим ящикам и обломкам корабельных надстроек. Дружба, взаимовыручка на этот раз спасли жизнь многим морским пехотинцам.

Обо всем этом мне рассказали уже в госпитале.

Врачи осмотрели мои раны. Левая нога была перебита в колене. Правая - в трех местах в ступне. Началась газовая гангрена. Серьезные опасения вызывали также сильные ожоги рук и лица.

- С левой ногой придется расстаться, - покачал головой румынский полковник медицинской службы, помогавший советским врачам. Он превосходно говорил по-русски, и только форма свидетельствовала о принадлежности этого хирурга не к нашей армии.

В приемном покое с нетерпением ждали результатов обследования мои боевые друзья Герои Советского Союза Кирилл Дибров и Николай Кириллов. Узнав о предстоящей ампутации, они всполошились.

- Не представляю себе Николая Васильевича Старшинова без ноги, - все еще не верил в возможность ампутации Дибров. - Ему еще воевать надо.

Дибров и Кириллов добились свидания со мной.

- Ничего не попишешь, - мрачно констатировал я в ответ на их вопросительные взгляды. - Стану, ребята, инвалидом.

- Не спешите с выводами, Николай Васильевич, - совсем не по-военному пытался успокоить меня лейтенант Кириллов. - С минуты на минуту прибудет наш флагманский хирург майор Сарафьян. Он уже вылетел в Констанцу на специальном самолете.

Однако и майор медицинской службы ничего обнадеживающего сказать не мог. Передал привет от командующего Черноморским флотом Филиппа Сергеевича Октябрьского и члена Военного совета флота Ильи Ильича Азарова. Потом еще раз осмотрел раны и в категорической форме заявил:

- Хотите вы того или нет, а одну ногу на войне придется оставить.

- Как же без ноги?

- Вы, дорогой мой, и посложнее испытания видели, - вставил только что прибывший в Констанцу начальник санитарного отдела Черноморского флота генерал-майор медслужбы Квасенко. - Как бы там ни было, а к операции надо готовиться. С газовой гангреной не шутят.

Всю ночь я не мог уснуть. Несколько раз к постели подходил неотлучно дежуривший в палате матрос Павел Потеря.

- Не спите? - спрашивал он.

- Нет.

- Надо спать.

- Постараюсь.

Утром я ответил врачам:

- К операции готов.

Лежа на операционном столе, я вспоминал своих боевых друзей, погибших

при торпедировании тральщика "Взрыв". Замечательные были люди, превосходные воины! Это заместитель командира батальона по политической части капитан Ершов, парторг старший лейтенант Тетеревенке, начальник финансовой части старший лейтенант Шаров, помощник начальника штаба лейтенант Морозов и многие, многие очень хорошие люди, которые все делали для победы, но теперь не смогут увидеть ее торжество.

После моего ранения командование батальоном временно принял командир 1-й стрелковой роты старший лейтенант Воробьев. Он, конечно, справится с делом. Справятся и другие. Но каково мне без ноги!

Операция прошла успешно.

Пока я лежал в констанцком госпитале, меня часто навещали товарищи. Тут я встретился и с вновь назначенным на освобожденную мною должность майором Антоном Александровичем Бондаренко. Он прославился еще в боях за Одессу и Севастополь. Мне было приятно, что такой отважный человек стал преемником замечательных традиций личного состава нашего орденосного батальона морской пехоты. Хоть война и подходит со всей очевидностью к концу, как знать, не придется ли нашим ребятам еще крепко сцепиться с огрызающимся врагом? Что ж, если надо, они не посрамят чести советской морской пехоты.

Однажды в тихое солнечное утро в палату робко вошла девушка-сержант Зинаида Романова.

- Что так несмело? - поманил я ее к себе. - Да и вид у тебя вроде необычный. Какая еще радость нагрянула?

О том, что известие может быть только радостным, свидетельствовало сияющее личико миловидного сержанта. Маленького росточка, шупленькая на вид, Зина Романова была отважной разведчицей, выносливым бойцом. Всегда шустрая и задиристая, она на этот раз почему-то отличалась не свойственной ей робостью.

- Ну, выкладывай, - нарочито строго сказал я.

- Можно неофициально? - покраснела девушка.

- Что за вопрос? Мы ведь не в строю.

- Понимаете, - запинаясь, начала она, - пришла к вам, как к отцу... Раньше, говорят, благословение брали. Вот и я... одним словом, выхожу замуж.

- И кто же твой суженый?

- Лейтенант Панин. Вы его не знаете, он к нам с пополнением прибыл. Знаете, он такой...

- Коли так, - остановил я девушку, - давай сюда своего лейтенанта. Пусть представится, как положено, по всей форме.

... Свадьбу играли весело. Она стала как бы первой весточкой близкого

мира, заставила людей вспомнить о том, что есть у них дела и кроме войны.

В просторный зал батальонного клуба меня принесли на носилках.

Герои Озерейки, Станички, Новороссийска называли меня не по званию, а отцом, по имени и отчеству.

Смотрю на знакомые лица ребят. Смотрю и радуюсь. Вот старший матрос Капитон Плакунов о чем-то увлеченно беседует со старшиной Алешичевым. Борис Беньковский просит Павла Потерю рассказать о своем легендарном "максиме", из которого красногвардейцы стреляли при штурме Зимнего.

- А что я могу рассказать? - улыбается отважный пулеметчик. - Пусть мертвые фрицы своим потомкам рассказывают.

Зина знакомит жениха с Галиной Ворониной и Валею Пшеничной. Какие они сегодня все красивые. Раньше как-то не замечал. И нежные... Неужели это та самая Валя, которая в боях за Керчь подала заявление в партию? Прямо-таки не верится.

- Горько! - раздается голос Николая Кириллова.

Зина еще больше смущается.

- Горько! - вторит другу Кирилл Дибров.

- Зиночка, - обнимает девушку жених, - раз два Героя Советского Союза, настаивают, противиться нельзя

- А я не возражаю, - краснеет Зина. Они целуются.

Счастливая невеста обнимает и целует своих боевых друзей,

- Зинка, не балуй, - пытаюсь придать голосу строгость, отстраняет ее Николай Кириллов. - А то еще ревность у твоего милого проснется, на дуэль вызовет.

- Жаль, губной помады нет, - смеется в ответ Романова, - а то бы я вас всех пометила. И снова тосты, снова традиционное:

- Горько!

Эта свадьба запомнилась мне на всю жизнь, как самый веселый день после прожитого и пережитого на войне.

Здравствуй, завоеванный мир!

Трудно лежать в госпитале, когда твои товарищи по оружию продолжают громить врага, победным маршем идут на запад, приближаясь к логову фашистского зверя. С госпитальной койки я пристально следил за событиями, за боевым путем своего родного батальона.

В первых числах сентября из состава батальона были выделены два штурмовых отряда для высадки в Варне и Бургасе. Морским пехотинцам предстояло захватить эти порты и удерживать их до подхода частей Советской Армии, наступающих вдоль побережья.

Отряды возглавили старший лейтенант Воробьев и лейтенант Огнев.

Морские пехотинцы прибыли на место посадки в самолеты. На воде они увидели две огромных летающих лодки.

- Капитан Агегьян, - представился командир первого корабля.

Он тут же распорядился начинать посадку.

Взлетели. До самой Варны летающие лодки шли в сопровождении истребителей.

Капитан Шаэн Агегьян успел рассказать Воробьеву о сложности этого задания. Дело в том, что наши войска стремительно продвигались на запад, устойчивой связи со штабом не было. - Короче говоря, - заключил летчик, - никто не знает, есть в Варне немцы или нет. Рискнем и сами все проверим.

По многочисленным боевым наградам на кителе капитана можно было без труда догадаться, что он много раз рисковал и проверял.

Опытный пилот вывел машину точно в назначенную для посадки точку.

Вторую летающую лодку не менее искусно пилотировал капитан Константин Князев.

Сделав три круга над городом, машины пошли на посадку. Для этой цели избрали широкое озеро.

Казалось странным, что ни одна вражеская зенитка не открыла огня. Не ловушка ли?

Смеркалось. Гидросамолеты приводнились и подрулили к берегу. Со стороны города показалась плотная колонна. Она двигалась прямо к месту высадки десанта. Отряд развернулся по фронту и приготовился вступить в бой.

- Без команды не стрелять! - передавалось по цепи.

Колонна приближалась. В густеющем сумраке трудно было различить ее ряды. Все сливалось в темную массу.

Десантники выжидали. Напряжение росло. Все невольно вздрогнули, когда совершенно неожиданно прозвучал в тишине голос:

- Братья славяне! Так это же не фрицы... Гляньте, идут с самыми, что ни на есть настоящими цветами.

В самом деле, в руках приближающихся людей можно было различить пышные букеты цветов.

Когда люди подошли ближе, морские пехотинцы увидели их одежду - одежду самых обычных мирных жителей.

Произошла незабываемая встреча советских воинов-освободителей с населением Варны. Оказывается, гитлеровцы вывели из города все войска. Остались лишь какие-то специальные подразделения.

- Возможно, для ликвидации наиболее важных в стратегическом отношении объектов, - предположил старший лейтенант Воробьев и тут же

разбил отряд на три группы.

Одной из них было приказано взять под контроль гидроаэродром и склады. Две другие направлялись в порт и город.

Лейтенант Щербаков повел своих бойцов в порт. Здесь их встретили болгарские рабочие, успевшие арестовать нескольких офицеров, осведомленных о расположении минных полей и местах затопления немецких судов.

Десантники зажгли маяки и створные огни для приема советских кораблей в порту Варна. Навстречу кораблям в море вышел болгарский тральщик.

Рабочие порта показали морским пехотинцам все заслуживающие внимания объекты. Наши караулы появились у складов с боезапасом и военным снаряжением, которые не успели уничтожить отступающие части немецкой армии.

Мирные жители повсеместно радушно встречали советских воинов-освободителей. Завязывались знакомства. Не беда, что в беседах друг с другом люди понимали не все слова. Новые друзья обходились без переводчиков. Общим языком для всех было единство взглядов. Ненависть к фашизму роднила людей, определяла их отношение друг к другу.

Не менее приветливо, чем в Варне, встретило население Бургаса бойцов отряда лейтенанта Огнева. Цветы, дружеские рукопожатия. И улыбки, улыбки...

За период войны как-то само собой сложилось выражение - "братья-славяне". Так советские воины обобщенно называли своих друзей по оружию. Теперь же так стали величать и болгар.

- Не поймешь, кто из нас нынче славяне? - недоумевал любящий порассуждать Павел Потеря.

Да, старое выражение обрело новый смысл. Собственно, даже не обрело. Время уточнило значение слов. Народы-братья почувствовали взаимную симпатию, которая слагалась веками, несмотря ни на какие козни и повороты истории.

Военная судьба привела наш батальон к относительно тихой и в то же время беспокойной службе. Морские пехотинцы занимались отправкой по прежним адресам награбленного гитлеровцами имущества, несли вахту на маяках и береговых батареях, охраняли отвоеванное у врага побережье.

Прибыло новое пополнение. Его с первых же дней воспитывали на славных боевых традициях нашей Краснознаменной части, учили на многочисленных примерах отношения к воинскому долгу и беззаветной любви к матери-Родине. Отлично была поставлена военная учеба в подразделениях лейтенантов Емельянова, Виноградова, Еремеева и многих других. Большую работу по политическому воспитанию воинов на ленинских принципах дружбы народов и пролетарского интернационализма осуществляли политгрупповоды

офицеры Бородинский, Емельянов, Авсянкин.

По вечерам, когда в городе несколько стихал шум рабочего дня, советские воины и местные жители часто собирались вместе. Возникали импровизированные концерты художественной самодеятельности. Эх, лихо плясали на них и пели старшие матросы Волоха и Постригань, матросы Кручинин и Чаплиев.

- Артисты, - называли их товарищи.

А ведь сравнительно недавно это слово добавлялось к именам Бориса Жукова, Владимира Сморжевского, Филиппа Рубахо и многих, многих других разведчиков, которые артистически громили врага, умели с честью и, как говорится, красиво выйти из самого, казалось бы, безвыходного положения. Что ж, другое время другое отношение к слову. В любом случае это здорово!

9 мая 1945 года...

- Поднимайтесь! - раздался необычно радостный голос дневального, забывшего от волнения слова уставной команды. - Вставайте, "морские призраки"! Победу проспите.

Из репродукторов доносился торжественно-приподнятый голос Левитана.

- Что, что он сказал? - теребил товарища за рукав позже всех проснувшийся матрос. - Будь другом, повтори.

Тот, почти слово в слово, передал:

- В ознаменование окончания Великой Отечественной войны Советского Союза, закончившейся нашей полной победой над фашистской Германией, день 9 мая считать днем всенародного праздника - Днем Победы. Ясно?

- А то нет? Ура, морячки!

Раскаты русского "ура" неслись над утренней Констанцей.

До чего же многообразны оттенки звучания этого слова! В бою-оно грозное, заставляющее трепетать врагов. На парадах торжественно-суровое, наполненное уверенностью в своих силах. Теперь же несло "ура" ликующее, радостное, вселяющее в сердца неизъяснимую теплоту, говорящее о щедрости русской души.

- Ура!

- Победа!

Ликование охватило всех.

Ветераны Великой Отечественной войны, отважные защитники Одессы и Севастополя, герои боев за Новороссийск и Керчь, люди, не раз смотревшие смерти в глаза, плакали от радости.

В воздух взвились сотни разноцветных ракет. Отовсюду слышалась стрельба. Каждый без команды салютовал своим доблестным братьям по оружию, всему советскому народу-победителю.

- Конец войне!

- Ура!

В городе - торжественный митинг.

Цветы, улыбки, слезы радости.

Чеканя шаг, проходят бойцы 393-го отдельного Новороссийского Краснознаменного батальона морской пехоты. Это они находились на самых трудных участках боев, отгремевших в Крыму и на черноморском побережье Кавказа. Морские пехотинцы батальона за время боев уничтожили и взяли в плен в общей сложности до восьми тысяч вражеских солдат и офицеров, вывели из строя или захватили в качестве трофеев много немецких танков, артиллерийских орудий, минометов, пулеметов, складов с военным имуществом и боеприпасами.

- Прощай, Констанца!

- Домой!

Пожалуй, в этих радостных возгласах и заключалась заветная мечта каждого, кто шел в бой, сражался с врагом не щадя своей жизни. Многим, очень многим недовелось произнести этих слов, увидеть этот день. Скромные братские могилы, оставшиеся на всем пути боевых действий батальона, хранят суровое молчание. И те, кто встретил в строю День Победы, понимают: им предстоит не отдыхать от фронтовых тревог, а трудиться, трудиться за себя и за павших смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей великой Родины.

Именно такой наказ дали сослуживцы ветеранам боев, уходящим в запас. Пусть слава орденосного батальона, слава героев-черноморцев разнесется по всей стране, станет цементирующей силой в рабочих бригадах и колхозных звеньях, поднимется на леса новостроек, растущих на испепеленной, истерзанной войной земле.

Пусть слава боевая воплотится в делах мирных дней великого созидания.

Да, добрая слава имеет свое начало, имеет продолжение, но нет у "ее конца...

Самое заветное

Ночь над морем.

Причудливые россыпи ярких звезд сверкают на высоком безоблачном небе.

Далеко-далеко звезды спускаются к самому морю, к невидимому в темноте берегу.

- Упала, - слышу рядом бархатный неокрепший басок юноши. - Загадай на счастье.

- Уже загадала, - доносится девичий голос. - Загадала, чтобы всегда-всегда

быть вместе и никогда не разлучаться.

Смотрю по направлению взоров молодых людей. Падающая звезда прочертила тоненькую огненную линию и исчезла. В том краю, где растаял ее след, в свое время лежал берег неизвестности. Вот так же ночью, только при других обстоятельствах, мы шли к нему на быстроходных катерах, вглядывались в сумрак и пытались угадать, где расположены вражеские огневые точки, не встретит ли нас берег шквалом огня и металла? К морю подступали улочки Станички. Теперь она именуется Куниковкой - в честь Героя Советского Союза Цезаря Львовича Куникова, командира батальона морской пехоты, с которым связана вся моя военная биография.

Нас называли "морскими призраками". Мы высаживались в немецких тылах, громили вражеские гарнизоны, совершали диверсии на коммуникациях гитлеровцев. Многие отважные разведчики не вернулись домой, не встретились с любимыми девушками, не смогли полюбоваться красотой падающих над морем звезд. Они отдали свою жизнь за счастье и мир, за то, чтобы вот такие юноши и девушки могли с борта комфортабельного теплохода смотреть в мирное безоблачное небо, думать о самом заветном, мечтать о будущем. А оно, конечно, может быть у них только прекрасным.

В тревожные военные ночи Севастополь, Новороссийск, Керчь встречали наши катера заревом пожаров. Еще не видно берега, а огонь уже плясал над волнами, ложился зловещими бликами на сосредоточенные лица людей в форме морских пехотинцев.

И нынче над Новороссийском зарево. Его видно с моря. Десятки тысяч электрических огней весело отсвечивают яркими переливами, озаряют спокойным светом мирные черноморские воды, из которых сегодня не может показаться пенистый след вражеского перископа.

Над городом мерцают тихие звезды. Они спускаются к отрогам гор, свисают гирляндами блесков над улицами, и не поймешь, где там звезды, где электрические огни. Хорошо! За это мы тоже сражались.

- Знаешь, что здесь происходило, когда нас с тобой ещё не было на свете? снова слышу голос юноши. - Тут такое творилось... Читала книгу?..

- Не надо про войну, - вкрадчиво просит девушка. - Страшно.

Молчу и думаю. Мысленно вижу ее сверстниц Нину Марухно, Зину Романову, Аню Бондаренко... Наверное, им тоже было страшно. Но они шли в разведку, участвовали в дерзких десантах, и всем казалось, что чувство страха девушкам неведомо. Такое было время. Быть может, и эта робкая девушка, родись она раньше, совсем бы иначе смотрела на вещи.

Невольно вспоминаются события давно минувших лет. Тогда, в феврале 1943 года, около трехсот храбрецов зацепились за сплошь заминированный и

сильно укрепленный берег, повели наступление в глубину вражеской обороны и обеспечили плацдарм для новых сил морского десанта.

Немецкое командование бросило на советских морских пехотинцев танки и самоходные орудия, ввело в действие авиацию. К месту схватки подходили все новые и новые силы вражеской пехоты. Но черноморцы выстояли, не дрогнули. Теперь на берегу, когда-то называемом Малой землей, стоит обелиск. В центре Новороссийска на площади Героев высятся памятники командиру нашего отряда Цезарю Львовичу Куникову и командиру 4-го дивизиона "морских охотников" Николаю Ивановичу Сипягину. Это он высаживал тогда десант, руководил смелыми действиями команд малых быстроходных кораблей, которые смело врывались в воды, контролируемые противником, шли на огонь береговой артиллерии и крупнокалиберных пулеметов.

Все это происходило в прошлом, когда Советская Армия вела смертельную схватку с врагом. Потом воины разъехались по домам, с головой окунулись в кипение восстановительных будней и снова, как в период грозных боев, забыли обо всем, кроме главной цели. А этой целью было возрождение разрушенного войной народного хозяйства.

Минула еще одна трудная для нашей Родины пора. На месте пепелищ встали кварталы новых домов. Плуги распахали воронки и траншеи. Зазеленели опаленные рощи. Подросло молодое поколение - смена тем, кто прошел через горнило трудных испытаний.

И только тогда мы вспомнили о былом. Командир одной из боевых групп нашего отряда Иван Васильевич Жерновой списался с друзьями военных лет, при помощи директора Геленджикского краеведческого музея Александры Аветисовны Колесниковой отыскал адреса многих морских разведчиков.

У меня установилась переписка с бывшим артиллерийским корректировщиком Николаем Воронкиным, со старшиной Николаем Алешичевым, с десятками боевых друзей, героями Малой земли и штурма Новороссийска.

Совсем недавно получил письмо с незнакомым адресом - из Калининграда. "Дорогой наш комиссар и командир! Дорогой друг Николай Васильевич! Докладывает вам разведчица Зинка Романова, теперь Панина.

Живу в Калининграде. Работаю вместе с мужем. Вы его вероятно помните. Еще в Констанце приводила его к вам в палату на доклад "по всей форме". А потом свадьба... И результат ее таков: у меня три сына. Старший уже офицер. Средний учится в институте. Младший заканчивает десятый класс.

Семья у нас дружная, как в 393-м отдельном Новороссийском Краснознаменном батальоне морской пехоты. Один за всех и все за одного.

Милый мой посаженный отец, вспоминайте иногда Зинку Романову. А я

своих друзей никогда-никогда не забуду. И если потребуется, снова готова идти в разведку. И каждый в нашей семье готов постоять за мир, который так трудно достался советскому народу".

Зина писала обо всем, что ее волнует и радует. Читал я ее письмо и дивился - не стареют ведь душой люди, прошедшие горнило жестоких битв. Есть в их закалке нечто упрямое, вечно молодое. Эта черта характера неистребима.

И вот я направляюсь в места, связанные с опаленной войной молодостью.

Теплоход приближается к Новороссийску.

Над ласковыми волнами Черного моря поднимается зарево электрических огней. Их отсветы ложатся на гребешки медленных волн и переливаются мириадами веселых, искристых бликов.

Утром в Геленджике произойдет волнующая встреча морских пехотинцев, воевавших на этой земле. Подобно мне, они спешат нынче отовсюду на кавказское побережье и, конечно же, думают о тех днях, когда такая встреча могла казаться только заманчивой, несбыточной мечтой.

Пытаюсь себе представить эту встречу и не могу. Мысленно вижу молодых парней в бескозырках и бушлатах, с автоматами и гранатами в руках.

...А встретиться довелось с совсем непохожими людьми. Все они стали намного старше, их непокорные кудри поредели, виски основательно припудрила седина.

Как в тумане вижу Василия Ботылева, Кирилла Диброва, Николая Кириллова, Александра Райкунова. На их пиджаках горят звезды Героя Советского Союза. С радостью узнаю знакомые, но сильно изменившиеся лица командиров боевых групп Бахмача, Пшеченко, Жернового, Ежеля. А вот и наши отважные замполиты Гребенщиков и Левин. Вижу начальника связи Катищенкова, корректировщика артиллерийского огня Воронкина, старшину отряда Алешичева, начальника снабжения Ибрагимова, разведчиков Колота, Марухно, Игнатьева, Плакунова, Киселева, участников многих десантов Романова, Потерю, Беньковского, Лихацкую, Воронину, Чугуевца, Волкова, Кайду, Макаренко, Жерновую, Волошина, Котеливца, Джайяни, Червинского, Голоднова, Вороненкова, Коваленко, Татарошвилли, Данилова, Чернова, Демиденко, Бульду, Яновского, Соколова, Белоусова, Новожилова... Люди различных национальностей, разного возраста и несхожих профессий в суровую для Родины годину шли плечом к плечу на врага, не щадя себя, бились за торжество жизни и свободы.

На встречу приехала супруга Цезаря Львовича Куникова Наталья Васильевна с сыном Юрием.

Тут же наши друзья - отважные моряки, обеспечивавшие высадки десантов. Вот и Владимир Цигаль. Ныне он скульптор, дважды удостоенный

Государственной премии.

Все мы собрались в просторном зрительном зале геленджикского Дома культуры. Сюда пришли сотни трудящихся города.

Звучит медь оркестра. Но наши сердца от волнения, кажется, бьются еще громче.

Один за другим выступают люди, о которых в здешних местах до сих пор ходят легенды. Бывшие разведчики рассказывают о бессмертных подвигах своих товарищей, вспоминают различные эпизоды и случаи из боевой жизни.

Собрание ветеранов получило приветственные телеграммы от Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Гречко, от Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР адмирала флота Горшкова, от бывшего командира Новороссийской военно-морской базы вице-адмирала Холостякова.

Зал аплодирует.

Боевые друзья сжимают друг друга в крепких объятиях.

Владимир Цигаль дарит городу групповую скульптуру. Ее композиция не требует пояснений. Мастер изобразил десантников в момент выполнения боевого задания.

И снова горячие аплодисменты, снова рукопожатия.

Наш бывший начальник снабжения Ибрагимов и тут показал во всем блеске свое умение делать людям приятное. Организованный им товарищеский ужин прошел, как принято сообщать в официальных отчетах, в теплой и дружеской обстановке. Правда, ни один отчет не мог бы со всей полнотой передать той подлинно радостной атмосферы, которая царила на вечере. По традиции вспомнили тех, кто не смог приехать на встречу, почтили память павших героев.

Под сводами зала зазвучала мелодия дорогой каждому песни о Цезаре Куникове.

Вперед! Смелее, хлопцы!

За мною, черноморцы!

Потом секретарь горкома партии Варвара Михайловна Черномурова предложила нам более подробно познакомиться с жизнью людей, за счастье которых пролита кровь патриотов.

- Это будет иметь неоценимое воспитательное значение, - сказала она. - У нас все от мала до велика проявляют живой интерес к событиям периода Великой Отечественной войны.

Вместе с Варварой Михайловной и директором местного музея Александрой Аветисовной Колосниковой мы несколько дней ходили и ездили по предприятиям, учреждениям и учебным заведениям. Встречались с трудящимися, с пионерами. Рассказывали о событиях минувших лет. И повсюду

встречали радушие и дружеское взаимопонимание.

Побывали и в Новороссийске. Провели митинг у обелиска на Малой земле, возложили венки на братскую могилу и у памятников Цезарю Львовичу Куникову и Николаю Ивановичу Сипягину.

...Мы шли по городу, где каждый камень хранит память о единоборстве с ненавистным врагом. Шли уже не юные матросы и командиры, которые в те дни смело действовали кинжалом и прикладом, а умудренные жизненным опытом люди инженеры, кадровые рабочие, партийные и советские работники... Перед каждым открылась своя послевоенная дорога, появилось самое любимое на свете дело. Но этих разных людей роднило сознание, что именно тут более четверти века тому назад они прошли первую жизненную школу, научились понимать и ценить святое слово - дружба. Эта дружба помогла им выстоять и победить, внести свой посильный вклад во всенародное дело разгрома полчищ немецко-фашистских захватчиков.

Пусть всегда над волнами наших морей поднимается не багровое зарево военных пожаров, а светят яркие огни городов и новостроек, огни мира и большого человеческого счастья. За это мы боролись, к этому пришли через все невзгоды военного лихолетья и никогда, никому не позволим нарушить право человека на мирную жизнь, любовь и радость.

Оглавление

"Морские призраки"	5
Новое назначение	9
В тылу врага.....	13
Особое задание	18
Ошибка Бориса Жукова.....	23
Клятва черноморцев.....	27
Вражеский лазутчик.....	32
Берем "языка"	36
Школа мужества.....	40
В огне.....	51
Герои не умирают.....	67
Даешь Крым!	86
Керченский десант	96
В битве за Севастополь.....	103
Гибель тральщика	107
Здравствуй, завоеванный мир!.....	116
Самое заветное	120